

С. Н. Браиловскій.

КЪ ВОПРОСУ

О

Пушкинской плеядѣ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

I. Орестъ Михайловичъ Сомовъ.

Отд. отт. изъ Р. Ф. В.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1909.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1.

„Что означаетъ терминъ Пушкинская плеяда“?

„Такъ называемая „Пушкинская плеяда“ поэтовъ очень мало выяснена. Нѣтъ ни одного изслѣдованія, въ которомъ съ достаточной полнотой обслѣдованъ былъ вопросъ о степени принадлежности того или другого поэта изъ сверстниковъ Пушкина къ его художественной школѣ, въ чемъ состоятъ ея характерныя черты и какими свойствами долженъ отличаться писатель для причисленія его къ „Пушкинской плеядѣ“.

Такъ писалъ проф. Н. Θ. Сумцовъ въ 1899 году, готовя къ Пушкинскимъ праздникамъ второе изданіе своихъ „Этюдовъ“ объ А. С. Пушкинѣ. (Въ память А. С. Пушкина. Харьковъ. 1900 г., 324 стр.).

Это — первый голосъ, требовавшій серьезнаго изслѣдованія вопроса о „Пушкинской плеядѣ“.

По слѣдамъ проф. Сумцова пошелъ г. Саводникъ, писавшій въ 1902 году: „Въ литературѣ довольно часто приходится встрѣчать такія выраженія, какъ „Пушкинская плеяда“, „поэты Пушкинской школы“ и тому подобныя. Употребляются эти выраженія безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій, какъ будто дѣло идетъ о фактѣ общеизвѣстномъ и общепонятномъ, не вызывающемъ никакихъ сомнѣній и вопросовъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, дѣло вовсе не обстоитъ такъ про-

сто, и если взглядеться въ него ближе, то само собою возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, имѣющихъ большой интересъ и значеніе съ историко-литературной точки зрѣнія“ (см. ст. „Забытый поэтъ Пушкинской плеяды Василій Ивановичъ Туманскій. Русскій Вѣстникъ. 1902 г., февраль).

Поставивъ на очередь, для рѣшенія историковъ литературы, вопросъ о понятіи „Пушкинская плеяда“, г. г. Сумцовъ и Саводникъ указали на то, что остается невыясненнымъ въ этомъ понятіи, что вызываетъ рядъ вопросовъ и сомнѣній.

„Къ кому именно приложимо названіе поэтовъ „Пушкинской плеяды“? спрашиваетъ, на примѣръ, г. Саводникъ.—„Какъ великъ объемъ этого понятія? Какіе признаки внутренніе и внѣшніе составляютъ его отличительныя черты“?..

„При невыясненности понятій о пушкинской школѣ, постоянно колеблется ея составъ“, пишетъ проф. Сумцовъ: „и, въ зависимости отъ личныхъ воззрѣній автора, плеяда или низводится на два, много три имени, или захватываетъ съ десятокъ лицъ, прозаиковъ и поэтовъ. Такъ, въ юбилейномъ Кіевскомъ сборникѣ 1899 г. Пушкинская плеяда состоитъ всего изъ 3 писателей Дельвига, Баратынскаго и Языкова. Въ IV т. Исторіи русской литературы г. Пышина болѣе десяти, причемъ тутъ оказывается Бестужевъ, кн. В. Одоевскій, Плетневъ. Языкову отведено очень маленькое мѣсто въ примѣчаніи, а о Подолинскомъ и Полежаевѣ упомянуто лишь мимоходомъ... Контингентъ Пушкинской плеяды подлежитъ, съ одной стороны, нѣкоторому ограниченію, а съ другой—расширенію многими малоизвѣстными, болшею частію провинціальными литературными дѣятелями. Такъ, можно исключить изъ числа поэтовъ пушкинской школы Ѳ. И. Тютчева, и вмѣсто того вставить, напр., такого усерднаго поклонника Пушкина, какъ Морачевскій“.

Г. Саводникъ исключаетъ изъ „Пушкинской плеяды“ и Баратынскаго, что видно изъ слѣдующаго замѣчанія: „Насколько неопредѣленъ и невыясненъ до сихъ поръ терминъ „Пушкинская плеяда“, видно уже изъ того факта, что его зачастую употребляютъ по отношенію къ такимъ поэтамъ, какъ Баратынскій и Тютчевъ, причемъ, очевидно, не принимается во вниманіе коренное различіе между духомъ поэзіи Пушкина и его

младшихъ сверстниковъ, различіе, слишкомъ характерное для того, чтобы можно было такъ близко сопоставлять трехъ названныхъ поэтовъ“...

Изъ сказаннаго ясно, что объемъ понятія „Пушкинская плеяда“ понимается весьма различно. Кроме того, различно понимаются и самые признаки этого понятія. И. С. Аксаковъ въ біографіи Тютчева (Русскій Архивъ. 1874 г.) говоритъ, между прочимъ: „Тютчевъ принадлежалъ безспорно къ такъ называемой Пушкинской плеядѣ поэтовъ не по тому только, что онъ былъ имъ всеѣмъ почти сверстникъ по лѣтамъ, но особенно по тому, что на его стихахъ лежитъ тотъ же историческій признакъ, которымъ отличается и опредѣляется поэзія этой эпохи... Стихи Тютчева представляютъ тотъ же характеръ внутренней искренности и необходимости, въ которомъ мы видимъ признакъ прежней (пушкинской) поэтической эпохи“...

Проф. Сумцовъ считаетъ это сужденіе поэта и публициста одностороннимъ и неправильнымъ: „Искренность нельзя считать исключительнымъ историческимъ признакомъ пушкинской эпохи. Эта добродѣтель скорѣе личная, чѣмъ общественная, и если ею обладалъ, въ высокой степени, Пушкинъ, то нельзя того же сказать про Тютчева“. Отрицаетъ онъ и „общее неопредѣленное ощущеніе сродства въ стилѣ и манерѣ письма“, о которомъ говоритъ Аксаковъ.

Самъ почтенный профессоръ указываетъ нѣсколько признаковъ понятія „Пушкинская плеяда“, но нельзя сказать, что все эти признаки отличаются опредѣленностью. Такъ, въ статьѣ о Морачевскомъ, рабскомъ подражателѣ Пушкина, онъ говоритъ: „При классификаціи писателей пушкинской школы, придется принять во вниманіе, какъ одинъ изъ признаковъ школы, извѣстную очевидную подражательность“...

Въ статьѣ же: „А. С. Пушкинъ и Ѳ. И. Тютчевъ“¹⁾ г-нъ Сумцовъ полагаетъ въ основу причисленія поэта къ „Пушкинской плеядѣ“ сходство точекъ зрѣнія на природу, на поэта и поэзію, сходство образовъ и языка.

¹⁾ Тамъ же, стр. 330—346.

Щедрѣе на указанія г. Саводникъ.

По его мнѣнію, для опредѣленія типическихъ особенностей поэтовъ „Пушкинской плеяды“ необходимо изучить „поэтическое творчество отдѣльныхъ представителей этой литературной группы и затѣмъ путемъ сравненія и сопоставленія выдѣлить общіе элсменты въ ихъ поэзіи и указать, въ какомъ отношеніи находятся эти элементы къ поэзіи Пушкина.

Отношенія эти могутъ быть 2-хъ родовъ: типическія черты творчества поэтовъ „Пушкинской плеяды“ могли сложиться, во-1-хъ, въ силу прямого и непосредственного *вліянія* на нихъ ихъ геніальнаго современника, или же, во-2-хъ, они явились независимо отъ непосредственного воздѣйствія пушкинской поэзіи, какъ результатъ общаго построенія, господствовавшего въ данную эпоху въ образованныхъ кругахъ русскаго общества; съ этой точки зрѣнія самъ Пушкинъ явится прежде всего типичнымъ представителемъ своего поколѣнія, возведшимъ „въ перль созданія“ идеи и чувства, волновавшія его современниковъ, давшимъ имъ такую силу личнаго выраженія, до которой никто изъ нихъ не могъ возвыситься“.

Поэтическое творчество этой группы поэтовъ необходимо изучить со стороны формы и содержанія.

Итакъ, сколько можно судить по цитированнымъ доселѣ авторамъ, необходимо прежде всего уяснить понятіе „плеяда“.

Слово „плеяда“ впервые приложено было къ французской литературной школѣ XVI столѣтія, главою которой считался Пьеръ Ронсаръ. Писатели этой школы мечтали о пышномъ расцвѣтѣ французской словесности; для чего старались усвоить ей лучшее, что было въ классическихъ литературахъ. Съ этою цѣлью они работали теоретически, излагая и научно обосновывая то, что осуществляли, хотя и не всегда удачно, на практикѣ. Они реформировали прозаическій и стихотворный слогъ, создавали на французской почвѣ новые виды литературнаго творчества (писали оды, элегіи, эпиграммы, идилліи, эклоги и проч. ¹⁾).

¹⁾ См. подробнѣе въ Энциклопедич. Словарѣ Брокгауза и Ефрона, 46 полт., 880—881 стр.

Если отъ литературы Франці обратимся къ литературной дѣятельности Пушкина, то увидимъ нѣчто аналогичное.

Прежде всего мы имѣемъ рядъ свидѣтельствъ, что въ эпоху Пушкина русскіе писатели составляли литературные кружки. „Писатели въ Россіи“, — читаемъ мы въ одной статьѣ, — образуютъ родъ братства, соединеннаго многими связями. Они почти всѣ или люди зажиточные, или чиновники правительства; пишутъ они большею частью для того, чтобы пріобрѣсть славу и общественное значеніе. Талантъ у нихъ не сдѣлался еще товаромъ... Такимъ образомъ литераторы любили собираться между собою, видались почти ежедневно и весело проводили время среди обѣдовъ, чтеній, дружескихъ бесѣдъ и споровъ“ (см. П. Бартеневъ. А. С. Пушкинъ. Москва. 1881 г., ч. II, стр. 159; см. *Мицкевичъ о Пушкинѣ*).

Въ кружкѣ Пушкина преобладали чисто литературные интересы. По словамъ г. Пышина, „состояніе литературы побуждало работать для формальнаго развитія литературы, для установленія формъ поэтическаго творчества, для устраненія старой риторической напыщенности, для выработки языка и стиха“... (Исторія русск. литературы, т. IV, стр. 444).

Все это требовало и труда и таланта; на все это тратились силы и способности. Пушкинъ, какъ глава кружка, подавалъ примѣръ. Вотъ сжатая характеристика дѣятельности гениальнаго поэта, сдѣланная покойнымъ Кирничниковымъ: „Умъ, необыкновенно сильный и чисто русскій по отвращенію отъ всего туманнаго, неяснаго, характеръ прямой, ненавидѣвшій всякую фальшь и фразу, энергію, напоминающую Петра и Ломоносова, Пушкинъ отдалъ на служеніе одному дѣлу — служенію родной литературѣ и создалъ ея *классическій періодъ*, сдѣлалъ ее полнымъ выраженіемъ основъ національнаго духа и великой учительницей общества... Убѣжденный, что безъ труда нѣтъ „истинно великаго“, онъ учится всю жизнь, учится у всѣхъ своихъ предшественниковъ и современниковъ и у всѣхъ литературныхъ школъ, отъ всякой беретъ все, что было въ ней лучшаго, истиннаго и вѣчнаго, откидывая слабое и временное. Но онъ не останавливается на пріобрѣтенномъ, а ведетъ его дальше и по лучшей дорогѣ. Псевдоклассицизмъ

оставилъ въ немъ наклонность къ соблюденію мѣры, къ строгому обдумыванію результатовъ вдохновенія, къ тщательности отдѣлки и къ изученію родного языка... Сентиментализмъ Бернардена, Карамзина и Ричардсона, проповѣдь Руссо натолкнули Пушкина на созданіе плѣнительныхъ образовъ простодушныхъ и любящихъ дѣтей природы и инстинкта.

Апоѳеозъ поэзіи и отвращеніе отъ прозы практической, филистерской жизни, доведенное до абсурда Шлегелями, у Пушкина выразилось твердымъ убѣжденіемъ въ независимости искусства отъ какихъ бы то ни было извнѣ положенныхъ цѣлей и въ его высокогуманномъ вліяніи. Баллады Бюргера и Жуковского, поэмы Вальтеръ-Скотта и „озерныхъ поэтовъ“ воодушевили Пушкина къ созданію „Вѣщаго Олега“, „Утопленника“, „Русалки“ и пр. Поклоненіе среднимъ вѣкамъ и рыцарству явилось у него какъ пониманіе ихъ и художественное воспроизведеніе въ „Скупомъ рыцарѣ“ и „Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ“. Байронъ былъ долго „властителемъ его думъ“; онъ усвоилъ у него смѣлый и глубокій анализъ души человѣческой, но нашелъ примиреніе для его безутѣшной, міровой скорби въ дѣятельной любви къ человѣчеству. Собственное художественное чутье и критическія положенія Лессинга, хотя и дошедшія до Пушкина черезъ третьи руки, обратили его къ изученію Шекспира и романтической драмы, которое привело его... къ созданію „Бориса Годунова“, „Каменнаго гостя“ и др. Горячее національное чувство, всегда таившееся въ душѣ Пушкина и укрѣпленное возрожденіемъ идеи народности въ Западной Европѣ, привело его... къ изученію родной старины и народной поэзіи, къ созданію „Полтавы“, сказокъ и пр. “...

Такойъ геніальный поэтъ, стоя во главѣ школы, не могъ не вліять на современныхъ писателей. Многіе современники оставили рядъ указаній на то обаяніе, которое имѣло имя Пушкина; не меньше сохранилось свидѣтельствъ у современныхъ Пушкину писателей, которые считали для себя большою честью, если ихъ имя стояло рядомъ съ именемъ геніальнаго поэта въ альманахахъ и журналахъ 20—30 годовъ XIX столѣ-

тія, и которые не безъ гордости называли Пушкина своимъ учителемъ.

К. Θ. Рылѣевъ въ письмѣ къ Пушкину отъ 20 марта 1825 года пишетъ: „Ты всегда останешься моимъ учителемъ въ языкѣ стихотворномъ“. Особенно интересно признаніе Вильгельма Кюхельбекера, который смотрѣлъ на самого себя, какъ на самобытный талантъ въ литературѣ, и ставилъ себя по самостоятельности рядомъ съ Грибоѣдовымъ и Пушкинымъ¹⁾. Вотъ этотъ самый Кюхельбекеръ, такъ ревниво оберегавшій свою самобытность и оригинальность, пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Перечитывая сегодня поутру начало третьей пѣсни своей поэмы, я замѣтилъ въ механизмѣ стиховъ и въ слогъ что-то пушкинское. Люблю и уважаю прекрасный талантъ Пушкина. Но признаться, мнѣ-бы не хотѣлось быть въ числѣ его подражателей. Впрочемъ, никакъ не могу понять, отчего это сходство могло произойти, мы, кажется, шли съ 1820 года совершенно различными дорогами“.

Если вліяніе Пушкина сказывалось на поэтической дѣятельности такого человѣка, который не желалъ быть въ числѣ подражателей его, для котораго, въ силу близкаго знакомства и дружбы, личность Пушкина не была столь обаятельна, то что сказать о силѣ вліянія его на тѣхъ современниковъ-поэтовъ и писателей, среди которыхъ имя Пушкина вызывало чувство восторга и благоговѣнія, которые гордились сознаниемъ, что идутъ въ своей литературной дѣятельности по стопамъ геніального учителя.

„Петербургскій старожилъ“ (=Вл. Бурнашевъ), современникъ Пушкина и литературный дѣятель, въ своихъ воспоминаніяхъ не разъ говоритъ о томъ благоговѣніи, которое питали къ Пушкину многіе второстепенные писатели и поэты, каковы: Аладинъ, Масальскій, Сіановъ, Владиславлевъ, Бенедиктовъ, Струйскій, Щастный, Якубовичъ, бар. Е. Θ. Розенъ и другіе. Когда въ 1836 году Пушкинъ неожиданно появился на литературномъ вечерѣ у А. Θ. Воейкова, то присутствовавшіе тамъ многіе изъ только-что поименованныхъ поэтовъ до

¹⁾ См. „Русская Старина“, 1890 г., августъ, 83.

того благоговѣли передъ своимъ гениальнымъ образцомъ, что нисколько не претендовали, чтобы хозяинъ представилъ ихъ высокому гостю¹⁾.

Другой современникъ, Ив. Ив. Панаевъ, сообщаетъ, что выше упомянутый поэтъ Якубовичъ гордился тѣмъ, что Пушкинъ всегда выпрашиваетъ у него стиховъ для своихъ изданій²⁾. Родственникъ Вил. Кюхельбекера, писатель Диринъ, писалъ Ив. Ив. Панаеву, когда переведенное послѣднимъ изъ Гюго стихотвореніе было напечатано въ „Библіотекѣ для чтенія“ рядомъ со стихами Пушкина: „Ты пойми, какая это высокая вещь. Ты счастливецъ. Я не знаю, чего бы я ни далъ, чтобы видѣть имя свое рядомъ съ именемъ Пушкина³⁾“.

Не говорю уже о такихъ писателяхъ — современникахъ Пушкина, какъ — А. Бестужевъ, бар. Дельвигъ, Языковъ, Плетневъ, В. И. Туманскій, кн. Вяземскій и др., съ которыми великаго поэта связывала тѣсная дружба, равное общественное положеніе и литературная дѣятельность. Стоитъ перечитать переписку Пушкина съ этими лицами, чтобы воочию убѣдиться въ вліяніи его на ихъ дѣятельность, несмотря на общеизвѣстную скромность гениальнаго поэта. Послѣ сказаннаго понятными станутъ слѣдующія слова Гоголя изъ „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“: „Пушкинъ былъ для всѣхъ поэтовъ, ему современныхъ, точно брошенный съ неба поэтической огонь, отъ котораго, какъ отъ свѣчки, зажглись другіе самоцвѣтные поэты. Вокругъ него вдругъ образовалось цѣлое созвѣдіе: Дельвигъ, поэтъ сибаритъ..., Козловъ, гармоническій поэтъ..., Баратынскій, строгій и сумрачный поэтъ... Всѣхъ этихъ поэтовъ возбудилъ на дѣятельность Пушкинъ; другихъ же просто создалъ. Я разумѣю здѣсь нашихъ такъ называемыхъ антологическихъ поэтовъ, которые произвели понемногу; но если изъ этихъ немногихъ душистыхъ цвѣтковъ сдѣлать выборъ, то выйдетъ книга, подъ которою подпишетъ свое имя лучшій поэтъ. Стоитъ назвать обоихъ Туманскихъ.

¹⁾ См. ст. Мое знакомство съ Воейковымъ въ 1830 г. и его памятные литературныя собранія. Русскій Вѣстникъ. 1871 г. №№ 9—11.

²⁾ Литературныя воспоминанія. Спб. 1881 г. 41 стр.

³⁾ См. тамъ же, стр. 42.

„Даже прежніе поэты стали перестраивать ладъ лиръ своихъ. Извѣстный переводчикъ Иліады Гнѣдичъ, перелагатель псалмовъ Ѡ. Глинка, партизанъ-поэтъ Давидовъ, наконецъ самъ Жуковскій, наставникъ и учитель Пушкина въ искусствѣ стихотворномъ, сталъ потомъ учиться самъ у своего ученика. Сдѣлались поэтами даже тѣ, которые не рождены были поэтами, которымъ готовилось поприще не менѣе высокое, судя по тѣмъ духовнымъ силамъ, какія они показали даже въ стихотворныхъ своихъ опытахъ, какъ-то: Веневитиновъ, такъ рано отъ насъ похищенный, и Хомяковъ“...

Всѣ увлеклись необыкновенно-художественною обработкою стихотворныхъ созданій, которую показалъ Пушкинъ; всѣ жили въ какой-то поэтической Эладѣ, повторяя стихи Пушкина:

Не для житейскаго волненья,
 Не для корысти, не для битвъ, —
 Мы рождены для вдохновенья,
 Для звуковъ сладкихъ и молитвъ...

„Не знаю, такъ заканчиваетъ Гоголь, въ какой другой литературѣ показали стихотворцы такое безконечное разнообразіе оттѣнковъ звука, чему отчасти, разумѣется, способствовали самъ поэтическій языкъ нашъ. У каждаго свой стихъ и свой особенный звонъ. Этотъ металлическій, бронзовый стихъ Державина, котораго до сихъ поръ не можетъ еще позабыть наше ухо; этотъ густой, какъ смола или струя столѣтняго тока, стихъ Пушкина; этотъ сіяющій, праздничный стихъ Языкова, влетающій, какъ лучъ въ душу, весь сотканный изъ свѣта; этотъ облитый ароматами полудня стихъ Батюшкова, сладостный, какъ медъ горнаго ущелья; этотъ легкій, воздушный стихъ Жуковского, порхающій, какъ неясный звукъ золотой арфы; этотъ тяжелый, какъ бы влачащійся по землѣ стихъ Вяземскаго, проникнутый подчасъ ѣдкою, щемящею русскою грустью; всѣ они, точно разнозвонные колокола или безчисленные клавиши одного благозвучнаго органа, разнесли благозвучіе по русской землѣ“¹⁾).

¹⁾ Цитирую Гоголя по „Исторіи русск. литературы Н. Энгельгардта“, т: I, 348—350 стр.

Старшій современникъ и другъ Пушкина, кн. Вяземскій говоритъ: „Пушкинъ, Дельвигъ, Баратынскій, Языковъ не только современностью, но и поэтическимъ соотношеніемъ, какимъ-то семейнымъ общимъ выраженіемъ образуютъ у насъ нераздѣльное явленіе. Ими олицетворяется послѣдній періодъ поэзіи нашей; ими, по крайней мѣрѣ донинѣ ¹⁾, замыкается постепенное развитіе ея, означенное первоначально именами: Ломоносова, Петрова, Державина, послѣ — Карамзина и Дмитріева, позднѣе — Жуковского и Батюшкова. Въ ихъ именахъ сосредоточивается отличительное выраженіе поэзіи русской; это ея краеугольныя, заглавныя, родоначальныя имена“ ²⁾.

Выслушавъ современниковъ Пушкина, необходимо обратить вниманіе на то, что *выраженіе „Пушкинская плеяда“ они понимали не въ смыслъ какой-либо литературной школы, а скорѣе въ астрономическомъ значеніи. На языкѣ же астрономіи плеядами называется тѣсная группа звѣзд въ созвѣздіи Тельца. Въ этомъ созвѣздіи нѣкоторыя звѣзды имѣютъ одинаковое, но собственное движеніе, нѣкоторыя же, даже слабыя звѣзды, имѣютъ совершенно иное движеніе.*

Мнѣ кажется, что г. г. Сумцовъ и Саводникъ ближе подошли бы къ истинѣ, если бы, при опредѣленіи содержанія и объема понятія „Пушкинская плеяда“, не отирались отъ пониманія „плеяды“, какъ особой литературной школы. Конечно, Пушкинъ могъ стать во главѣ литературной школы; но, по собственному его выраженію, онъ не признавалъ никакихъ литературныхъ школъ, или „сектъ“: „Я, говоритъ онъ, въ литературѣ скептикъ, чтобы не сказать хуже, и всѣ ея секты для меня равны“. На основаніи сказаннаго было бы ошибкою соединять съ терминомъ „Пушкинская плеяда“ значеніе строго-опредѣленной литературной школы, тѣмъ болѣе, что ни Пушкинъ, ни другой поэтъ изъ близкихъ къ нему друзей не пытался дать теоретическія обоснованія своей школѣ. Вся дѣятельность геніальнаго поэта является синтезомъ всего предыдущаго труднаго пути русской литературы и послѣднимъ

¹⁾ Писано въ 1847 году.

²⁾ Цитир. по кн. Энгельгардта, т. I, стр. 364.

моментомъ въ ея первомъ эволюціонномъ періодѣ, когда, собственно говоря, русскіе могли сказать, что въ лицѣ Пушкина они имѣютъ *своего* поэта, въ его произведеніяхъ — *свою* литературу.

Великій поэтъ былъ слишкомъ геніаленъ и слишкомъ реагировалъ на потребности и запросы русской духовной жизни, чтобы замкнуться въ узкой сферѣ одной какой-либо литературной школы. Подобно Петру и Ломоносову, онъ для своего времени въ духовномъ отношеніи явился „всеобъемлющей душой“. Не даромъ современные писатели и поэты считали Пушкина своимъ свѣтиломъ, своимъ солнцемъ: онъ щедро бросалъ лучи своего всеобъемлющаго генія на самую незначительную литературную былинку, давая ей тонъ, побуждая работать на нивѣ родной литературы, но работать самостоятельно, по мѣрѣ своихъ силъ и таланта.

Мы склоняемся къ астрономическому толкованію термина „Пушкинская плеяда“ и потому еще, что ошибки ученыхъ изслѣдователей литературы въ опредѣленіи количества поэтовъ, причисляемыхъ къ ней, напоминаютъ ошибки астрономовъ, въ исчисленіи звѣздъ въ созвѣздіи Тельца: одни насчитывали 6—7 звѣздъ, другіе — 14, третьи — 36, и, наконецъ, большіе зрительные инструменты открываютъ 400! Не то же ли самое видимъ и во взглядахъ на объемъ понятія „Пушкинская плеяда“?

Одни изслѣдователи ограничиваютъ его семью поэтами 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія, другіе прибавляютъ къ нимъ нѣсколько именъ писателей 30-хъ годовъ того же столѣтія, наконецъ третьи говорятъ, что кругъ „Пушкинской плеяды“ размыкался еще въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, которыми закончилась золотой вѣкъ нашей поэзіи“ ¹⁾.

Все предыдущее приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Во-1-хъ, согласно съ пониманіемъ современниковъ, *Пушкинъ оказывалъ необыкновенно сильное вліяніе на поэтовъ-сверстниковъ и больше юныхъ*. Одинъ изъ послѣднихъ въ „Посланіи къ Пушкину“ говоритъ:

¹⁾ См. г. Энгельгардтъ. Исторія русск. лит., I т., 364 стр.

„Изъ гроба древности тебѣ привѣтъ;
 Тебѣ сей гласъ, гласъ неокрѣпый, юный;
 Тебѣ звучать, нашъ камер-тонъ поэтъ,
 На ладъ твоихъ настроенныя струны.
 Простишь меня великодушно въ томъ,
 Когда твой слухъ взыскательной и нѣжной
 Я оскорблю неслаженнымъ стихомъ,
 Иль риемою нестройной и мятежной;
 И, можетъ быть, порадуешь себя
 Въ моемъ стихѣ своимъ же ты успѣхомъ,
 Что въ древній Римъ ¹⁾ отозвалась твоя
 Гармонія, хотя и слабымъ эхомъ...
 ...Но чьи изъ всѣхъ родимыхъ звуковъ мнѣ
 Тѣснятся въ грудь неотразимой силой?
 Все Русское звучитъ въ ихъ глубинѣ,
 Надежды всѣ и слава Руси милой,
 Чтѣ съ дѣтскихъ лѣтъ втвердилось въ слова,
 Чтѣ сердце жметъ и будитъ вздохъ заочный:
 Твои пѣвецъ! избранникъ божества,
 Любовію народа полномочный!
 Ты русскіе думъ на всѣ лады оргѣнъ!
 Помазанный Державинымъ предтечей,
 Нашъ депутатъ на Европейскомъ вѣчѣ; —
 Ты — колоколь въ славу Россіянъ ²⁾!

Во-2-хъ, согласно съ пониманіемъ современниковъ, подъ терминомъ „Пушкинская плеяда“ необходимо разумѣть не столько опредѣленную литературную школу, проникнутую извѣстною тенденціей, сколько *группу писателей, сообщившихъ или стремившихся сообщить русской литературѣ такой характеръ, въ силу котораго она могла впервые получить съ полнымъ правомъ свое названіе, названіе литературы.*

Размѣры этой группы опредѣлялись постепенно. Гоголю, кн. Вяземскому и другимъ современникамъ Пушкина были замѣтны только болѣе крупныя звѣзды „пушкинскаго созвѣздія“; но послѣдующимъ ученымъ и критикамъ открылись болѣе широкіе горизонты, стали замѣтны, благодаря усовершенствован-

¹⁾ Авторъ стихотворенія, извѣстный профессоръ Московскаго университета, С. Шевыревъ, писалъ посланіе, находясь въ Римѣ.

²⁾ См. *Денница*, альманахъ на 1831 г.

нымъ стекламъ критическаго анализа, самыя маленькія звѣздки и даже едва замѣтныя туманности, соединенныя безчисленными развѣтвленіями и окутывающія большія и маленькія звѣзды „Пушкинской плеяды“.

Спросятъ насъ, существуютъ ли какіе-либо признаки, роднящіе поэтовъ „Пушкинской плеяды“, соединяющіе ихъ въ одно нераздѣльное явленіе въ русской литературѣ. Само собою разумѣется, такіе признаки существуютъ. За перечисленіемъ ихъ слѣдуетъ снова обратиться къ современникамъ Пушкина, ибо послѣднимъ бросаются въ глаза болѣе яркія, выпуклыя, общія черты извѣстнаго литературнаго явленія.

Гоголь заявилъ, что поэты „Пушкинскаго созвѣздія“ *разнесли благозвучіе по русской землѣ*. К. Θ. Рылѣевъ называлъ Пушкина своимъ учителемъ именно *въ стихотворномъ языкѣ*, и самъ великій поэтъ не отрицалъ этого ¹⁾. Впрочемъ, тотъ же Рылѣевъ въ письмѣ отъ 25 янв. 1825 г. указываетъ и другія черты своего сходства съ великимъ учителемъ: „Я пишу къ тебѣ *ты*, потому что холодное вы не ложится подѣ перо; надѣюсь, что имѣю на это право *и по душѣ, и по мыслямъ*“ ²⁾.

Ив. Ив. Панаевъ сообщаетъ, что Н. В. Кукольникъ преслѣдовалъ *мелкое*, по его мнѣнію, *направленіе литературы, данное Пушкинымъ*, проповѣдуя все о колоссальныхъ созданіяхъ. Другой современникъ Пушкина, писатель повѣстей Каменскій, „съ ироническою улыбкою поглядывалъ на тѣхъ, которые брали предметомъ для своихъ разсказовъ современную и обыденную жизнь“ ³⁾.

Припомнимъ изъ выше цитированнаго *Посланія къ Пушкину* С. Шевырева, что въ стихахъ великаго поэта „*все русское звучитъ*“...

Много и еще можно было бы привести указаній современниковъ, но эти указанія не внесли бы уже ничего новаго. Поэтому остановимся и подведемъ итогъ признакамъ, которые да-

¹⁾ См. его письмо къ А. Бестужеву въ сочин. Пушкина изд. подѣ редак. Ефремова, т. VIII, стр. 166.

²⁾ Цитирую Рылѣева по изд. подѣ редакціей г. Мазаева, 1895 г., стр. 153.

³⁾ См. Литератур. воспоминанія И. И. Панаева, стр. 105—109.

ютъ всѣмъ поэтамъ „Пушкинской плеяды“ „семейное, общее выраженіе“, по удачному выраженію умнаго кн. Вяземскаго. Таковыми признаками слѣдуетъ считать для очень многихъ поэтовъ не только 20-хъ, 30-хъ, но и 40-хъ и 50-хъ и позднѣйшихъ годовъ XIX столѣтія, во-первыхъ, литературное сыновство по отношенію къ Пушкину. Этотъ признакъ очень многими поэтами-плеядистами ясно подчеркивается или въ воспоминаніяхъ, или въ стихотворныхъ посланіяхъ ¹⁾. Этотъ признакъ разумѣлъ, очевидно, Гоголь, называя Пушкина „поэтическимъ огнемъ“, отъ котораго воспламенилось поэтическое призваніе многихъ современниковъ. При отсутствіи собственныхъ признаній, сыновство другихъ поэтовъ легко отыскивается при сравнительномъ изученіи ихъ произведеній и произведеній Пушкина. Таково, напримѣръ, сыновство Лермонтова, установленное г. Сумцовымъ въ упомянутой книгѣ его ²⁾.

Вторымъ признакомъ слѣдуетъ признать *самобытность*. Творчество Пушкина было первою побѣдою, которую одержала русская самобытность въ литературѣ. И всѣ поэты „Пушкинской плеяды“ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ стремились, вслѣдъ за своимъ учителемъ, отразить въ своемъ творествѣ самобытную русскую жизнь. Само собою разумѣется, что „такое отраженіе самобытной русской жизни въ творествѣ давалось нашимъ художникамъ въ тѣ годы съ большимъ трудомъ: у нихъ у всѣхъ... замѣчалось какое-то отсутствіе чутья къ окружающей ихъ дѣйствительности“ ³⁾.

Прочитавъ откровенныя признанія Ив. Ив. Панаева, легко признать справедливость слѣдующаго замѣчанія г. Котляревскаго, основаннаго на изученіи романовъ и повѣстей 20—30-хъ годовъ XIX столѣтія. „Русская жизнь, говоритъ онъ, именно въ томъ, что было въ ней самобытнаго и народнаго, была для художника того времени полупонятной книгой, читать которую его не научило полученное имъ воспитаніе и об-

¹⁾ Интересующихся отсылаемъ къ книгамъ г. Каллаша „*Puschkiniana*“, гдѣ собраны стихотворенія о Пушкинѣ.

²⁾ См. ст. „О вліяніи Пушкина на Лермонтова“, стр. 317—324.

³⁾ См. Н. Котляревскій. Литературная дѣятельность декабристовъ. Русское Богатство. 1901. № 3.

разованіе. Онъ отчетливо сознавалъ этотъ свой недостатокъ, стремился, по мѣрѣ силъ, отъ него избавиться..., но почти всегда изнемогалъ подъ трудностью этой задачи“.

Третьимъ признакомъ поэтовъ „Пушкинской плеяды“ слѣдуетъ признать *стремленіе къ правдивости, отсутствіе ходульности и фальши*. Всѣ послѣдователи Пушкина старались правдиво и искренно выразить въ своихъ произведеніяхъ то, чтó они чувствовали, о чемъ думали, не справляясь съ тѣмъ, насколько ихъ думы и чувства приложимы къ живой современности или ея оправдываются.

Наконецъ, въ 4-хъ, исключительная забота о языкѣ и стихѣ, то благозвучіе, о которомъ говорить Гоголь, составляетъ общую черту всѣхъ поэтовъ „Пушкинской плеяды“. Переписка Пушкина съ современными писателями ясно свидѣтельству-етъ, что онъ удѣлялъ много вниманія языку и стиху: то онъ поправляетъ неудачный стихъ ученика и послѣдователя, то приходитъ въ восторгъ отъ удачнаго слова, то, наконецъ, хвалитъ счастливый поэтический оборотъ“...¹⁾.

Вотъ то общее, чтó легко отыскать въ творчествѣ каждо-го поэта „Пушкинской плеяды“; но это нисколько не означа-етъ, что всѣ поэты, послѣдователи Пушкина, обязательно должны были смотрѣть на всѣ явленія текущей русской жи-зни глазами своего учителя, заимствовать у него образы. Ко-нечно, и то и другое было, но не того хотѣлъ Пушкинъ. Въ этомъ отношеніи интересно одно замѣчаніе бар. Егора Оо-доровича Розена, автора либрето „Жизни за царя“, въ письмѣ къ С. Шевыреву. Посылая московскому профессору свой аль-манахъ „*Альціону*“ за два года и прося отзыва, бар. Розенъ

¹⁾ Въ подтвержденіе приводимъ здѣсь одинъ изъ многихъ при-мѣровъ. Въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 15 апр. 1825, поблагодаривъ его за присылку стихотворенія *Нарвскій водопадъ*, Пушкинъ продолжаетъ:

„Давай мутить его сейчасъ же.

. *съ твоимъ*

Сердитый влаги властелинъ —

вла, вла звуки музыкальные, но можно ли, напр., сказать о молніи: *вла-стительница небснаго огня*? Водопадъ самъ состоитъ изъ влаги, какъ мол-нія сама огонь. Переимѣнуй какъ-нибудь и т. д.“. См. VII т. сочиненій Пушкина подъ редакціей Ефремова, стр. 210—211.

пишетъ, между прочимъ: Пушкину въ особенности нравится моя піеса: „Зеркало старушки“. Онъ меня встрѣтилъ восторженнымъ восклицаніемъ: „Ваша Серафима — прелесть!“! Но я съ нимъ ссорился за князей *Горбатовъ-Шуйскихъ*: онъ отдастъ преимущество предъ ними моимъ *Тремъ символамъ*, говоря, что я живо напоминаю Шиллера, не будучи подражателемъ, и что сія піеса есть вѣнецъ въ этомъ родѣ. Съ младенческою простотою повторяю Вамъ сіе *похвальное* обо мнѣ слово, зная, что вы во зло не употребите моей откровенности. Доказательствомъ тому, что меня не улестила сія похвала, служатъ мои споры съ Пушкинымъ въ пользу моихъ несчастныхъ Шуйскихъ, которыхъ и онъ, впрочемъ, не мало порицаетъ. *Вообще я замѣчаю, что ему предпочтительно нравятся тѣ піесы у меня, кои не въ его духъ, будто бы онъ не терпитъ ни малѣйшаго съ нимъ соперничества, даже при неизмѣримомъ неравенствѣ дарованій въ соперникъ“* ¹⁾...

Бар. Розень неправильно объясняетъ мотивы вѣрно подмѣченнаго явленія: Пушкинъ, какъ видно изъ многочисленныхъ писемъ его къ разнымъ современникамъ-писателямъ, желалъ, чтобы каждый изъ нихъ творилъ самостоятельно, оставаясь самымъ собою, а не слѣдуя рабски ему или кому-либо другому ²⁾).

При предлагаемомъ пониманіи термина „Пушкинская плеяда“ количество отдѣльныхъ поэтовъ ея возрастаетъ значительно, ибо всегда около яркаго свѣтила группируется множество маленькихъ звѣздъ, отгнѣняющихъ ярче свѣтъ и блескъ его...

Безчисленные альманахи и журналы 20 и 30-хъ годовъ XIX столѣтія держались не одними произведеніями Пушкина, Дельвига, Баратынскаго и Языкова, но ихъ наполняли своими произведеніями добровольцы-поэты и скромные литературные дѣятели, снискивавшіе себѣ пропитаніе исключительно литературнымъ трудомъ.

¹⁾ Подлинники писемъ бар. Е. Θ. Розена находятся въ рукоп. отд. Имп. Публ. Библиотеки.

²⁾ Намъ пріятно отмѣтить совпаденіе нашего взгляда на „плеяду“ со взглядомъ Н. А. Когларевскаго, высказаннымъ имъ недавно. См. книгу: Литературныя направленія Александровской эпохи. стр. 134 и слѣд.

2.

Предлежащая изслѣдователю вопроса о „Пушкинской плеядѣ“ задача.

Изъ предыдущаго ясно, что доселѣ мало оставалась изслѣдованною дѣятельность менѣ замѣтныхъ писателей Пушкинской эпохи, тѣхъ именно писателей, которые въ свое время разносили по русской землѣ и гармонію, и народность, и простоту, и правдивость съ искренностью и всю человѣчность поэзіи своего геніальнаго учителя.

Въ самомъ дѣлѣ, литературное наслѣдіе этихъ, подчасъ очень мало примѣтныхъ, звѣздъ и звѣздочекъ „пушкинскаго созвѣздія“ почти не собрано, за немногими исключеніями. Общанный С. А. Венгеровымъ трудъ „Русская поэзія“ остановился на первомъ выпускѣ второго тома, и весьма сомнительно его дальнѣйшее продолженіе. Отдѣльныя монографіи написаны лишь о болѣе видныхъ представителяхъ „Пушкинской плеяды“. Много драгоценныхъ указаній и свѣдѣній дано въ примѣчаніяхъ къ сочиненіямъ Батюшкова извѣстнаго знатока-библіографа В. И. Саитова; много общаютъ его же примѣчанія къ *Остафьевскому архиву* и къ *Перепискѣ Пушкина*, издаваемой по порученію Академіи Наукъ.

Нѣтъ сомнѣній, что тщательная и добросовѣстная работа В. И. Саитова дастъ цѣлый рядъ цѣнныхъ біографическихъ и бібліографическихъ указаній, которыя облегчатъ кропотливый трудъ по разыскванію произведеній, разсѣянныхъ въ многочисленныхъ альманахахъ и журналахъ 20 и 30-хъ годовъ XIX столѣтія.

Итакъ, какъ видно изъ сказаннаго, доселѣ нѣтъ того матеріала, на основаніи котораго возможно будетъ построить точные и прочные выводы и заключенія о поэтахъ „Пушкинской плеяды“.

Поэтому первою и настоятельною задачею изслѣдователя вопроса о „Пушкинской плеядѣ“ является подготовка литературнаго матеріала, тѣхъ кирпичей, изъ коихъ возможно будетъ построить трудъ, освѣщающій интересную эпоху русской литературы.

Этотъ трудъ вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ къ вящему уразумѣнію и гениальнаго поэта. Ибо Пушкинъ, оказывая вліяніе на современниковъ - поэтовъ, и самъ многое брать у нихъ. Исслѣдованія въ этомъ направленіи могутъ открыть широкіе горизонты для познанія новыхъ и новыхъ сторонъ духовной природы Пушкина, поэта съ „многогранной душой“. по счастливому выраженію А. Θ. Кони.

Настоящій трудъ представляетъ рядъ очерковъ и матеріаловъ, посвященныхъ небольшимъ или очень незамѣтнымъ литературнымъ звѣздамъ Пушкинскаго созвѣздія.

На первый планъ выдвигаю лирику писателей „Пушкинской плеяды“: лирическое настроеніе преобладало среди поэтовъ первыхъ трехъ десятилѣтій XIX столѣтія; тогда господствовала страсть къ стихотворству, и прозою писали далеко не всѣ писатели.

Воскресить въ памяти современниковъ произведенія забытыхъ поэтовъ побудило меня и чувство справедливости: какъ ни незначительны были даже для своего времени произведенія ихъ, но они, эти произведенія, составляли *литературу*: ихъ читали, о нихъ и по поводу ихъ спорили; ихъ сочиненія въ эпоху цензурнаго гнета были тѣми живыми струйками, которыя въ періодъ засухи сохраняютъ воспоминаніе о ручьяхъ и рѣкахъ. И эти литературныя струйки хранили въ себѣ думы и чувства лучшихъ людей своего времени, будили въ читателяхъ-современникахъ лучшія стремленія и хранили преданіе о лучшихъ литературныхъ временахъ.

Приводя въ полномъ и согласномъ съ правописаніемъ и пунктуаціей того времени видѣ всѣ по возможности напечатанныя произведенія названныхъ писателей, я старался дать и краткую біографію, которая служитъ рамкою для произведеній. Конечно, въ моей работѣ много неполноты, хотя мною приложено всяческое стараніе къ тому, чтобы исчерпать о данномъ писателѣ все извѣстное, присоединивъ и неизвѣстное изъ рукописныхъ источниковъ. Припоминая свои подчасъ очень кропотливые поиски въ альманахахъ и журналахъ, равно отыскиваніе рукописнаго матеріала, съ благодарностью называю

ваю здѣсь имена лицъ, помогавшихъ мнѣ совѣтами и цѣнными
указаніями. В. И. Саитову, А. А. Шахматову, В. И. Срезнев-
скому, В. П. Ламбину, А. І. Ляценку, П. Е. Щеголеву, В. В.
Майкову, Б. Л. Модзалевскому, гр. Г. А. Милорадовичу, г-ну
Пиксанову — всѣмъ имъ мое сердечное спасибо.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Мелкія литературныя величины „Пушкинской плеяды“.

I.

Орестъ Михайловичъ Сомовъ (1793—1833).

1.

Вотъ имя писателя, совершенно забытаго нынѣ, но въ свое время (20 и 30 годы XIX ст.) довольно извѣстнаго, часто появлявшагося со своими произведеніями на страницахъ журналовъ и альманаховъ. „Истинный жрецъ Музъ, посвятившій всю жизнь свою единственно литературѣ“, по словамъ некролога, О. М. Сомовъ былъ близкимъ сотрудникомъ Н. И. Гречу, Ѳ. В. Булгарину, помогалъ бар. А. А. Дельвигу въ изданіи альманаха „Сѣверные Цвѣты“ и журнала „Литературная Газета“, велъ постоянныя сношенія съ А. С. Пушкинымъ и другими литераторами того времени. И этотъ писатель, котораго оригинальныя повѣсти, рассказы, рецензіи и дѣятельное участіе во многихъ журналахъ и альманахахъ дѣлали смерть его весьма чувствительною утратою для русской литературы въ свое время, нынѣ забытъ совершенно, оставаясь мало извѣстнымъ даже историкамъ литературы. Постараемся напомнить о немъ и его произведеніяхъ.

Родъ Сомовыхъ — очень старинный дворянскій родъ. Родоначальникъ его, Андрей Львовичъ Сомъ, былъ внукомъ мурзы Ослана, выѣхавшаго изъ Золотой Орды и принявшаго крещеніе въ 1389 году. Впоследствии этотъ дворянскій родъ раздѣлился на нѣсколько вѣтвей.

Орестъ Михайловичъ Сомовъ, родившійся въ декабрѣ 1793 года ¹⁾, принадлежалъ къ той вѣтви этого рода, которая записана въ родовой книгѣ Харьковской губерніи.

Семья Сомова, не очень состоятельная, проживала въ гор. Волчанскѣ тогдашней Слободско-Украинской губерніи, въ Малороссіи, красоты природы которой произвели сильное впечатлѣніе на юное сердце будущаго литератора. Объ этомъ онъ самъ упоминаетъ въ автобіографической статьѣ „*Картины дѣтства*“, напечатанной въ „*Сынъ Отечества*“ за 1834 г. (т. XLIII, № 23, стр. 347—353). На основаніи этой статьи только и возможно начертать дѣтство его и ту обстановку, среди которой онъ росъ.

Кромѣ красотъ Малороссіи, на него производили сильное впечатлѣніе нѣкоторыя грозныя явленія южно-русской природы. Вотъ вспоминается, напримѣръ, Сомову картина весенняго половодья. „Растаявшіе снѣга сбѣгали мутными ручьями съ горъ и вздымали рѣку, на которой была у насъ плотина и мельница. Мать моя возвращалась со мной отъ родныхъ, жившихъ въ сосѣдствѣ“. Всею семьей они вышли изъ дома и сѣли на высокомъ, обрывистомъ берегу рѣки смотрѣть, что станется съ плотиною и мельницей, которая „была однимъ изъ важнѣйшихъ хозяйственныхъ пособій въ нашемъ скудномъ достояніи“. Плотина не выдержала напора воды, затрещала и рухнула. „Этотъ ревъ и клокотъ волнъ, эти сердитые порывы буйной стихіи возвысили тогда молодую душу мою и донынѣ еще отзываются въ ея памяти долговременными звуками“.

А вотъ гроза въ іюнѣ. Маленькій Сомовъ бѣгалъ по саду и желѣзомъ разрушалъ ограду очарованнаго замка. Вдругъ набѣжали черныя тучи, поднялся вихрь, засверкала молнія, грянулъ громъ, и полились потоки съ неба. „Мы упали на колѣна: набожная мать моя затеплила страстную свѣчу и поста-

¹⁾ Годъ рожденія устанавливается на основаніи некролога въ № 49 Прибавленій къ Русскому Инвалиду за 1833 г., въ которомъ сказано, что Сомовъ скончался на 40-мъ году. Мѣсяць декабрь слѣдуетъ признать на основаніи показанія его Тайному Комитету, учрежденному для разслѣдованія дѣла декабристовъ. Въ этомъ показаніи Сомовъ говоритъ: „Въ воскресенье 13 числа (декабря), бывъ по утру нездоровъ, не выходилъ я никуда до самаго обѣда. Пообѣдавъ, легъ я отдохнуть и не велѣлъ никого пускать къ себѣ; ибо это былъ день моихъ именинъ“...

вила передъ иконою Пресвятыя Дѣвы Заступницы... Этотъ день и этотъ вечеръ остались на памятныхъ запискахъ моего существованія“...

Вспоминались подъ старость Сомову и другія, мирныя картины, которыя также внушали дитяти религіозныя чувства. Вотъ онъ съ бабушкою, умною, доброю старушкою, пѣшкомъ идетъ въ сельскій храмъ. Скромный иконостасъ убранъ цвѣтами, дѣвушки стоятъ въ храмѣ съ цвѣтами. „Мнѣ-дитятѣ казалось, что тотъ же рай царствовалъ и въ душахъ усердныхъ богомольцевъ. Чего бы не отдалъ я, чтобы мнѣ-возрастному насладиться теперь подобною минутою дѣтскаго очарованія“.

Всегда же передъ взорами Сомова-дитяти стояла одна мирная картина поэтической природы Малороссіи. „Противъ дома нашего, черезъ рѣчку, — вспоминаетъ онъ, — лежала узкая и веселая долина; по ней протекала волнистою лентой ручеекъ, на струяхъ котораго играло раннее солнце. Тихая семья ивъ стояла въ одномъ мѣстѣ около ручейка и красовалась въ его измѣнчивомъ зеркалѣ. Эти ивы были мои любимицы; я всегда думалъ, что онѣ родныя между собою, что онѣ для того сплелись вѣтвями, чтобы помогать другъ другу. „Эта изъ нихъ папенька“, называлъ я ихъ дѣтскимъ своимъ лепетомъ: „эта маменька, а эти, поменьше, братецъ и сестрица“!

Если красоты Малороссійской природы и грозныя явленія ея изощряли наблюдательность, внушали религіозныя чувства впечатлительному мальчику, то дружныя семейственныя отношенія отца, матери и сестеръ развили доброту сердца, какою, по свидѣтельству современниковъ, отличался О. М. Сомовъ въ теченіе всей своей жизни и дѣятельности. Онъ самъ говоритъ, что въ домѣ родителей видѣлъ картины семейнаго счастья, „кои живо отразились въ юномъ сердцѣ и навсегда запечатлѣли въ немъ мимолетное бытіе свое“.

Первоначальное образованіе Сомовъ получилъ дома; онъ рано научился читать и писать, и также рано началъ писать стихи. Вотъ что онъ пишетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ подъ старость“: „Я еще помню день моихъ именинъ. Папенька подарилъ мнѣ книжку, которую давно хотѣлъ я имѣть; мамень-

ка — кошелекъ своихъ трудовъ, съ чистосердечнымъ желаніемъ, чтобъ онъ былъ всегда полонъ. Приходскій нашъ священникъ отслужилъ молебенъ моему Ангелу, Угоднику Божію, котораго имя ношу я. Къ обѣду и къ вечеру съѣхались въ нашъ домъ гости-родные. Добродушныя ихъ поздравленія и усердные подарки, веселыя игры съ двоюродными моими братьями-ровесниками..., *одобрительныя улыбки гостей первыми опытомъ семилетней моей музы...* все это такъ памятно“.

Послѣ домашняго первоначальнаго обученія Сомовъ отданъ былъ въ пансіонъ, содержимый какимъ-то иностранцемъ. Объ этомъ и характерѣ пансіоннаго обученія находимъ указаніе самого Сомова въ переведенной изъ французскаго языка статьѣ „*Полезныя предостереженія для неопытныхъ*“ (Сѣвер. Пчела. 1827 г., № 20). Въ этой статьѣ, между прочимъ, разсказывается объ одномъ пансіонномъ содержателѣ, который въ день своего ангела охотно принималъ подарки отъ своихъ учениковъ, но бранилъ ихъ притворно. Въ примѣчаніи къ этому переводчикъ Сомовъ говоритъ: „Помнимъ, что и у насъ когда-то игрывались такія жъ именинныя фарсы въ одномъ пансіонѣ. Содержатель былъ иноземець, и видно, старался у насъ вводить *хорошіе обычаи*. Правда, онъ былъ добросовѣстиѣ: не бранилъ учениковъ за подарки и даваемые ему праздники, но принималъ ихъ съ ласковымъ и пріятнымъ видомъ, и очень охотно освобождалъ ихъ въ тотъ день отъ ученья“.

Изъ пансіона Орестъ Михайловичъ поступилъ въ Харьковскій университетъ. Издатель харьковскаго альманаха „*Утренняя звезда*“¹⁾, помѣстивъ въ первой книжкѣ двѣ статьи Сомова, писалъ: „...Любители словесности, безъ сомнѣнія, сверхъ многихъ другихъ піесъ съ удовольствіемъ прочтутъ здѣсь: *Недобрый глазъ*, малороссійское преданіе П. Б. Байскаго и *Недосозданіе* О. М. Сомова, послѣднія произведенія сего писателя, присланныя имъ незадолго до его кончины. Покойный О. М. Сомовъ, если не по пребыванію, то, по крайней мѣрѣ,

¹⁾ Харьковъ. 1833 г. Книжка I, стр. 3—13 и 62—66.

по мѣсту своего рожденія и воспитанія (въ Харьковскомъ университетѣ) принадлежитъ къ числу Украинскихъ Писателей и занимаетъ между ними почетное мѣсто“. О пребываніи своемъ въ Харьковѣ въ 1810 году Сомовъ говоритъ въ примѣчаніи къ статьѣ „Смерть Г. Хориса, нашего соотечественника“ (Сѣв. Пчела. 1828 г., № 97). Въ примѣчаніи къ тому мѣсту этой статьи, гдѣ сказано, что искусство Хориса дало ему возможность сопутствовать ботанику бар. Маршалу Биберштейну въ 1813 году на Кавказскія горы, онъ говоритъ: „Кажется, составленная Барономъ Биберштейномъ Флора Caucasica издана была ранѣе того времени, которое означено французскимъ Біографомъ. Сочинитель сего примѣчанія имѣлъ случай еще въ 1810 году видѣть отпечатанные листы текста и изображенія растений для сей Флоры, гравированныя въ Харьковѣ Г. Шейфлингомъ“. Въ своей статьѣ „Плмный Турокъ“ (Литературная Газета. 1831 г., № 23, стр. 186—188) Сомовъ вспоминаетъ изъ своей студенческой жизни слѣдующее: „Я былъ тогда молодъ; и воспользовавшись свободнымъ временемъ въ учебномъ году, отправился въ началѣ іюня осматривать незнакомыя мнѣ дотолѣ мѣста моей родины. Въ числѣ прочихъ, посѣтилъ я и красивый городъ С—мы. Здѣсь нашель я нѣсколько моихъ товарищей по ученью, которые ласково приняли заѣзжаго гостя... Въ свмнадцатъ лѣтъ, свободно и беззаботно пользуешься временнымъ отдыхомъ!“

Въ виду того, что Сомовъ, по свидѣтельству Греча ¹⁾, зналъ хорошо французскій и итальянскій языки, необходимо допустить, что пребываніе въ пансіонѣ и университетѣ не прошло для него безслѣдно. Пребываніе въ Харьковскомъ университетѣ оказалось полезнымъ и въ другихъ отношеніяхъ. Сомовъ, судя по его дальнѣйшей дѣятельности, учился въ университетѣ на философскомъ (нынѣ историко-филологическомъ) факультетѣ. Среди профессоровъ послѣдняго, по указанію проф. Сумцова, было нѣсколько словесниковъ, которые, кромѣ науки, пробовали свои силы и въ поэзіи ²⁾. Почти всѣ они обна-

¹⁾ См. Записки о моей жизни. С.-Петербургъ. 1886 г. 454 стр.

²⁾ См. ст. Каѳедра исторіи русскаго яз. и словесности въ Имп. lib.pushkinskijdom.ru

руживали стремленіе къ мѣстной печати. Второй по счету профессоръ исторіи литературы въ Харьковскомъ университетѣ Ив. Евг. Срезневскій былъ инициаторомъ изданія одного изъ лучшихъ въ свое время провинціальныхъ журналовъ — *Украинскаго Вѣстника*. Этотъ журналъ въ числѣ своихъ издателей считалъ двухъ профессоровъ Евф. Матв. Филомаѣитскаго и Разумника Тим. Гонорскаго, человѣка способнаго и образованнаго, но рано скончавшагося. Не можемъ съ точностью указать годъ, въ которомъ Сомовъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, сдѣлавшійся постояннымъ мѣстомъ его жительства. Основываясь на томъ, что онъ избранъ былъ въ члены-сотрудники Вольнаго Общества любителей россійской словесности въ маѣ 1818 г., и что въ члены этого общества попадали лица, заявившія себя трудами на литературномъ поприщѣ, можно предположить, что Сомовъ появился въ столицѣ въ 1816 или 1817 г.

Можетъ быть, въ послѣдніе годы пребыванія въ Харьковскомъ университетѣ онъ отъ своихъ профессоровъ зналъ о предполагаемомъ изданіи *Украинскаго Вѣстника*; можетъ быть, его приглашали къ сотрудничеству, потому что онъ явился въ числѣ первыхъ сотрудниковъ этого журнала. Въ третьей книжкѣ *Украинскаго Вѣстника* за первый годъ изданія (1816 г., мартъ, стр. 354—356) находимъ первый литературный опытъ Сомова, стихотвореніе другу сердца П. Г. Т—ву, написанное „при доставленіи ему прекраснаго стихотворенія Г. Жуковскаго „*Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ*“.

П. Г. Т—ву.

Умолкъ повсюду бранный громъ,
 Ликъ солнца прояснился; —
 Съ веселымъ, блещущимъ челомъ
 Миръ кроткій къ намъ спустился.
 Подъ скиптромъ добраго Царя,
 Предтеча дней блаженныхъ,
 Явилась тишины заря
 По буряхъ укрощенныхъ.

Низвергся, палъ Наполеонъ;
Европа отдохнула,
Умолкъ вездѣ несчастныхъ стонъ
И радость воспрянула!

*

Но подвигъ доблестныхъ вождей —
Россійскія ограды —
Вѣкъ будетъ жить въ сердцахъ людей,
И скажутъ поздни чады,
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ:
„Хвала питомцамъ славы!
„Ихъ острый мечъ нашъ плѣнкъ разсѣкъ.
Они лишъ въ бой кровавый
Рѣкой на встрѣчу потекли
Врагу, изчадью злобы, —
И рабство прочь съ лица земли,
И злость сокрылась въ гробы!

*

Другъ сердца! и твоя рука
Враговъ разила въ брани:
Ты удостоился вѣнка
Заслугамъ должной дани.
Покойся послѣ грозныхъ бурь
Въ объятіяхъ подруги!
Да вѣчно чистая лазурь
Твои, твоей супруги
Щастливы осѣняетъ дни;
Да радости земныя
Во весь вашъ вѣкъ несутъ одни
Съ собой часы золотыя.

*

А я въ вашъ сельскій, мирный кровъ —
Жилище ласкъ привѣта,
Несу стихи, — плоды трудовъ
Любимаго поэта.
О естлибъ я, какъ онъ, владѣль
Симъ даромъ благодатнымъ, —
На лирѣ бъ звучной возгремѣль
Царю вождямъ и ратнымъ!
Или бъ оставя громкой строй,
Смягча перуны тony,

Волшебной, легкою рукой
Взыгралъ любви законы:

*

Воспѣлъ бы тишину полей,
Покой и миру радость;
Любезно общество друзей
И дружбы вѣрной сладость.
Я Музъ и Грацій бы манилъ
Къ себѣ попеременно;
И слухъ, и сердце бы плѣнилъ
Мой гласъ уединенной.
Но мой ничтожный, слабый даръ
Не сотворенъ для свѣта, —
И сердце изливаетъ жаръ
Лишь дружбою нагрѣто ¹⁾).

Въ іюльской книжкѣ *Украинскаго Вѣстника* за тотъ же годъ (стр. 341—342, подписано *Орестъ Сомовъ*) находимъ новое стихотвореніе Сомова, рисующее именно мирную и скромную деревенскую жизнь въ родной ему Украинѣ. Вотъ это стихотвореніе.

Дорогому гостю.

Милости просимъ, гость нашъ безцѣнный
Ты посѣщаешь скудный мой домикъ;
Чѣмъ мы богаты, тѣмъ рады:
Все предъ тобою!

*

Здѣсь не увидишь тканей парчевыхъ,
Здѣсь не увидишь зеркалъ огромныхъ; —
Пышность со мною не дружится,
Я не роскошень.

*

Скромная утварь — утварь изъ глины, —
Съ коей вкушали добрые предки,
Жаромъ, какъ углемъ, очернена
Не ослѣпляетъ.

*

Въ пышныхъ палатахъ, роскоши пиромъ
Вкусъ у богатыхъ твой наслаждался:

¹⁾ Стихотвореніе подписано: *Орестъ Сомовъ*.

Тамо заморскія вина
Льются рѣкою.

*

Сокъ виноградный съ тихаго Дона,
Выжать рукою нашихъ согражданъ,
Пѣнится здѣсь предъ тобою.
Меньше ль онъ вкусень?

*

Естьли жъ доволенъ скромной трапезой;
Лягъ, отдохни здѣсь ты подъ липой.
Шумомъ она будто шепчетъ:
„Гость успокойся!“

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что О. М. Сомовъ выступилъ на литературное поприще со стихами. Во-1-хъ, онъ уже въ семь лѣтъ писалъ стихи; во-2-хъ, среди его профессоръ въ Харьковскомъ университетѣ нѣкоторые писали стихи и поощряли къ тому же своихъ слушателей; въ-3-хъ, тогда начиналась въ русскомъ литературномъ мѣрѣ страсть къ стихотворству. „Охота къ стихотворству“, писалъ нѣкто А. Н. въ 1819 году ¹⁾, „нынѣ столь обыкновенна, что превратилась въ страсть почти всеобщую. Правила простого стихосложенія такъ легки и кратки, что нѣтъ почти ни одного молодаго человека въ столицѣ, который бы отъ лѣни не захотѣлъ заняться симъ упражненіемъ и котораго честолюбіе не увлекало бы къ приобретенію въ короткое время великихъ Парнасскихъ почестей“... Поэтъ Л. Якубовичъ, которому со временемъ посвященъ будетъ особый этюдъ, по свидѣтельству Ив. Ив. Панаева, терпѣть не могъ того, кто велъ отвлеченные разговоры, выходявшіе изъ обыденной житейской сферы, и съ гордостью говорилъ: „Все это пустяки; пусть тамъ кричитъ, что онъ уменъ, образованъ..., а дайте ему написать какое-нибудь стихотвореніе, попробуйте — и плохенькаго не сумѣетъ написать, ей Богу! а я хоть и не пускаюсь въ эти превыспренности,

¹⁾ Ст. „Страсть къ стихотворству“ въ *Соревнователь Просвѣщенія и благодѣянія*, 1819 г., т. V, 290—299.

а стихи пишу, кажется, не дурно. Самъ Пушкинъ ихъ хвалить и просить у меня“¹⁾).

Къ чести Сомова слѣдуетъ отнести, что онъ почти одновременно со стихами началъ писать и прозою. Въ томъ же *Украинскомъ Вѣстникѣ* въ 1817 году напечатана прозаическая повѣсть „*Этельредъ и Этельвила*“ (Происшествіе, взятое изъ Англійской исторіи)²⁾. Въ примѣчаніи къ этой переводной повѣсти Сомовъ заявилъ: „Переводчикъ надѣется со временемъ издать всѣ сіи повѣсти съ Итальянскимъ Подлинникомъ. Ихъ немного и онѣ почти неизвѣстны Російской Публикѣ; но весьма занимательны, тѣмъ болѣе, что въ нихъ помѣщены одни истинныя происшествія“.

Такимъ образомъ, у начинающаго писателя сразу зародились въ головѣ литературные замыслы. Очувшившись въ Петербургѣ, Сомовъ вошелъ въ тѣсныя отношенія съ нѣкоторыми земляками. Такъ, онъ былъ знакомъ съ Кочубеями³⁾, съ кн. Н. Андр. Цертелевымъ, съ поэтомъ В. И. Туманскимъ. Съ послѣднимъ Орестъ Михайловичъ могъ познакомиться въ Харьковѣ, такъ какъ Туманскій обучался тамъ между 1812—1815 гг. Окончивъ курсъ ученія въ училищѣ св. Петра въ Петербургѣ, въ 1818 году, Туманскій нѣкоторое время оставался въ столицѣ и примкнулъ къ группѣ молодыхъ людей, занимавшихся литературою. Этому кружку не чужды были и Сомовъ. Очувшившись на чужбинѣ, друзья-малороссы не разъ вспоминали свою милую Украину, съ ея высокими тополями, пахучими липами, голубыми фиалками и нѣгою простой деревенской жизни. Наиболѣе отзывчивый, В. И. Туманскій излил свои чувства въ стихотвореніи *Тоска по родинѣ*, посвященномъ Сомову и напечатанномъ въ *Украинскомъ Вѣстникѣ* (1818 г., апрѣль, стр. 106—108). Своему земляку Сомовъ отвѣтилъ тоже стихотвореніемъ, подъ такимъ же заглавіемъ, въ томъ же журналѣ (1818 г., августъ, 224—225 стр.) Вотъ его начало:

Мила родина! привѣтной кровъ сельскѣй!

1) Литературныя воспоминанія. Стр. 78—87.

2) Октябрь. Стр. 18—25. Изъ *Novelle morali de Francesco Soave*.

3) Слѣдств. дѣло. Госуд. Арх. I, 13, № 164.

Иль навѣви разлучился я съ тобой?
Иль навѣви я отъ милыхъ отчужденъ,
Нѣжной ласки ихъ не видѣть осужденъ? ¹⁾

Другой землякъ, кн. Цертелевъ, предложилъ О. М. Сомова въ дѣйств. члены Вольнаго Общества любителей россійской словесности ²⁾, въ которомъ послѣдній игралъ нѣкоторую роль.

2.

Начало XIX столѣтія ознаменовалось въ жизни русскихъ людей пробужденіемъ духовныхъ интересовъ и стремленій. Результатомъ и показателемъ духовнаго пробужденія русскаго общества явились возникавшіе частные кружки и общества. Эти кружки и общества имѣли либо филантропическую, либо литературную, либо политическую цѣль. Изъ нихъ для насъ интересно возникновеніе двухъ чисто-литературныхъ обществъ. Одно болѣе старое — Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ — имѣло своимъ предсѣдателемъ извѣстнаго писателя, журналиста и общественнаго дѣятеля А. Е. Измайлова, который съ 1818 года началъ издавать журналъ „*Благонамѣренный*“. О. М. Сомовъ не чуждался этого общества, какъ не чуждался и участія въ журналѣ Измайлова. Такъ, въ собраніи названнаго общества 8-го іюля 1820 г. было прочитано „*Письмо*“ Сомова къ издателю „*Благонамѣреннаго*“ изъ Парижа, подъ заглавіемъ „*Праздникъ въ саду Тиволи*“, напечатанное въ XIII номерѣ журнала за тотъ же годъ ³⁾. Весьма возможно, что Измайловъ, любившій привлекать знакомыхъ и сотрудниковъ въ члены общества, зачислилъ и Сомова, хотя мы не имѣемъ данныхъ утверждать это положительно ⁴⁾.

¹⁾ Подъ стихотвореніемъ, кромѣ подписи, стоитъ: *С.-Пб.* Эта подпись даетъ основаніе думать, что Сомовъ былъ уже въ 1817 году въ столицѣ.

²⁾ См. Вход. бумаги 1820 г., № 161.

³⁾ См. стр. 433—443. Раньше Сомовъ писалъ письма къ Измайлову изъ Вѣны.

⁴⁾ Объ Измайловѣ и Вольномъ Обществѣ Любит. слов., наукъ и худож. см. г. Кубасова: Александръ Ефимовичъ Измайловъ. С.-Петербургъ.

Въ то время, какъ Вольное Общество любителей словесности, наукъ и художествъ интензивно развивало свою дѣятельность, 17 января 1816 г. зародилось новое литературно-филантропическое общество, назвавшееся первоначально *Обществомъ соревнователей просвѣщенія и благотворенія*¹⁾.

Въ жизни и дѣятельности Вольнаго Общества любителей россійской словесности необходимо различать два періода: первый, обнимающій около двухъ лѣтъ, періодъ организаціонный, когда уставъ его еще не былъ утвержденъ; второй обнимаетъ болѣе продолжительный періодъ, когда общество уже было высочайше утверждено. Вотъ что говорится о возникновеніи общества въ „Краткой исторіи“, поднесенной Сергѣю Козьмичу Вязмитинову 16 апрѣля 1818 года.

Первые основатели общества, получившіе образованіе въ Московскомъ университетѣ, продолжая съ усердіемъ гражданскую службу, возымѣли желаніе свободное время посвящать частнымъ занятіямъ для блага общаго и собственнаго. Эта мысль возбудила намѣреніе основать небольшое частное общество, цѣлю котораго была словесность, почему оно и называлось *Обществомъ любителей словесности*. Съ позволенія правительства оно имѣло 16 января 1816 года первое открытіе, и съ того времени одинъ вечеръ въ недѣлю посвящался ученымъ собраніямъ. Съ увеличеніемъ числа членовъ, съ развитіемъ дѣятельности общество интересовалось не одною словесностью, но всѣми науками и изящными искусствами. Въ то же время предположено было издавать труды общества въ видѣ журнала, прибыль отъ котораго предназначалась въ пользу занимающихся науками и удрученныхъ бѣдностью. Присоединивъ къ прежней цѣли своей новую — благотвореніе, общество рассчитывало на свои силы и на помощь соотечествен-

бургъ. 1901 г., глава I—II. Характеристику В. Об. л. сл., н. и худ. у Л. Н. Майкова. I т. сочиненій Батюшкова. Спб. 1887 г., стр. 39

¹⁾ Архивъ этого общества въ 103 переплетенныхъ томахъ хранится въ рукописномъ отдѣленіи Импер. Академіи Наукъ. Подробное описаніе этого архива готовится В. И. Срезневскимъ, работою котораго мы пользовались въ корректурныхъ листахъ. При изложеніи краткаго очерка названнаго общества мы пользовались рукописнымъ и печатнымъ матеріаломъ.

никовъ, имѣя предъ глазами жертвы всѣхъ сословій, принесенныя русскимъ народомъ въ ужасную годину испытаній. Этотъ народъ въ дни тишины можетъ обратить вниманіе на ученыхъ, количествомъ которыхъ опредѣляется степень истиннаго просвѣщенія государства. Сообразно новой цѣли, общество въ собраніи 15-го августа 1816 года назвало себя *Обществомъ соревнователей просвѣщенія и благотворенія* и приступило къ составленію устава ¹⁾).

Послѣдній появился, какъ результатъ переработки краткихъ „Правилъ общества любителей словесности“, и послѣ многихъ треній и передѣлокъ только 19 января 1818 года исправленный уставъ общества удостоился высочайшаго утвержденія.

30 января 1818 г. Козодавлевъ писалъ гр. Салтыкову по поводу утвержденія устава: „Комитетъ Гг. Министровъ, усмотрѣвъ изъ учиненнаго мною объясненія, что Общество соревнователей просвѣщенія и благотворенія отнюдь не облекается въ права, присвоенныя Императорской Россійской Академіи, положилъ: представленный отъ онаго Уставъ утвердить съ тѣмъ, чтобы Общество сіе именовалось *вольнымъ обществомъ любителей Россійской словесности*, каковое положеніе Комитета и Государь Императоръ Высочайше утвердить со изволилъ.

„Сообщая о томъ Вашему Сіятельству и препровождая при семъ Уставъ Общества, равно форму Дипломовъ, кои оно полагаетъ раздавать своимъ членамъ, и образецъ печати для онаго, прошу Васъ, Милостивый Государь мой, предложить Обществу, чтобы оно впредь во всѣхъ актахъ своихъ и вообще гдѣ слѣдуетъ, именовалось *Вольнымъ Обществомъ Любителей Россійской Словесности*, сдѣлавъ согласно съ тѣмъ слѣдующія перемѣны какъ въ Уставѣ и формѣ Дипломовъ,— такъ и образецъ печати общества...“ ²⁾).

Только со времени утвержденія устава общество начинаетъ свою правильную жизнь и дѣятельность. Можно сказать,

¹⁾ Дѣла по части секретаря общества за 1818 г.

²⁾ Входящія бумаги, 1817 г.

что къ 1818 году въ главныххъ чертахъ была закончена организаціонная работа. 6-го марта 1817 года Андр. Аван. Никитинъ, секретарь Общества соров. просв. и благ., представилъ слѣдующій докладъ:

„Соревновать просвѣщенію есть цѣль сколь благородная, изящная; столь же и многотрудная! — Общество наше, избравшее предметомъ своимъ сіе превосходное намѣреніе, безсомнѣнія поставитъ долгомъ оправдать какъ обѣщаніе свое, такъ и ожиданіе ученаго свѣта.

„Генеръ, Милостивые Государи, позвольте мнѣ узнать, какимъ образомъ и какими средствами приступить оно къ исполненію предположеннаго, — и какими путями достигнетъ благодѣтельной цѣли?

„Я не упоминаю о благотвореніи, ибо оное проистекаетъ изъ способовъ и образа просвѣщенія.

Изданіе журнала и трудовъ общества ежемѣсячно есть единственное средство познакомить съ нимъ публику, поддержать Общество и принести нѣкоторые плоды благотворенія немущимъ; — но средство сіе есть первоначальное и, по мнѣнію моему, не можетъ еще быть достаточнымъ къ достиженію столь великаго предпріятія, каково соровнованіе просвѣщенію. —

О журналѣ.

„Журналъ общества долженъ заключать въ себѣ всѣ отрасли просвѣщенія: науки, словесность и изящныя искусства.

Мы можемъ похвалиться обиліемъ произведеній словесности; но весьма бѣдны статьями наукъ касающимися — и вовсе не имѣемъ ни сочиненій, ни переводовъ объ изящныхъ искусствахъ и художествахъ. Ученныя статьи находятъ своихъ читателей и служатъ мѣрою просвѣщенія. Они опредѣляютъ степень успѣховъ общества, а потому должны быть занимательны. Въ семъ случаѣ, по мнѣнію моему, сочиненіе преимущественно предпочитается переводу.

„Сочиненія или переводы объ изящныхъ искусствахъ и художествахъ сколько необходимы для поддержанія намѣренія общества, столько и привлекательны для читателей, особливо

когда оныя сопровождаются прекрасными произведеніями музыки и гравированія — кому не нравятся сіи двѣ вѣтви искусствъ изящныхъ?— Кто изъ самыхъ строгихъ любителей ученыости не пожелаетъ развлечь себя и, такъ сказать, отдохнуть отъ умственныхъ занятій, внимая сладостные звуки гармоніи и взирая на произведенія рисовальнаго искусства, напоминающія ему или историческія сцены, или сельскія картины, или достопамятныя мѣста и дѣянія, или изображенія великихъ людей земель чуждыхъ, а болѣе своего отечества? *Le mond est vieux diton je le crois, mais cependant Il le fant amuser comme enfant*— справедливо сказалъ Лафонтенъ.

„Мы имѣемъ прекрасное описаніе Водопада Кивача — почему же не имѣть его изображенія, вида хижины Петра Великаго, двухъ достопамятныхъ и священныхъ деревьевъ и тому подобнаго?

„У насъ есть примѣчательное и подробное описаніе Илецкой защиты—для чего же не украсимъ оное изображеніемъ?“... Указавъ много интересныхъ мѣстностей, напр., въ Калужской губерніи, ждущихъ трудолюбивыхъ рукъ любителей изящнаго, докладчикъ продолжаетъ: „Такой журналъ былъ бы книгою для бібліотеки и неизчезалъ бы подобно другимъ съ наступленіемъ новаго года.

„При всемъ тщательномъ изданіи журнала онъ еще не можетъ быть достаточенъ для цѣли общества соревнователей просвѣщенія.

„Сословію сему предлежитъ трудъ безъ сомнѣнія ужасный, но славный— на семъ то поприщѣ просвѣщенія общество явить ученому свѣту, какую пользу могутъ принести сословія сего рода, когда истинная любовь къ наукамъ и неутомимое рвеніе къ распространенію просвѣщенія въ отечествѣ руководствуется дѣятельностію и способностями членовъ.

„Здѣсь намѣренъ я изобразить вамъ, М. Г. мои, мысли о семъ трудѣ, подлежащемъ обществу, можетъ быть, не найдете ихъ сообразными съ способами нашими, но крайней мѣрѣ я священнымъ долгомъ поставилъ сообщить вамъ оныя.

„По мнѣнію моему, трудъ общества можетъ быть тройкій:

1. Переводъ и составленіе полной россійской энциклопедіи.
2. Дополненіе историческаго словаря о великихъ мужахъ Россіи.
3. Изданіе новаго иконологическаго словаря съ изображеніями.

Объ энциклопедіи.

„Вамъ довольно извѣстна уже польза энциклопедіи, а потому описывать оную значило бы повторять о семъ твореніи приговоръ цѣлаго свѣта.

„Многіе ли изъ числа людей занимающихся просвѣщеніемъ находятся въ состояніи имѣть обширную бібліотеку, заключающуюся въ книгахъ необходимыхъ для учености.

„А какъ энциклопедіа есть сокращеніе такой бібліотеки, то ясно слѣдуетъ изъ сего, что книга сія весьма полезна — и необходима, но чтобы доставить возможность многимъ имѣть въ бібліотекѣ сіе такъ сказать сокровище, цѣна онаго должна быть самая умѣренная. Извѣстнѣйшія энциклопедіи есть двѣ французскія и англійскія“...

По мнѣнію докладчика, на пожертвованія можно было бы постепенно приобрѣсти всѣ существующія за границу энциклопедіи. Весь составъ общества (24 дѣйств. членовъ, 13 сотрудниковъ и 6 корреспондентовъ) могъ бы разобрать по отдѣльнымъ предметамъ для перевода и дополненія и прочитывать въ обществѣ. Если бы встрѣтилось что-либо вредное нашимъ религіознымъ воззрѣніямъ, то измѣнить или опустить. По составленіи одной-двухъ книгъ энциклопедіи, возможно было бы посвятить трудъ Государю, который могъ бы принять печатаніе на счетъ казны.

Объ историческомъ словарѣ.

„Трудъ сей менѣе важенъ сколько первый! Тщетно будемъ мы искать жизнеописаній многихъ великихъ людей отечества нашего въ словарѣ росс... одни почти чужеземные наполняютъ сіе изданіе.

„Кто изъ занимающихся въ сочиненіяхъ повѣствователь-
lib.pushkinskijdom.ru

ныхъ не испытать ужасныхъ затрудненій, препятствій и совершенной невозможности въ отысканіи встрѣчающихся ему весьма часто историческихъ свѣдѣній? —

„Такая книга, служа дополненіемъ историческаго словаря, была бы прекраснымъ подаркомъ и для юношества — точность повѣствованія, утвержденная на разныхъ справедливыхъ доводахъ была бы для него несомнѣнною истиною; а возможная краткость описанія, расположеннаго систематически, не обременя памяти, легкимъ образомъ запечатлѣлась бы въ юныхъ умахъ ихъ“...

Объ иконологическомъ словарѣ.

„Хотя изданіе таковой книги прилично болѣе академіи художествъ, въ которомъ она сама имѣетъ великую нужду; но какъ общество наше заключаетъ въ себѣ всѣ вѣтви просвѣщенія, то посему полагаю, что трудъ сей ни есть чуждый для словія нашего.

„Есть случаи, которыя заставляютъ насъ чувствовать недостатокъ въ сочиненіяхъ сего рода. Такъ, на примѣръ, при составленіи Диплома нашего художникъ не могъ найти въ цѣлой академіи образцовъ, по коимъ могъ бы онъ изобразить Апполона въ одеждѣ, въ приличной ему позиціи геніевъ искусствъ съ принадлежащими къ нимъ атрибутами“...

Указавъ на словарь Акимова 1786 г. безъ изображеній, докладчикъ продолжаетъ:

„Словаръ сей я полагалъ бы раздѣлить на 4 части. Въ 1-й должны заключаться божества, эмблеммы, символы — словенскія, въ 2-й Греческія и въ 3-й Римскія, а въ 4-й другихъ народовъ“...

„Для составленія сего словаря я полагалъ бы приглашать въ члены общества отличныхъ академиковъ, артистовъ и художниковъ.

„Всѣ три предпріятія сіи, безъ сомнѣнія, велики и требуютъ многого труда, способовъ и времени, но кому же исполнить ихъ какъ не обществамъ, имѣющимъ несравненно болѣе возможности, нежели человѣкъ частной.

„Сіи то или подобныя сему труды достойны вниманія об-

щества. Они то опредѣляютъ истинную ему цѣну и уваженіе не только соотечественниковъ, но и всей Европы“...

Изъ всѣхъ широкихъ предположеній г. Никитина осуществилось одно — изданіе журнала. Уже это одно предпріятіе Общества показало, какъ не легко было осуществлять и болѣе скромныя цѣли.

Изданіе журнала вызвало очень много предположеній различныхъ членовъ общества, и все-таки выходъ книжекъ запаздывалъ, не говоря о другихъ недостаткахъ, въ родѣ неаккуратной высылки, путаницы въ денежныхъ расчетахъ съ Газетною экспедиціей и т. п. Впрочемъ, рѣчь о журналѣ будетъ впереди, а теперь остановимся на организациі Общества.

Въ Уставѣ намѣчены были только основныя правила, распространеніе которыхъ предоставлялось дальнѣйшей дѣятельности общества, по мѣрѣ потребности. Последняя не заставила себя долго ждать, и опыты побуждали членовъ правленія постепенно углублять и расширять порядокъ жизни новыми правилами.

Такъ, 1 августа 1817 г. цензоръ прозы А. Боровковъ подалъ такого рода заявленіе: „Уже приближается время, назначенное обществомъ къ изданію трудовъ своихъ; уже мы имѣемъ много сочиненій и переводовъ; но много ли изъ нихъ исправлены надлежащимъ образомъ? Цензурный Комитетъ при всей дѣятельности членовъ, его составляющихъ, до сего времени едва успѣвалъ въ теченіи мѣсяца пересмотрѣть потребное для прочтенія при посѣтителяхъ, да и въ семь случаевъ не мало успѣшествовали нѣсколько сочиненій, прочитанныхъ публично до поступленія еще въ Комитетъ. Здѣсь слѣдуетъ вопросъ: достаточно ли піесь, въ публичное собраніе прочитанныхъ, для наполненія одной книжки журнала? — Безъ сомнѣнія недостаточно; и такъ Комитетъ по настоящему теченію дѣлъ его не будетъ въ состояніи удовлетворять требованіямъ общества. Есть ли мы станемъ отыскивать причину таковой медленности, то она, по мнѣнію моему, заключается въ томъ, что Комитетъ не имѣетъ постоянныхъ правилъ для его дѣйствій. Кто не увѣренъ въ истинѣ, что прекраснѣйшія учрежденія, не имѣя прочнаго основанія, дѣлаются бесполезными? Съ самаго основанія

Комитета почтеннѣйшіе товарищи мои удостоивали меня выборомъ въ цензоры прозы. Будучи обязанъ засѣдать въ Комитетѣ, я видѣлъ всѣ занятія его, наблюдая за движеніемъ, и извлекъ для него правила, при семъ на благоусмотрѣніе общества мною предлагаемыя. Надѣюсь, что они не только облегчатъ членовъ Комитета, но даже ускорятъ самое разсмотрѣніе піесъ“. При заявленіи приложены „*Правила для Цензурнаго Комитета*“.

Требовали урегулированія и другія стороны учрежденія. 28 декабря 1817 г. на секретаря общества А. А. Никитина возложено было составленіе проекта правилъ хозяйственнаго комитета.

Съ утвержденіемъ Устава дѣло упорядоченія общества продолжалось. 18 февраля 1818 года Никитинъ, основываясь на предложеніи дѣйствительнаго члена гр. Д. И. Хватова, представилъ на благоусмотрѣніе общества слѣдующее мнѣніе:

1) „Приступить къ избранію вторымъ попечителемъ общества его высокопревосходительство Сергія Козмича Вязмитинова, который лично мнѣ изъявилъ желаніе свое принять званіе попечителя.

2) По прошествіи нѣкотораго времени просить его, какъ находящагося въ столицѣ попечителя снестись съ такимъ же княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ объ исходатайствованіи отъ Монаршихъ щедротъ 25 тысячъ заимообразно, въ платежѣ коихъ могутъ поручиться нѣкоторые достаточные члены. Часть денегъ сихъ нужна обществу на заведеніе типографіи, какъ вѣрнѣйшаго средства къ благотворенію...

3) Изъ представленныхъ мною отчетовъ общество видѣло, что многіе изъ членовъ не сообщили ни одного сочиненія и даже перевода, и что число трудящихся членовъ весьма невелико; а потому осмѣливаюсь возобновить вниманіе сего словія на представленный прежде мною проэктъ составленія Россійской энциклопедіи, которую, для избавленія многихъ фанатиковъ отъ ложнаго страха, можно назвать словаремъ.—Нѣкто изъ Г. г. почетныхъ членовъ нашихъ... читалъ мнѣ прекраснѣйшій подробный планъ составленія сей полезной кни-

ги. — Ежели онъ согласится представить планъ сей обществу, то неблагоугодно ли будетъ тогда, переименовавъ его въ дѣйствительные, учредить подъ предсѣдательствомъ его особый энциклопедическій комитетъ. Занятіе сего рода достойно общества и безъ сомнѣнія поставитъ его наряду съ славнѣйшими европейскими учеными сословіями.

4) Изъ частыхъ опытовъ я съ сожалѣніемъ замѣчалъ, что многіе новоизбранные члены не являлись въ общество со дня ихъ принятія до сего времени, между тѣмъ какъ носятъ на себѣ почтенное названіе члена; многіе же по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ приходили въ собраніе, какъ совершенно для нихъ чуждое, не имѣя понятія ни о законѣ общества, ни о порядкѣ дѣлъ, ни о званіи членовъ. — Такое странное появленіе ихъ въ собраніи не раждаетъ въ нихъ ни должнаго уваженія къ сему сословію, ни стремительнаго желанія показать себя на поприщѣ учености. — При принятіи въ члены, необходимо должна быть соблюдаема извѣстная форма. — Не думаю, чтобы кто-либо изъ членовъ назвалъ сіе комедіею или бесполезною шуткою. Петръ Великій, сей единственный Государь въ лѣтописяхъ міра, при всѣхъ учрежденіяхъ не считалъ никогда форму сію излишнею. — Стоитъ только взглянуть на статутъ Андреевскаго ордена, и тогда всякой удостовѣриться можетъ въ справедливости словъ моихъ. —

Занимая лестное для меня званіе секретаря сего сословія, я долгомъ поставляю представить на благоуваженіе онаго предлагаемую у сего форму избранія въ члены.

5) Разсматривая акты нѣкоторыхъ учсныхъ обществъ, я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что по кончинѣ члена дѣлается приличное о немъ воспоминаніе произнесеніемъ въ честь умершему похвальнаго слова, въ коемъ помѣщается краткое жизнеописаніе. — Не благоугодно ли будетъ обществу поставить сіе за непремѣнное правило, тѣмъ болѣе, что по предложенію Г. Цензора поэзіи опредѣлено собрать біографіи членовъ“...

Форма избранія въ члены дѣйствительные, сотрудники и въ корреспонденты заключаетъ 12 параграфовъ и была принята въ практику общества. По этой формѣ, весь процессъ избранія въ члены заключался въ слѣдующемъ.

О предлагаемомъ въ члены г. г. дѣйствительные члены собирали свѣдѣнія: какова его нравственность, какого поведеніе и т. п. Собранныя свѣдѣнія записывались на доскуткахъ бумаги и бросались въ урну. Предсѣдатель, если ничто не мѣшало избранію, назначалъ баллотировку (§ 1—2). Секретарь извѣщалъ избраннаго о необходимости ему явиться въ засѣданіе. Новоизбранный членъ представлялся въ собраніи депутатомъ (= представитель) и занималъ опредѣленное мѣсто. По открытіи засѣданія предсѣдатель предлагалъ секретарю прочитывать журналъ, которымъ принять новоизбранный, и спрашивалъ, желаетъ ли онъ быть членомъ общества. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, секретарь прочитывалъ новичку нужнѣйшія статьи Устава, а предсѣдатель снова спрашивалъ, согласенъ ли новоизбранный исполнять въ точности правила и постановленія общества. Если получался положительный отвѣтъ, то новоизбранный подписывалъ Уставъ, а депутатъ сажалъ его за столъ (§ 3—7). Предсѣдатель, произнеся краткую привѣтственную рѣчь, поздравлялъ новичка, а за нимъ и всѣ члены. Представитель предлагалъ новоизбранному сочинить благодарственную рѣчь и произнести ее въ слѣдующее засѣданіе. Послѣ засѣданія секретарь знакомилъ его съ порядками, а библіотекаръ показывалъ библіотеку и минеральный кабинетъ. До произнесенія рѣчи и до появленія въ общество новоизбранный не считался членомъ. Почетные члены не должны были подвергаться этому процессу избранія (§ 8—12).

Извлеченные доселѣ архивные документы даютъ полную картину общества: они рисуютъ составъ его, виды засѣданій, разряды членовъ, принятые порядки. Теперь необходимо коснуться тѣхъ способовъ, коими Вольное общество любителей россійской словесности предполагало осуществлять свои цѣли. Получивъ оффиціальное утвержденіе, оно съ января 1818 г. вознамѣрилось издавать нѣкоторые труды своихъ членовъ въ видѣ журнала, подъ названіемъ: *Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія*.

Въ объявленіи объ этомъ предпріятіи общества сказано, между прочимъ, слѣдующее: „Всю выгоду, пріобрѣтенную изданіемъ журнала оно (общество) опредѣляетъ на вспоможеніе

тѣмъ, которые, занимаясь Науками и Художествами, требуютъ поддержки и призрѣнія. Вдовы ихъ и сироты обоюго пола имѣютъ равное право на пособіе общества, которое для сей же цѣли будетъ издавать особыми книгами полезныя сочиненія и переводы знаменитѣйшихъ классическихъ писателей, имѣя многія уже въ готовности. Вотъ почему общество и рѣшилось назвать журналъ свой *соревнующій Просвѣщенію и соревнователемъ Благотворенію*. Но какъ достиженіе сего предпріятія сопряжено съ довольно значительными пожертвованіями, безъ сомнѣнія, превышаетъ возможность общества удовлетворить вполне благонамѣренной цѣли своей, почему оно обращается къ великодушію соотечественниковъ. — Издревле свидѣтельствуютъ опыты, что Россіяне были всегда народомъ гостепріимнымъ и благотворительнымъ. Существующія нынѣ основанныя частными лицами учебныя заведенія, дома призрѣнія и больницы сіе подтверждаютъ. — По сей причинѣ оно увѣрено, что при благословеніи Всевышняго, покровительствѣ *Монарха* и пособіи народа Рускаго оно достигнетъ со временемъ своей цѣли“¹⁾. Этотъ новый шагъ дѣятельности общества подготовлялся исподоволь. Архивныя данныя позволяютъ намъ вскрыть передъ читателемъ и эту сторону въ жизни и дѣятельности его.

Едва ли А. А. Никитинъ не былъ первымъ, подавшимъ мысль объ изданіи журнала. Говоримъ такъ на основаніи того, что 1 августа 1816 г., будучи уже секретаремъ общества, онъ представилъ два проекта: одинъ объ изданіи журнала, другой объ учрежденіи благотворительнаго общества²⁾. Эту мысль поддержали впоследствии другіе члены общества, именно П. Кеппенъ³⁾ и помощникъ предсѣдателя Ив. Ил. Ильинъ⁴⁾. Последний предложилъ назвать общество — *Обществомъ благотворительной словесности* и жертвовалъ на изданіе журнала 5% отъ своего годового дохода въ 5 тысячъ руб. Вопросъ объ изданіи журнала члены тѣсно связали съ вопросами о дру-

¹⁾ Соревнователь просв. и благотв. 1818 г., № 1-й.

²⁾ См. арх. дѣла. Вход. бумаги за 1816, № 8.

³⁾ Тамъ же, № 9, отъ 8 авг.

⁴⁾ Тамъ же, № 10, отъ 15 авг.

гихъ сторонахъ жизни и дѣятельности общества любителей словесности. Такъ поднимались вопросы: о выборѣ піесъ, объ изданіи книгъ, о назначеніи опредѣленнаго членскаго взноса и мн. др.

Въ проектахъ 1816 г. предлагалось начать изданіе журнала съ 1817 г., но рѣшеніе этого вопроса затянулось, потому что появилось нѣсколько замѣчаній, раскрывавшихъ новыя стороны въ этомъ сложномъ дѣлѣ. Уладить всѣ препятствія къ началу выхода первой книжки журнала не удалось, поэтому членамъ правленія общества приходилось постоянно заниматься пересмотромъ старыхъ вопросовъ, проектами устраненія неудобствъ или неустройствъ.

Вотъ, напримѣръ, 4 февраля 1818 года г. В. Бриммеръ подалъ „*Мнѣніе о необходимости одного редактора при изданіи какого нибудь періодическаго сочиненія*“.

Указавъ на то, что „опытомъ доказано, что успѣхъ всякаго періодическаго изданія зависитъ отъ искуснаго выбора и размѣщенія піесъ“, авторъ проекта ссылается на примѣръ Карамзина, который не довольствовался литературой одного народа. По мнѣнію автора, Карамзинъ не имѣлъ бы, какъ журналистъ-издатель, успѣха, если бы издавалъ *Вѣстникъ Европы* въ сотовариществѣ со многими литераторами. Въ послѣднемъ случаѣ „журналъ его сдѣлался бы вмѣсто Магазина интереснѣйшихъ вещей для вкуса, сердца и разума, столь неровнымъ въ тонѣ, столь сухимъ и бесплоднымъ вмѣстилищемъ мыслей и чувствъ обыкновенныхъ; матерій, давно уже лишившихся интереса; школьныхъ разсужденій или незрѣлыхъ опытовъ въ стихахъ слабыхъ и вялыхъ — въ стихахъ, изъ которыхъ ни одинъ не заключаетъ въ себѣ правильной мысли или сильнаго чувства... однимъ словомъ, журналъ его сдѣлался бы такимъ, каковымъ мы — къ стыду вкуса и вѣка нашего — видимъ у насъ во множествѣ. Избѣжать же сего могъ бы онъ тогда только, когда каждый изъ его сотрудниковъ имѣлъ бы съ нимъ одинокой разсудокъ, вкусъ и начитанность. Но возможно ли это? Есть-ли жъ и возможно, вѣроятно ли, чтобы это случилось?

„Изъ всего, мною сказаннаго, видно, какую пользу при-

обрѣтаетъ всякое періодическое изданіе, естьли выборомъ помѣщаемыхъ въ немъ піесь занимается одинъ человѣкъ. Для сего не нужно, чтобы онъ былъ гений; напротивъ, онъ можетъ даже въ какомъ либо родѣ быть ниже того, кто имъ исключительно занимается: нужно ему только имѣть великую начитанность, — проницательный разумъ и тонкое чувство. Естьли онъ при сихъ качествахъ имѣетъ еще знаніе свѣта и всего, что ему нравится: то онъ навѣрно былъ бы болѣе другаго способенъ къ должности редактора!“

„Изложивъ такимъ образомъ выгоды одного редактора предъ многими, остается мнѣ сказать еще нѣсколько словъ о сей же выгодѣ, естьли журналъ издается не однимъ человѣкомъ, а цѣлымъ обществомъ“. Оно „можетъ избрать въ сію должность того изъ своихъ членовъ, который уже доказалъ оному разнообразность своихъ познаній и удачный выборъ піесь въ переводахъ“. Но если бы выбранный оказался неспособнымъ, то оно могло бы послѣ выхода первой книжки журнала подѣ его редакціей, по приговору общества или большинства голосовъ, смѣнить его и избрать другого—достойнѣйшаго.

„Итакъ я не вижу, почему бы какое либо общество не лучше поступило, поручивъ изданіе трудовъ своихъ одному члену, предполагая только, что выборъ временной, а не безсмѣнный — нежели поручивъ оное многимъ, которые по сей одной уже причинѣ часто бываютъ разногласны“.

Другіе члены поднимали вопросы иного свойства. Такъ, гр. Д. И. Хвостовъ, извѣстный стихоманъ, 5 февраля 1818 г. писалъ бывшему президентомъ общества г. С. П. Салтыкову ¹⁾:

„Письменный разговоръ“.

„Пріятно мнѣ поговорить, хотя и на бумагѣ, съ почтеннымъ Θεодоромъ Николаевичемъ Глинкою, хорошимъ писателемъ, стихотворцемъ и братомъ извѣстнаго сочинителя подѣ лестнымъ именемъ Русскаго. Я разумѣю Сергѣя Николаевича, а желаніе мое нѣчто сказать о нашемъ обществѣ и журналѣ. Они оба похожи на младенца, который еще въ утробѣ ма-

¹⁾ Статья была передана Э. Н. Глинкѣ.

тери своей остался безъ помѣстьевъ, а при появленіи на свѣтъ лишается свидѣтельства на бытіе свое.

„Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ общества полѣзны, журналы болѣе или менѣе хороши. Просвѣщеніе само по себѣ есть благотвореніе, только отвлеченное, а не вѣщественное. Цѣль общества, гдѣ вы вице-президентомъ, со всемъ другая. Оно, перейдя за предѣлы умственного просвѣщенія, намѣревается благотворить вѣщественно сиротамъ и вдовамъ людей для пользы отечества ученію посвятившихся. Слава тѣмъ членамъ нашимъ, кои первые попали на сію спасительную и столько близкую сердцу Монарха нашего мысль, общую со многими почтенными соотечественниками. Она дѣлаетъ честь обществу и времени нашему, но едва ли не останется въ числѣ предестныхъ гаданій, подобныхъ мысли абата Сент-піера о вѣчномъ мірѣ, безъ настоящаго содѣйствія могущихъ благотворителей. I-ая книжка вышла, публика приняла ее довольно благосклонно, надобно надѣяться, что и послѣдующіе одиннадцать будутъ столько же счастливы, о чемъ общество, какъ и сомнѣнія въ томъ нѣтъ, приложитъ все попеченіе.

„Бѣда, что всѣ у насъ видятъ наружность, судятъ объ обществѣ по способности его членовъ въ ту или другую сторону и заключаютъ, забывъ о цѣли. Стыдно журналу общества быть дурнымъ, не мудрено быть хорошимъ, должно ему, судя по цѣли, быть единственнымъ, но достоинство журнала не можетъ свидѣтельствовать о капиталѣ издателей. Гомеръ, Невтонъ и другіе были бѣдняки. Судя по опыту I-й книжки, положимъ, что весь заводъ разойдется, то есть, за роздачею безденежно, 1000 экземпляровъ, что составляетъ 25000 рублей. Положимъ, что капиталъ у насъ очистится за расходами типографскими и другими 10.000, а съ оныхъ 500.

„Сія сумма недостаточна ни на какое благотвореніе; если положить, что время оную умножить, то и съ истеченія 10-ти лѣтъ, по вышечисланному изчисленію, доходъ будетъ не болѣе ежегодно 5000 р.

„Ясно, что капиталъ нашъ нынѣ... малозначителенъ, а на предбудущіе годы, при всемъ достоинствѣ хорошаго изданія невѣренъ; для благотворенія нуженъ доходъ, который соста-

вляется изъ капитала; мы лишены послѣдняго, слѣдственно и перваго. Мы только имѣемъ добрую волю къ благотворенію вещественному и способы многимъ журналистамъ общіе.— Но сіе не составляетъ ни капитала ни дохода. А для сего что нужно? Благотворительное участіе въ дѣлахъ общества почетнѣйшаго нашего Попечителя князя Александра Николаевича ¹⁾). Сей ревностный министръ благотворительнаго Государя и друга человѣчества, убѣдясь въ чистотѣ намѣреній общества, въ пользѣ хотя и дальновидной, которая изъ онаго произойти удобна, не усумнится представить ихъ на благоволеніе престола въ полномъ видѣ и можетъ исходатайствовать оному отъ щедротъ монаршихъ залу въ Михайловскомъ замкѣ, съ освѣщеніемъ и отопленіемъ и сумму 15000 рублей хотя заимобразно на заведеніе типографіи, съ позволеніемъ при оной продажи печатныхъ книгъ; за вѣрность платежа пожалованной обществу суммы могутъ ручаться имущія достатокъ члены общества, посторонніе покровители благихъ намѣреній, и самый капиталъ общества, отъ выручки журнала получаемый, который слѣдуетъ каждые полгода при отчетѣ публикѣ употреблять по распоряженію Г. Министра Просвѣщенія, какъ попечителя нашего и президента общества благотворенія.

„Что же касается до журнала въ нынѣшнемъ году начатаго, который имѣетъ продолжаться и въ предбудущія годы, то вкусъ общества и попеченіе о семъ изданіи ручаются публикѣ, что оное не уступитъ въ достоинствѣ прочимъ журналамъ въ Россіи издаваемымъ; но при всемъ усердіи общества, которое ограничивается единственно частію словесности, нужно примолвить то же, что было говорено о капиталѣ. Журналь сообразно цѣли общества долженъ обнять весь кругъ ученія, и для того

Свѣтили разныхъ сферъ въ одно совокупленны.

Астрономы, физики, ботаники, минералогиики, историки, описатели странствованій, устроители народнаго хозяйства, учителя вѣры и благонравія не оставляютъ, ревнуя о пользѣ отечества

¹⁾ Голицына.
lib.pushkinskijdom.ru

и собственного состоянія своего, обогащать журналъ нашъ такими статьями, которыя поставятъ оный на ряду съ книгами необходимыми для классовъ“. Въ заключеніе гр. Хвостовъ предлагалъ при объявленіи объ изданіи журнала на слѣдующій годъ вызвать благотворителей и раздѣлить ихъ на двѣ степени: вѣчныхъ и единовременныхъ благотворителей ¹⁾).

Гр. Хвостовъ въ своемъ заявленіи коснулся двухъ важныхъ вопросовъ: вопроса о содержаніи журнала и о заведеніи типографіи.

Весьма серьезень былъ вопросъ и о достоинствѣ журнала.

По объявленію въ *Соревнователь просвѣщенія и благотворенія* предположены были слѣдующіе отдѣлы:

I. *Науки и художества.*

„Словесность древняя и новая; — Изслѣдованія о свойствѣхъ языковъ; — Древности; — Описаніе земель и народовъ; — Историческія отрывки и біографіи знаменитыхъ мужей; — Ученыя путешествія; — Разныя разсужденія, рѣчи и вообще все любопытное по части наукъ и искусствъ; — Новыя изобрѣтенія, открытія и т. п.

II. *Изящная проза.*

„Живописныя путешествія; — Изображеніе характеровъ, повѣсти и пр.

III. *Стихотворенія.*

IV. *Смѣсь.*

1. Библіографія, или извѣстія и сужденія о книгахъ, также извлеченія изъ оныхъ.
2. Извлеченіе изъ разныхъ журналовъ.
3. Записки общества.

„Сверхъ того прилагаемы будутъ къ журналу по временамъ и по приличію портреты, карты, чертежи и ноты“ ²⁾).

Журналъ, дѣйствительно, старался выполнить обѣщанную программу, и книжки его составлялись интересно и разнообразно, хотя чертежей и рисунковъ за все время его существованія дано было очень мало. Дороговизна рисунковъ за

¹⁾ Входящ. бумаги, 1818 г.

²⁾ Соревнователь пр. и благ. 1818 г. № X-й.

ставила издателей отказаться отъ этой роскоши. Хотя среди статей большая часть была переводнаго характера, однако онѣ подбирались съ выборомъ, печатались аккуратно, на плотной бумагѣ. Если принять во вниманіе, что къ распространенію журнала привлекались губернаторы и другія лица провинціальной администраціи, то неудивительно, что *Соревнователь* просуществовалъ сравнительно долго (съ 1818 по 1825 г.). Двѣнадцать годовыхъ номеровъ составляли четыре части или тома, такъ что за восемь лѣтъ изданія получилось тридцать двѣ части или тома ¹⁾).

Но составлять журналъ было очень трудно, поэтому книжки выходили съ большимъ иногда запозданіемъ, а разсылались иногороднимъ еще медленнѣе, о чемъ въ дѣлахъ общества находимъ рядъ документовъ: это жалобы подписчиковъ на недоставленіе журнала и сношенія правленія съ газетною экспедиціей и почтамтомъ.

Трудность составленія книжекъ журнала обуславливалась множествомъ причинъ, между которыми весьма часто въ заявленіяхъ членовъ встрѣчается указаніе *на недостатокъ писемъ*. Вотъ что писалъ въ общество 15 марта 1820 г. дѣйств. членъ М. Загоскинъ: „Главный предметъ сегодняшняго собранія нашего есть разрѣшеніе вопроса: „нужно ли сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ издаваемомъ нами журналѣ?“ — Я не повторю слова почтеннаго нашего вице-президента — не скажу, что взоры всей Россіи обращены на оной; Россія велика — да и къ тому же, стыдно сказать, а грѣхъ потаить, большая часть нашихъ соотечественниковъ или вовсе не читаютъ русскихъ книгъ, или, что хуже, читаютъ одни глупыя романы. Года два или три назадъ продавали нудами Римскую Исторію Ролленя; а въ нынѣшнемъ году вышло въ свѣтъ шестое изданіе „Марграфини Брандбургской и Милорда Георга“. Признаюсь, это заставляеть меня думать, что въ Россіи еще много есть людей, для которыхъ все равно, печатаютъ ли въ нашемъ журналѣ шарады или ученыя извѣстія, эротическія стихотворенія или христіанскую мораль. — Довольно, если я скажу, что на насъ

¹⁾ За 1825 г. вышло только 10 книгъ.

обращены взоры всѣхъ подписчиковъ, всѣхъ истинныхъ любителей русской словесности; что, не говоря уже о выгодахъ общества, — собственное самолюбіе наше должно страдать, если журналъ, нами издаваемый, не оправдаетъ въ полной мѣрѣ ожиданіе публики — разумѣется не той, которая читаетъ Марграфиню Брандебургскую; но публики просвѣщенной, составленной изъ людей, желающихъ читать статьи не только пріятныя, но полезныя и ученыя, — людей, которыя, умѣя чувствовать всю прелесть хорошей поэзіи, не хотѣли бы однакожъ встрѣчать въ журналѣ, издаваемомъ не частнымъ человекомъ, но цѣлымъ обществомъ похвалы пьянству, нѣгѣ и сладострастію; можетъ быть, скажутъ мнѣ, что анакреонтическія пѣсни Державина пользуются всеобщимъ уваженіемъ—это правда!— Но я увѣренъ, что бессмертный пѣвецъ Фелицы никогда бы не рѣшился прочесть въ Бесѣдѣ, а и того менѣе напечатать въ книжкахъ, ею издаваемыхъ, нѣкоторыя изъ сихъ пѣсень — на примѣръ ту, которая начинается стихами

Я охотникъ былъ изъ млада
За дичиною гулять

или другую:

Вечоръ мнѣ красны дѣвицы
Мѣшокъ пшеницы принесли —

Не смотря на то, что эти оба стихотворенія прекрасны.

Чтобъ вполне удовлетворить желанія сей просвѣщенной публики, я полагаю, что нѣкоторыя преобразованія въ нашемъ журналѣ необходимо нужны; онъ по самому существу своему раздѣляется на двѣ части, — одна изъ нихъ должна заключать въ себѣ статьи ученыя, — другую можно посвятить исключительно одной словесности; — и о семъ то послѣднемъ отдѣленіи я намѣренъ сказать теперь мое мнѣніе.

Позвольте мнѣ спросить васъ, Милостивые Государи, не странно ли, не смѣшно ли даже, что въ журналѣ, издаваемомъ обществомъ *русской* словесности, помѣщаютъ извѣстія о иностранныхъ сочиненіяхъ, а не говорятъ ни слова о произведеніяхъ отечественныхъ? — Большая выгода знать нашему под-

пищику, что въ Парижѣ вышла хорошая книга, когда ему ни прочитать, ни купить ее невозможно! — Не гораздо ли лучше извѣщать его о вновь выходящихъ русскихъ книгахъ? — По крайней мѣрѣ тогда онъ поблагодаритъ насъ, если мы должной похвалою привлечемъ его къ прочтенію хорошей книги, или справедливой критикою остережемъ отъ покупки дурнаго сочиненія. — Если общество препоручитъ одному изъ своихъ членовъ составленіе русской библіографіи для каждой книжки издаваемого нами журнала, то я готовъ съ моей стороны дать ему для сего всѣ нужные способы, въ случаѣ же моей отлучки почтенный мой товарищъ и нашъ сочленъ Ив. Анд. Крыловъ охотно возьметъ на себя сію обязанность. — Мнѣ кажется такъ же не мѣшало бы завести въ журналѣ нашемъ постоянную статью о русскомъ театрѣ; оставляя уже то, что эта статья будетъ для многихъ весьма любопытна и безъ всякаго сомнѣнія прибавитъ число нашихъ подписчиковъ, я полагаю, что общество любителей словесности должно такъ же любить и драматическое искусство — искусство, которое древніе греки считали почти божественнымъ, — которое едвали не болѣе другихъ прославило французскую литературу“¹⁾...

Мнѣніе М. Загоскина появилось послѣ мнѣнія В. Н. Каравина, прочитаннаго въ собраніи 1 марта того же 1820 г. и напечатаннаго въ небольшомъ количествѣ отдѣльною брошюрою, подъ заглавіемъ: *О ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи.*

Въ этой брошюрѣ авторъ съ поразительною смѣлостью высказалъ передъ собраніемъ членовъ Вольнаго общества любителей російской словесности нѣсколько горькихъ, но справедливыхъ истинъ. Вотъ какъ, на примѣръ, онъ понимаетъ задачу обществъ, подобныхъ обществу любителей русской словесности. „Сіи почтенныя сословія“, говоритъ онъ, „должны имѣть возвышенную цѣль. Онѣ должны дѣйствовать на сердца, на умы согражданъ своихъ. Онѣ должны вспомоствовать, соревновать заведеніямъ, на сіе отъ державной власти устроеннымъ... Отважившись на себя обратить вниманіе цѣла-

¹⁾ Входящія бумаги, 1820 г.

го отечества... общества сіи могутъ ли посрамить себя? Не обязаны ль онѣ разливать полезныя знанія, образовать вкусъ, дѣйствовать на нравы? Сколько вызововъ представляется къ сношеніямъ между собою отдаленнѣйшихъ другъ другу, неизвѣстныхъ краевъ обширной Имперіи! Сколько въ ней любопытнаго, заслуживающаго быть извѣстнымъ, не намъ только однимъ, но и чужестранцамъ, готовымъ немедленно воспользоваться нашими новостями, *еслибъ онѣ являлись!*.. Науки естественныя, домоводство, искусства, издѣлія всѣхъ родовъ у насъ младенчествуютъ въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видимъ у прочихъ народовъ, у сѣверо-американцевъ даже, которые не составляли еще и народа тогда, когда мы имѣли уже Екатерину! — А у насъ, въ цѣлой Россіи нѣтъ ни одного періодическаго сочиненія для всѣхъ оныхъ предметовъ, столько необходимыхъ, столько занимательныхъ!“ Въмѣсто всего только что указаннаго члены общества любителей словесности преподносятъ публикѣ шарады на горохъ (*Сор. проsv.*, 1819 г., кн. XI, стр. 103), соблазнительныя элегіи или стихи въ альбомы и называютъ себя *соревнователями просвѣщенія!* „Вмѣсто того, чтобы описывать *въ десяти-тысячный разъ* восходъ солнца, пѣніе птичекъ, журчаніе ручейковъ, употребимъ тѣ же дарованія, тоже щастливое воображеніе на предметы болѣе дѣльныя. Взявъ за образецъ Бюфона, вмѣсто путешествій небывалыхъ, опишемъ лучше путешествія *дѣйствительно* совершенныя въ нѣдрахъ отечества нашего. Исчислимъ естественныя произведенія Россіи, опишемъ нравы ея разнovidныхъ обитателей... Немногіе еще въ Россіи бесѣдовали о наукахъ языкомъ *имъ соответствующимъ*, и притомъ *привлекательно*: другое, особливо для насъ Россіянъ, необходимое условіе!“

Въ заключеніи своего доклада В. Н. Каразинъ предлагалъ образовать комиссію изъ трехъ членовъ для составленія новаго плана изданія.

Вѣроятно, потому, что докладчикъ слишкомъ рѣзко задѣлъ нѣкоторыхъ описателей изъ членовъ общества, въ собраніи 15 марта поднялась цѣлая буря противъ Каразина. Только десять членовъ (Е. П. Люценко, А. Е. Измайловъ, В. Г. Анастасевичъ, В. И. Панаевъ, кн. П. А. Цертелевъ, Б. М. Федоровъ,

А. Ѳ. Рихтеръ, О. М. Сомовъ, А. П. Гевличъ и Д. В. Сахаровъ) выступили въ защиту докладчика.

Благодаря усиліямъ губернаторовъ и другихъ властей, къ которымъ правленіе общества обращалось съ просьбою и посылало билеты, подписка на журналъ шла довольно успѣшно. Тѣмъ не менѣе трудность веденія журнала сказалась вскорѣ, и потому не разъ возникала среди членовъ общества мысль, „продолжать ли изданіе „Соревнователя“, или же прекратить его. Самый ранній голосъ по этому поводу относится къ октябрю 1818 года. Въ этомъ мѣсяцѣ нѣсколько разъ назначались засѣданія для рѣшенія вопроса о дальнѣйшей судьбѣ изданія. Приведемъ нѣсколько мнѣній о продолженіи изданія „Соревнователя“ въ 1819 году, т.-е. на второй годъ.

Извѣстный гр. Хвостовъ писалъ: „Мнѣніе мое есть продолжать непремѣнно; цѣль благотворенія и честь общества того требуютъ; сомнѣнія о средствахъ общества при первомъ взглядѣ исчезаютъ. 1-ое) Если подписной суммы достаточно было на изданіе текущаго года, нельзя полагать, чтобы оной было менѣе въ настоящемъ годѣ... При томъ Общество наше въ прошломъ годѣ не имѣло еще ни Высочайшаго утвержденія, ни вѣсу, которой пріобрѣло отъ публики изданіемъ своего журнала. Статья ученая адмирала Сарычева, таковая же о высотѣ Осташкова, о монетномъ дворѣ историческая Г. Орлова... и многія другія въ прозѣ и стихахъ удовлетворяютъ по важности содержанія и достоинству слога разборчивости строгаго критика и обратятъ, безъ сомнѣнія, вниманіе публики на общество и изданіе, которое, легко станется, что покровительствомъ Правительства удостоится получить новые способы, съ коими удобнѣе можно будетъ приступить къ цѣли благотворенія. 2-ое) При вопросѣ о достаткѣ суммъ рождается вопросъ о достаткѣ матеріаловъ. Способъ богатства нашего въ семь родѣ достаточно наполнить годовое изданіе остатками нынѣшняго года. Остается только обществу учредить по благоусмотрѣнію своему образъ печати изданія, назначать при оной одного хозяина и статьи, достойныя помѣщенія, наблюдая срокъ вступленія оныхъ въ общество, что совершенно согласно съ уставомъ нашимъ, по коему сочиненіе назначается

къ печати по большинству шаровъ въ собраніи общества и цензурной онаго комитетъ отправляется только для очищенія и исправленія совокупно съ сочинителемъ въ дробностяхъ, а не цѣломъ“.

Г. Сонинъ писалъ: „Общество не имѣетъ причины прекращать изданіе журнала на слѣдующій годъ, смотря по расходу онаго; для сохраненія же большей суммы на благотвореніе, кажется, можно впредь не брать себѣ въ обязанность непремѣннаго приложенія рисунковъ и нотъ къ каждой книжкѣ „Соревнователя“...“

Г. Ив. Кокошкинъ подалъ такое мнѣніе: „Я полагаю, что изданіе журнала отъ общества нераздѣльно съ бытіемъ онаго: ибо предметъ, на которомъ основано общество, есть благотворительность несчастнымъ; для сего потребно имѣть средства: какія же могутъ быть ближайшія къ тому средства и приличныя столь просвѣщенному сословію, какъ не изданіе журнала; я увѣренъ... что единодушное стараніе всѣхъ вообще членовъ оправдаетъ довѣренность публики, которая не можетъ быть недовольною изданіемъ нынѣшняго года, и для сего... отвѣтствую... что изданіе общества не токмо на будущей, но и на многія года необходимо нужно; и весьма желательно оное поддержать“...

Наиболѣе сильное отрицательнос мнѣніе высказано Андр. Христ. Дурономъ. „Бывъ избранъ въ члены Цензурнаго комитета, писалъ онъ, я лично удостовѣрился, что по числу, содержанию и достоинству піисъ, находящихся нынѣ въ Комитетѣ, нѣтъ никакой возможности издавать на будущій годъ журналъ; почему и полагаю я прекратить изданіе онаго. Впрочемъ не угодно ли будетъ обществу опубликовать о семъ заблаговременно съ тѣмъ, что съ будущаго года общество расположилось издавать труды свои въ особыхъ книжкахъ, не принимая на себя обязанности, — когда именно и по сколько можетъ выходить книжекъ“...

Въ засѣданіи 15 октября 1818 г., заслушавъ мнѣнія о продолженіи *Соревнователя*, всѣ члены согласились на продолженіе изданія, если имъ будутъ показаны вѣрныя средства къ достиженію предполагаемой цѣли. Это сдѣлалъ Ив. Дм. Боров-

ковъ, представивъ рядъ соображеній о необходимыхъ измѣненіяхъ. По его мнѣнію, пьесъ достаточно для наполненія шести книжекъ; точно такъ же имѣется достаточное количество „субскрибентовъ“ на журналъ.

Но при изданіи журнала въ 1819 г. необходимо: 1) печатать не болѣе 700 экземпляровъ; 2) отмѣнить печатаніе портретовъ, плановъ, нотъ и проч. рисунковъ; 3) прекратить безденежную раздачу журнала постороннимъ лицамъ.

Матеріальная сторона предпріятія также обезпечена: все изданіе требуетъ въ годъ 7 тысячъ, т. е. 280 подписчиковъ, а имѣется въ расходѣ 500 экземпляровъ.

„Если же по какимъ-нибудь маловажнымъ причинамъ общество не заблагоразсудить... приступить къ изданію журнала, тогда цѣль, уставомъ предназначенная, сама собою уничтожится и рвеніе г. г. членовъ непримѣтнымъ образомъ охладѣетъ. Какая же цѣль будетъ упражненій г. г. членовъ, какая отъ ихъ занятій польза; чѣмъ же общество будетъ извѣстно въ ученomъ свѣтѣ; можетъ ли оно помогать бѣднымъ безъ пособія другихъ и можетъ ли содержать само себя безъ другихъ источниковъ?

Вотъ вопросы, которые и при невозможностяхъ возбуждаютъ устремить все стараніе на продолженіе предпріятого обществомъ дѣйствія“¹⁾. Одинъ членъ, Авксентій Павловичъ Гевличъ, коснувшись жалобъ на недостатокъ сочиненій для журнала, заявилъ: „Странное обстоятельство! Мы имѣемъ столько членовъ, трудящихся съ величайшею ревностію и успѣхами, и при всемъ томъ общество нуждается въ хорошихъ сочиненіяхъ... Какая же причина, что теперь менѣе представляютъ, или же менѣе читаютъ у насъ сочиненій? Кромѣ многихъ другихъ обстоятельствъ, кажется, можно положить главною причиною сему то, что засѣданія наши отклоняются занятій. Собираются для чтенія, а проводятъ время въ толкахъ, въ спорахъ, въ сужденіяхъ, въ наблюденіи за судебными формами. Дружеское общество словесниковъ дѣлается какимъ-то страннымъ трибуналомъ. Собранія начинаются и оканчиваются, а никто и не вспомнитъ о чтеніи сочиненій, или же, проведши

¹⁾ Вход. бум, 1818 г. № 192. Съ этимъ мнѣніемъ согласились: Соницъ, Лобойко, А. Боровковъ и Крикуновскій.

два, три длинныхъ часа въ толкахъ и спорахъ, подъ конецъ, утомясь уже отъ противоборствій, съ негодованіемъ преклоняютъ слухъ свой, оглушенный преніями, къ робкому гласу Музъ. Едва проходитъ нѣсколько минутъ въ семь скучномъ чтеніи; бѣтъ 10 или 11 часовъ, всѣ спѣшатъ домой, а сочиненія остаются до слѣдующаго собранія.

„Сіе то невниманіе къ сочиненіямъ охлаждаетъ самыхъ авторовъ. Не читаетъ ничего одинъ, не хочетъ и читать и есѣдь его, а когда не пишутъ два, то третій находитъ себя въ правѣ не работать ничего для пользы общества. Изчезаетъ собраніе, и равнодушіе заступаетъ его мѣсто“...

Обществу необходимо уничтожить указанную причину недостатка сочиненій для журнала. По мнѣнію Гевлича, слѣдуетъ всякое обыкновенное засѣданіе начинать непосредственно чтеніемъ сочиненій, а по окончаніи уже оныхъ предлагать входящія бумаги и прочія разныя дѣла.

„Тогда главное вниманіе будетъ обращено на произведенія г. г. сочленовъ, тогда собранія наши содѣлаются снова бесѣдою литераторовъ, и общее уваженіе будетъ наградою того, кто больше оказалъ услугъ на поприщѣ словесности, а не того, кто ко вреду ея произвелъ больше пустыхъ преній“...

Въ концѣ концовъ изданіе журнала продолжалось до конца 1825 года, хотя остатковъ отъ „Соревнователя“ на благотворительныя цѣли не могло отчислаться много.

3.

Оставляя подробную исторію общества до другого раза, укажемъ здѣсь, въ чемъ выразилась роль О. М. Сомова въ Вольномъ обществѣ любителей словесности.

21 мая 1818 г. за № 290 секретарь общества Никитинъ послалъ „Г. Дворянину Харьковской губерніи Оресту Михайловичу Сомову“ приглашеніе слѣдующаго содержанія: „Г-нъ Предсѣдатель высочайше утвержденнаго Вольнаго общества любителей російской словесности поручилъ мнѣ просить васъ,

Милостивый Государь мой, пожаловать въ собраніе общества въ слѣдующій понедѣльникъ, т.-е. 27-го сего маія¹⁾.

Подобное приглашеніе было результатомъ представленія нашимъ писателемъ произведеній и начавшейся его литературной дѣятельности. Сомова выбрали членомъ-сотрудникомъ. 24 августа того же года члену хозяйственнаго комитета Гарижскому предложено было выдать одинъ экземпляръ журнала „Соревнователь“ Сомову „въ уваженіе усердія и трудовъ его“²⁾. Въ качествѣ члена-сотрудника О. М. Сомовъ 25 ноября 1818 г. писалъ членамъ В. О. Л. Р. сл.: „Находясь по обстоятельствамъ моимъ въ невозможности быть сегодня въ собраніи общества, препровождаю при семъ въ оное переведенную мною изъ журнала „Bibliothèque Universelle“ статью подъ заглавіемъ: *Извлеченіе* изъ Путешествія въ Южную Африку, извѣстнаго Англійскаго странствователя Дж. Кейтбелля, представляя оную въ разпоряженіе господъ членовъ. При семъ прилагаю также печатное объявленіе о вновь выходящихъ запискахъ морскаго офицера, В. Б. Броневскаго, прося покорнѣйше почтенныхъ Г. г. членовъ напечатать оное объявленіе въ имѣющей выйти въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ книжкѣ журнала Трудовъ общества, ибо авторъ означенной книги убѣдилъ меня сдѣлать Г. г. членамъ общества такое предложеніе; и по мнѣнію моему, сіе не противно постановленіямъ общества. Имѣю честь увѣдомить почтенныхъ Г. г. членовъ, что продолженіе перевода моего о Морлакахъ, или Славянахъ Далматскихъ, будетъ мною кончено и представлено на ихъ разсмотрѣніе въ слѣдующее засѣданіе общества“³⁾.

Въ качествѣ члена-сотрудника Орестъ Михайловичъ проявилъ энергичную дѣятельность: онъ читалъ и представлялъ въ общество свои прозаическія и стихотворныя произведенія⁴⁾, оригинальныя и переводныя.

Полезная его дѣятельность побудила кн. Н. Цертелева 24 мая 1820 г. подать въ общество заявленіе, въ которомъ онъ

¹⁾ Исх. д. 1818, № 290.

²⁾ Тамъ же, № 459.

³⁾ Вход. бум., 1818 г., № 213.

⁴⁾ См. Отчеты 1818, 1819, 1820 г.г. и Жур. учен. упражненій 1820 г.

писалъ: „Имѣю честь предложить сотрудника общества Ореста Михайловича въ дѣйствительные члены. Опыты его въ словесности и усердіе къ обществу безъ сомнѣнія извѣстны почтеннымъ моимъ сочленамъ“¹⁾. 27 мая того же года Сомову было послано извѣщеніе объ избраніи его въ дѣйствительные члены.

Въ этомъ же году онъ принялъ участіе въ дѣлѣ В. Н. Каразина. Когда эта печальная исторія окончилась, то Сомову довелось вскорѣ стать болѣе близкимъ къ жизни В. О. Л. Р. Сл. 30-го декабря 1821 г. онъ былъ избранъ исполнителемъ на первую половину 1822-го года, а 18 декабря 1822 г. въ полугодишномъ собраніи общества его выбрали секретаремъ цензуры и цензурнаго комитета. Пробылъ онъ въ означенной должности въ продолженіе 1823 г., такъ какъ въ упомянутомъ собраніи 18 декабря предыдущаго года рѣшили избирать членовъ правленія на годъ, а не на полгода, какъ то дѣлалось раньше.

Въ архивѣ общества сохранилось нѣсколько документовъ, характеризующихъ его дѣятельность, въ качествѣ секретаря цензурнаго комитета.

Такъ, онъ редактировалъ іюньскую и іюльскую книжки „Соревнователя“ за 1823 г., что видно изъ слѣдующаго заявленія его отъ 21 авг.: „Слѣдующія мнѣ за редакцію двухъ книжекъ Соревнователя Просвѣщенія и Благотворенія, за іюнь и іюль мѣсяцы, деньги двѣсти рублей прошу общество употребить по своему благоусмотрѣнію“. Эти книжки, однако, запоздали отправкою подписчикамъ, о чемъ писалъ Сомовъ въ В. О. Л. Р. Сл. слѣдующее „Объясненіе“: „Имѣю честь довести до свѣдѣнія Общества, что 6 и 7 книжки Соревнователя въ Газетную Экспедицію доставлены, равно какъ и запечатанныя въ пакеты экземпляры, всѣ сполна, по числу Пренумерантовъ. Причина сего медлѣнія была отъ нечаянной и вынужденной моей отлучки, какъ я уже прежде имѣлъ честь обществу объяснить. Нынѣ же, къ удовольствію моему, видя себя снова

¹⁾ Вход. бумаги, 1820 г., № 161.

свободнымъ отъ всѣхъ постороннихъ дѣлъ, смѣло могу увѣрить общество, что таковыхъ медлѣній впередъ не случится“¹⁾).

Это „объясненіе“ писано 17 сентября, а 24 сентября секретарь общества А. А. Никитинъ писалъ въ Общество: „Болѣзнь лишаетъ меня чести уже другой разъ быть въ собраніи общества. Но страдая тѣлесными недугами, я не могу скрыть душевныхъ моихъ страданій, видя ежедневно, что прекраснѣйшая мечта весьма многихъ изъ почтеннѣйшихъ, усердныхъ и дѣятельныхъ членовъ нашихъ — видѣть общество постепенно процвѣтающимъ — наконецъ день отъ дня исчезаетъ. Предлагаемое у сего отношеніе Газ. Экспедиціи откроетъ обществу, что уменьшеніе пренумерантовъ на Соревнователь и умноженіе жалобъ на неисправное доставленіе сего журнала происходитъ отъ собственнаго нашего невниманія и медленности. Еще до сихъ поръ книжки за іюнь и іюль не высланы къ иногороднымъ пренумерантамъ... Довольно, кажется, того, что мы успѣли уже достигнуть, что Соревнователь начался (?) наполняться всячиною, что нѣтъ даже шіестъ для составленія VIII книжки, которая еще не печатается, какъ донесла мнѣ типографія: но къ чему еще дополнять непріятности невысылкою въ свое время приготовленныхъ уже книжекъ“. Заявленіе очень усерднаго секретаря общества возымѣло свое дѣйствіе. Предсѣдатель общества просилъ О. М. Сомова навести справки въ Газетной экспедиціи и разяснить дѣло. Исполняя порученное, Сомовъ 5 ноября писалъ: „Въ слѣдствіе предложенія, словесно мнѣ сдѣланнаго господиномъ Предсѣдателемъ общества, я дѣлалъ справки въ Газетной Экспедиціи по поводу жалобъ, поступившихъ въ Общество отъ разныхъ пренумерантовъ на журналъ: Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія. Съ согласія г.г. чиновниковъ, я разсматривалъ книгу пренумерантовъ и нашелъ, что въ ней имена всѣхъ подписавшихся означены сходно съ моими отношеніями, и противъ каждаго отмѣчены препровожденныя къ нему книжки. Безъ сомнѣнія, по собственной моей ошибкѣ поставленъ при именахъ Г. Дюбрукса и прочихъ его подписчиковъ городъ *Одесса* вмѣсто *Жерчи*; но

¹⁾ Вход. бум., 1823 г., № 188.

сіе нынѣ поправлено... Прочіе же Г.г. пренумеранты, получающіе журналъ чрезъ Газетную Экспедицію, какъ не входятъ въ мое завѣдываніе, то я почитаю себя совершенно передъ ними правымъ, когда выдаю надлежащее по требованіямъ оной экспедиціи число экземпляровъ каждой книжки... Причина нѣкоторыхъ жалобъ была замедленіе въ полученіи 7-й и 8-й книжекъ, но нынѣ, вѣроятно, всѣ жаловавшіеся на сіе давно уже удовлетворены. Я съ моей стороны убѣдительнѣйше прошу общество, дабы оно благоволило вмѣнить мнѣ въ заглаженіе нѣкоторыхъ упущеній добрую мою волю и чистосердечное желаніе быть ему полезнымъ, хотя я и принужденъ безпрестанно бороться съ противными мнѣ обстоятельствами, разстроивающими мое здравье и спокойствіе...“

Какъ видно, О. М. Сомовъ не былъ очень аккуратнымъ секретаремъ цензурнаго комитета.

17 декабря того же года¹⁾ онъ сообщалъ обществу: „Будучи занятъ изданіемъ послѣднихъ трехъ книжекъ Соревнователя, я не успѣлъ составить должныхъ счетовъ о бумагахъ и вообще по редакціи, ибо и типографія не доставила мнѣ еще своихъ отчетовъ. По чему покорнѣйше прошу общество позволить мнѣ доставить таковыя отчеты къ 1-му Января, препроводя оныя къ Г. Секретарю общества. При семъ имѣю честь довести до свѣдѣнія общества, что какъ я предполагаю будущею весною отлучиться за границу, то и нахожу себя въ обязанности предупредить г.г. членовъ общества, дабы они благоволили меня уволить отъ выборовъ въ должностные члены...“

Пожелавъ передъ уходомъ изъ членовъ правленія общества произвести денежныя расчеты, Сомовъ 29 декабря 1823 года доставилъ слѣдующее „Представленіе“. „Имѣю честь представить обществу, что за возложенную на меня редакцію Соревнователя 1823 года получено мною съ 1-го Марта по сіе число, изъ положеннаго Редактору оклада по 100 р. за каждую книжку, всего на все шестьсотъ рублей, включая въ то число и добровольно мною пожертвованные въ прошедшемъ Августѣ

¹⁾ Вход. бум., 1823 г., № 221.

мѣсяцѣ 200 р. Соревнователя 1823 года издано мною 11 книжекъ, да за наступающій 1824 годъ приводится къ окончанію 1-ая книжка; почему слѣдуетъ мнѣ получить отъ общества всѣхъ денегъ шестьсотъ рублей. Но какъ легко можетъ быть, что общество не имѣетъ теперь въ сборѣ всей означенной суммы, то покорнѣйше прошу оное выдать мнѣ хотя половинное число въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ на слѣдующихъ основаніяхъ: сто пятьдесятъ рублей наличными деньгами, а въ счетъ остальныхъ ста пятидесяти рублей десять экземпляровъ изданныхъ обществомъ сочиненій И. И. Дмитріева. — Я никакъ бы не рѣшился утруждать общество сею прозъбою, еслибы разстроенныя мои обстоятельства меня къ тому не побуждали. Редакція всякаго журнала бываетъ сопряжена съ издержками собственно для Редактора, чему и я видѣлъ опытъ на себѣ, бывъ въ необходимости войти въ нѣкоторые долги, дабы прикрыть сіи издержки. Конечно, онѣ маловажны въ частности, но въ общей годовой массѣ составляютъ весьма немаловажную сумму для человѣка небогатаго. Повторяя мою прозъбу, я покорнѣйше прошу общество обратить на оную благосклонное вниманіе“.

Расчеты съ обществомъ затянулись. Сомову пришлось давать новыя объясненія. 2-го февраля 1824 г. онъ писалъ въ В. О. Л. Р. Сл.: „На отношеніе ко мнѣ Г. Секретаря Общества отъ 31 генваря сего года за № 122 имѣю честь препроводить при семъ оставшіяся у меня квитанціи Газетной Экспедиціи въ полученіи ею денегъ за пересылку въ разные города экземпляровъ Соревнователя 1823 года; выданныя же мнѣ прежде означенныхъ на прилагаемыхъ квитанціяхъ числѣ доставлены мною Г. Казначею Общества. — Что же касается до требуемыхъ Газетною Экспедиціею пятисотъ девяноста пяти рублей, то въ счетъ оныхъ покорнѣйше прошу Общество изъ слѣдующихъ мнѣ по расчету за редакцію Соревнователя прошлаго года *пяти сотъ двадцати пяти рублей* (ибо семьдесятъ пять рублей я уже получилъ) удовлетворить оную экспедицію *четырьмястами тридцатью пятью рублями*, съ истребованіемъ за оныя надлежащихъ квитанцій. — Остальныя же сто шестьдесятъ рублей изъ требуемой экспедиціей суммы, какъ Обществу

извѣстно, небыли мною вовсе получены отъ Г. Казначей Общества для внесенія въ Газетную экспедицію, по чему и должны быть почитаемы, какъ собственный Общества долгъ оной экспедиціи“.

Посылая только что приведенное объясненіе Обществу къ секретарю А. А. Никитину, Сомовъ писалъ вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдному интересное по біографическимъ чертамъ письмо. Вотъ оно:

„Милостивый Государь
Андрей Аванасьевичъ!

„Прилагая при семъ къ Вамъ объясненіе по поводу отношенія Вашего, я за необходимое считаю войти въ нѣкоторыя на сей счетъ особенныя съ вами объясненія.

„Въ іюнѣ мѣсяцѣ, имѣя крайнюю необходимость въ деньгахъ, я принужденъ былъ занять 450 рублей у покойнаго бухгалтера Газетной экспедиціи, Александра Петровича Чирьева, который сверхъ данной мною ему разписки, удержалъ у меня нѣсколько квитанцій по суммѣ общественной, вѣроятно для большаго себѣ обезпеченія. Какъ я по многократнымъ и клятвеннымъ обнадеживаніямъ бывшаго моего сотрудника по переводу 9-го тома російской исторіи, С.-Тома, былъ почти увѣренъ въ скоромъ полученіи по крайней мѣрѣ двойной противъ занятой мною суммы, то и оставался на сей счетъ спокоенъ; но не получая даже и понынѣ отъ него ни полушки и въ исходѣ прошлаго года видя себя въ обязанности удовлетворить справедливому требованію Г. Чирьева, я заготовилъ въ Общество прозбу о выдачѣ мнѣ хотя половины оставшихся за нимъ суммы по редакціи, которую просьбу тогда же вамъ показывалъ и по совѣту Вашему удержалъ до другаго времени и которую нынѣ въ оригиналѣ вамъ препровождаю. — По кончинѣ Г. Чирьева я хотѣлъ сумму сію внести его семейству, но теперь видя, что онъ обратилъ ее въ счетъ требованій отъ Общества Газетной экспедиціи, прошу васъ покорнѣйше удовлетворить оную въ счетъ должныхъ мнѣ денегъ, *четырьмя стами тридцатью пятью рублями*, ибо пятнадцать рублей въ число мною должныхъ уплачены мною Г. Чирьеву при послѣдующихъ расчетахъ. — Такимъ образомъ весь счетъ мой съ Об-

ществомъ будетъ очищенъ, чему прилагаю при семъ расчетъ... Что касается до другихъ ста шестидесяти рублей, требуемыхъ экспедиціей, то Г. Казначею Общества, и какъ я вижу изъ вашего отношенія, то и вамъ самимъ извѣстно, что сихъ денегъ я вовсе не получалъ изъ общественной суммы для взноса въ экспедицію за экземпляры Соревнователя; по чему Общество и должно послѣднюю сумму взнестъ собственно отъ себя“...

Въ качествѣ дѣйствительнаго члена и секретаря цензурнаго комитета О. М. Сомовъ рекомендовалъ въ члены Общества служащаго при Газетной экспедиціи титулярнаго совѣтника Гаврилу Петровича Кругликова, участвовавшаго въ изданіи Невскаго Зрителя и рассылавшаго всѣ получаемые въ Россіи иностранные журналы¹⁾; вмѣстѣ съ К. Θ. Рылѣвымъ онъ предлагалъ въ члены общества служащаго въ Департаментѣ Государственнаго Казначейства губернскаго секретаря Василя Никифоровича Григорьева, котораго стихотворенія помѣщались въ нѣсколькихъ книжкахъ *Соревнователя* за 1823 г.²⁾

Радѣя объ интересахъ общества, Сомовъ при письмѣ своемъ³⁾ къ А. А. Никитину приложилъ предложеніе, написанное имъ по просьбѣ книгопродавца Слѣнина, касающееся распространенія изданій Общества.

Представивъ свои сочиненія въ Общество любителей рос. сл. съ 1818 г.⁴⁾, Сомовъ выступилъ съ чтеніемъ ихъ только съ 1820 г.⁵⁾. Въ промежутокъ этого времени, именно въ 1819 г., онъ успѣлъ побывать за границей, отправившись черезъ Краковъ и Вѣну; побывалъ въ Парижѣ и черезъ Германію возвратился въ Петербургъ.

Съ 1818 по 1825 г. Сомовъ выступалъ съ своими стихотвореніями и прозаическими статьями, главнымъ образомъ, на страницахъ изданій двухъ обществъ: „Вольнаго общ. любителей словесности, наукъ и художествъ“ и „Вольнаго общ. лю-

1) Вход. бум. 1823 г., № 221.

2) Тамъ же, № 216.

3) Отъ 2 февраля 1824 г.

4) См. Отчетъ 1818 г.

5) См. Журн. учен. упражн. 1820 г., №№ 93, 122, 134, 144, 154.

бителей российской словесности“. Органомъ перваго съ 1818 г. былъ журналъ А. Е. Измайлова „*Благонамѣренный*“¹⁾.

Представляя ниже перечень всего, что появилось на страницахъ указаннаго журнала съ именемъ О. М. Сомова, нѣкоторыя стихотворныя его произведенія мы приводимъ полностью, съ цѣлью возобновить въ памяти читателей прошлое и давно забытое русской поэзіи и представить матеріалъ для исторіи выработки нашего стиха.

Свой литературный дебютъ на страницахъ „Благонамѣреннаго“ Сомовъ началъ баснею, къ которой издатель, по своему обыкновению, присоединилъ въ примѣчаніи нѣкоторыя критическія замѣчанія, тѣмъ болѣе, что въ этомъ видѣ поэзіи считалъ себя авторитетомъ. Басня озаглавлена: *Мартышка Оборотень* (Благонамѣренный, 1818 г., № 5, стр. 150—153):

Потапка смѣходѣй, лишь господинъ уснулъ,
Со стѣнки зеркало стянулъ,
И опрометью въ лѣсъ махнулъ.
„Ну, говорить: давай-ка посмотришься,
Каковъ-то я собой?“
Ужь есть на что, я чаю, наглядѣться!
И люди, со своею надмѣнной красотой,
Должны быть жалкіе уроды предо мной“.
Смотрѣлъ, смотрѣлъ, косился,
Взбѣсился
И закричалъ:
„Скажи, Юпитеръ! что ты мнѣ за харю далъ?
Пожалуйста не въ службу
Мой видъ перемѣни:
Ну самъ таки взгляни,
Куда я съ нимъ гожусь? — да только сдѣлай дружбу

¹⁾ Подробности о немъ см. у г. Кубасова: А. Е. Измайловъ, II и VII гл.

²⁾ „Мартышка знала употребленіе зеркала, слѣдовательно она могла въ него посмотришься дома и тотчасъ увидѣть свое безобразіе, а не для чего ей было бѣжать за этимъ въ лѣсъ. Тутъ, кажется, ошибка противъ правдоподобія. Мартышка эта, или *Потапка*, какъ называлъ ее сочинитель, говорить очень неучтиво съ Юпитеромъ; но *Потапка* вмѣстѣ *тутъ и дуракъ*, а эти люди не оказываютъ никогда вышшимъ должнаго уваженія и обходятся съ ними за *панибрата*“. Прим. изд.

Проворство лишь мое одно при мнѣ оставь;
А туловище все и голову поправь“.

Изволь Юпитеръ молвить:
Твое желанье я исполнилъ;

Смотри, хорошъ ли ты, да мнѣ не докучай.

Потапка смотрится: вотъ онъ ужь попугай
Любуется собой и эдакъ разсуждаетъ:

Юпитеръ знаетъ,
Кому что дать.

Ай, другъ Юпитеръ, исполать!

Какія перышки! и что за хохолочикъ!

Вотъ прямо я теперь молодчикъ!..

Ба! ба! да это что за носъ?

Онъ чуть ли самага меня не переросъ!

На смѣхъ что ль ты меня, Юпитеръ, поднимаешь?

Пріятель, ты меня не знаешь:

Я такъ начну тебѣ скучать,

Что будешь радъ долой съ Олимпа убѣжать.

Сейчасъ перемѣни“! Къ Потапкиному счастью

Юпитеръ весель былъ: итакъ своею властью

Его въ Павлина превратилъ.

Ау! да какъ я милъ!

Нашъ оборотень говорилъ,

Спѣсиво выступалъ, надулся;

Но вотъ еще бѣда! на хвостъ онъ оглянулся,

Увидѣлъ ноги тутъ свои, вскричалъ: „ай! ай!

Другой мнѣ видъ, Юпитеръ, дай!

Взгляни: какія коротыжки?

Да ногъ такихъ смѣшныхъ нѣтъ даже у Мартышки!

Хотя наскучилъ ужь ты визгомъ мнѣ своимъ,

Но я еще твое прошенье исполняю,

Сказалъ Зевесъ: еще твой видъ перемѣню,

И съ новымъ видомъ симъ

Всѣ свойства прежнихъ трехъ въ одномъ тебѣ вмѣщаю;

Однакожь подтверждаю,

Чтобъ ты мнѣ болѣе не смѣлъ ужь докучать:

Доволенъ будь и тѣмъ, что я намѣренъ дать. —

За словомъ вслѣдъ Потапъ еще перемѣнился:

И что же? *Франтомъ* очутился!

Три твари разныя вмѣстились въ одной:

Во *франтахъ* видимъ мы Мартышкино кривлянье

И попугаево болтанье;

Уборъ Павлиновъ дорогой,
Его жъ напыщенность — чудесное созданье!

Вторымъ литературнымъ трудомъ на страницахъ того же журнала была также басня, подъ заглавіемъ: *Тыква и Желудь* (*Ibid.*, № 6, стр. 271—272).

Въ томъ же номерѣ „Благонамѣреннаго“ напечатано два небольшія стихотворенія, вызванныя статуей Амура, работы Фальконетто, извѣстнаго итальянскаго художника.

Первое (стр. 149) озаглавлено: *Къ беспѣдкѣ изъ гортенсій, въ которой поставленъ Фальконетовъ Амуръ*:

Здѣсь, въ розовой тѣни скрываясь,
Малютка рѣзвой, Купидонъ,
На всѣхъ лукаво улыбаясь,
Проходимъ шепчетъ свой законъ:
„Кто бъ ни былъ ты; пади предъ мною
И власть мою спѣши признать;
Теперь — иль послѣ — но тобою
Я вѣрно буду обладать.

Названіе второго такое: *Къ тому же Амуру, когда его ставили со мною двѣ прелестныя дѣвицы*.

Въ книжкѣ X-й за тотъ же годъ напечаталъ: *Отрывокъ изъ Вольтеровой трагедіи Орестъ* (Дѣйствіе V, явленіе 6. Электра, Идица) ¹⁾.

Въ XII кн. напечатано два прозаическихкихъ и одно стихотворное произведеніе. Прозаическія оба несамостоятельны. *Донъ Фабриласъ. Испанская повѣсть* (изъ Лемонтея) — переводъ съ французскаго языка (274—286 стр.), а *Разныя анекдоты* (344—346) тоже, вѣроятно, заимствованы изъ французскихъ журналовъ, хотя источникъ ихъ не указанъ. Стихотвореніе *Розовой цвѣтъ* (Подражаніе древнимъ)—оригинально.

Свѣтлы Зевесовы чертоги,
Радость лется въ нихъ рѣкой;
Весело пируютъ боги
Бракъ Гебеи молодой,

¹⁾ Благонамѣренный, 1818 г., кн. X, стр. 7—13.

Легки милья Хариты
 Взоры пляской веселятъ:
 Рдѣютъ юныя ланиты,
 Всѣ движенья говорятъ.
 Съ ними богъ любви рѣзвился,
 Вкругъ ихъ бабочкой леталъ;
 Но крыломъ онъ зацѣпился —
 И на землю кубокъ палъ:
 Нектаръ алый разливаясь
 Брызгаль, пѣнился, шумѣлъ.
 У стѣны тамъ обвиваясь
 Бѣлыхъ розъ кусточки цвѣлъ.
 Капля нектара упала,
 Отдѣлившись на цвѣты —
 И румяной роза стала,
 Образъ юной красоты;
 Съ цвѣтомъ запахъ столь пріятный
 Получила отъ боговъ,
 Какъ и нектаръ ароматный,
 Услажденье ихъ пировъ!
 Розы тѣнь — въ щекахъ румянецъ,
 Имъ плѣняетъ красота;
 Розы огонь — въ устахъ багрянецъ,
 Имъ манятъ къ себѣ уста;
 И любезную стыдливость,
 Цвѣтъ прелестный! кроешь ты,
 И приманчиву игривость
 И Аврорины персты.

За 1819-й годъ въ томъ же журналѣ помѣщено нѣсколько произведеній, прозою и стихами, оригинальныхъ и переводныхъ. Такъ, во второй книгѣ (стр. 76—82) напечатанъ Анекдотъ изъ Жуи, подъ заглавіемъ; *Храмъ любви*, заимствованный изъ *Hermite en Province*.

Въ шестой книжкѣ (стр. 333) находимъ *романсъ*, начинающійся словами:

Любить тебя — вотъ жизни утѣшенье!
 Инаго я не смѣю и желать...
Люблю тебя! — въ восторгѣ, въ изступленьѣ,
 Какъ сладко мнѣ всечасно повторять!

Въ номерѣ VII (стр. 9) напечатана басня: „*Конь и Кляча*“.

Въ томъ же номерѣ (стр. 44—55), въ номерѣ XII-мъ (стр. 393—403) за 1819 г. и въ номерѣ XVIII-мъ (стр. 389—401) находится большая научная статья „*О подписяхъ*“ (изъ сочиненій г-жи Жанлисъ), переведенная Сомовымъ съ французскаго языка.

Въ XII-й книжкѣ за 1819 годъ (на стр. 404—406) помѣщена еще одна переведенная съ французскаго языка прозаическая статейка: „*Предположенія, или Новый помѣщикъ и его управитель*“, принадлежащая ему же ¹⁾).

Въ номерѣ VIII-мъ, въ отдѣлѣ *Смѣсь* (стр. 129—133), находимъ статейку: *Задача Господамъ Магнетизерамъ*, принадлежащая тоже Сомову ²⁾).

Въ книжкѣ № IX-й (стр. 143) находимъ стихотвореніе: „*Признаніе*“.

Въ № XI (стр. 280—281) напечатанъ романъ — „*Ночь*“.

Въ томъ же номерѣ (284 стр.) помѣщено стихотвореніе „*Новый Нарцисъ*“.

(*Подражаніе Вадѣ*) ³⁾).

Нарцисса видите во мнѣ:
Горю къ себѣ любовью страстной!
Но только не въ водѣ — въ винѣ
Меня плѣняетъ видъ прекрасной.
Какая живость, огонь и цвѣтъ
Въ семъ миломъ образѣ... я таю!
Любовь меня сильнѣе жжетъ...
Невольно образъ свой глотаю.

Въ XII-й книжкѣ находимъ два вакхическія стихотворенія на стр. 352. Одно: *Завѣщаніе пьяницы*, — другое *Похвала Бахусу*.

Въ №-рѣ XVI-мъ на стр. 209—210: *Дѣвицъ *** въ день ея рожденія 1 Августа 1819 г.*

На стр. 210 той же книжки — *Мадригалъ*.

Въ 1820 году Сомовъ напечаталъ нѣсколько статей про-

¹⁾ Подписано: *О. С.*

²⁾ Подписано: *О... С...*

³⁾ Жанъ-Жозефъ Вадѣ, французскій народный поэтъ, жилъ въ XVIII столѣтіи.

заическихъ. Такъ, въ №№-ахъ X (стр. 278—285) и XI (стр. 348—355) находимъ „Письма“ его „къ князю Н. А. Цертелеву изъ Парижа“, подъ заглавіемъ: *О парижскихъ театрахъ*. Эта статья была читана въ собраніи Петербургскаго Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ 3 іюня того же (1820) года.

Въ №-рѣ XIII-мъ (стр. 33—43) напечатана статья: *Праздникъ въ саду Тиволи* (Письмо къ издателю Благонамѣреннаго изъ Парижа отъ 17 (29) октября 1819 г.). Это письмо также было читано въ томъ же обществѣ 8 іюля 1820 г. Изъ этой статьи видно, что въ одномъ изъ предыдущихъ своихъ писемъ къ А. Е. Измайлову Сомовъ описывалъ народное гульбище въ Вѣнѣ, извѣстное подъ названіемъ *Пратеръ*.

Въ XV книгѣ напечатаны: *Я умеръ и не умеръ* (Анекдотъ изъ франц. журнала) ¹⁾, *Счастливое время* ²⁾ (Сновидѣніе) тоже съ французскаго и *Сочиненіе еще не сочиненное* (160—166) съ того же языка. Всѣ названныя статьи сопровождаются примѣчаніями переводчика (Сомова), которыя обнаруживаютъ основательное знакомство съ театрами и актерами гор. Парижа.

Въ XVI ³⁾ и XVIII ⁴⁾ книжкахъ журнала напечатана *Прогулка по бульварамъ*. (Письмо къ издателю Благонамѣреннаго изъ Парижа отъ 8 (20) ноября 1819 г.), съ подписью: *О. Сомовъ*.

Въ XVII-й книжкѣ (стр. 289—299) встрѣчаемъ критическую статью Сомова на книгу „Новѣйшій путеводитель по Санктпетербургу съ историческими указаніями, изданный Ф. Шредеромъ“ въ 1820 г. Къ этой рецензій Сомовъ написалъ дополненіе, въ видѣ *Письма къ Издателю* (отъ 2 сент. 1820) напечатанное въ той же книжкѣ „Благонамѣреннаго“ на стр. 335.

Книжки журнала за 1821 годъ снова изобилуютъ стихотворными произведеніями Сомова. Въ IV-мъ номерѣ (194—198 стр.) напечатано объемистое стихотвореніе: *Лоза истины* (Подр. французск.).

¹⁾ Стр. 147—155.

²⁾ Стр. 156—159.

³⁾ Стр. 214—215.

⁴⁾ Стр. 366—372.

Въ той же книжкѣ „Благонамѣреннаго“ (стр. 205) встрѣчаемъ небольшое стихотвореніе: *Къ Клену* (подражаніе Парни).

Въ слѣдующей книжкѣ журнала напечатано странное стихотвореніе, переведенное съ французскаго и пересыпанное латинскими словами; оно относится къ вакхическимъ пѣснямъ и озаглавлено:

Vibi, или пьяной латинистъ.

(Подраж. Франц.)¹⁾.

Врачи бранять напрасно

Vinum;

Оно скажу имъ ясно

Vonum:

Я въ немъ искалъ веселья

Sibi,

Отъ дѣль и отъ бездѣлья

Vibi! и т. д.

Подписано: Genuit Armand Souffé.

Reproduxit Orestes Somow.

Въ IV книжкѣ напечатаны два стихотворенія, подписанныя: „*О. Сомовъ*“. Одно (стр. 314), подъ заглавіемъ: *Непостоянной красавицы*. Другое (стр. 315—316) — *Вакхическая пѣсня*:

Прочь заботы, принужденья!

Братцы! въ мірѣ семь дано

Намъ прямое наслажденье

Драгоценное вино! и т. д.

Въ VII и VIII книжкахъ на стр. 16 находимъ стихотвореніе, подписанное инициалами *О. С.* и озаглавленное: *Къ.....* (1-го Апрѣля).

На стр. 17 той же книжки, за подписью: *О. Сомовъ*, помѣщено стихотвореніе:

Споръ на Олимпѣ.

(С. Д...ой)²⁾.

Богиня красоты вошла съ Минервой въ споръ:

„Софію — говоритъ — лишь я образовала,

¹⁾ Благонамѣренный. 1821 г., № V, 272—274 стр.

²⁾ Т.-е. Софій Дмитріевнѣ Пономаревой, которая собирала во

Чтобъ смертнымъ прелестей моихъ явить соборъ“.
— Ты ошибаешься! Минерва ей сказала:
Одна лишь Софію я создала;
Искусства, знанія, любезность, благородство,
Умъ образованный и вкусъ въ нес влила;
Она во всемъ со мной имѣть сходство;
И наконецъ... я имя ей дала.

Въ №-рѣ IX (стр. 78—81) напечатано стихотвореніе — *Невыгоды богатства* (подражаніе Дежозье).

Въ X-й книжкѣ (стр. 143—144) помѣщена *Пьсенка*, начинающаяся словами:

Полно, сердце! успокойся на часокъ!
Удержися, горькихъ слезъ моихъ потоки!

Въ №-рѣ XIV-мъ (стр. 73—75) напечатанъ отрывокъ изъ трагедіи Ренуара (1761—1836 г. г.), французскаго драматурга, „*Les Templiers*“. Эта трагедія при своемъ появленіи въ 1805 г. имѣла успѣхъ. О. Сомовъ перевелъ изъ пятаго дѣйствія послѣднее явленіе, озаглавивъ: „*Смерть рыцарей храма*“.

Въ томъ же номерѣ на стр. 76—77 помѣщена: *Письмо о Богданѣ Хмельницкомъ, освободителѣ Малороссіи* (подражаніе Польской, сочиненной Леономъ Рогальскимъ ¹⁾).

Въ №-рѣ XV-мъ (стр. 158) напечатанъ, за подписью: *О. С...ъ, Мадригалъ*:

Ты всѣ дары Боговъ въ себѣ соединяешь и т. д.

Въ №-рѣ XVI (стр. 211—212) помѣщенъ „Отрывокъ изъ поэмы: Ирнеръ, соч. Лорда Байрона“, подъ заглавіемъ *Къ Миръ*, за подписью: О. Сомовъ.

Въ заключеніе перечня сочиненій Сомова, напечатанныхъ

кругъ себя такихъ писателей, какъ Дельвигъ, Жуковский, Гнѣдичъ, Крыловъ, А. Д. Илличевскій и др. А. Е. Измайловъ, издатель „Благонамѣреннаго“, былъ усерднѣйшимъ поклонникомъ ея и посвятилъ ей до трехъ десятковъ стихотвореній. О. М. Сомовъ, очевидно, также бывалъ въ кружкѣ Пономаревой. См. ст. г. Мазаева: *Дружеское литературное общество*. Спб. 1892 г., оттискъ изъ „Библиографа“. Ср. Кубасовъ. Ал. Ев. Измайловъ, стр. 18 и слѣд. Стихотвореніе имѣетъ хронологич. помѣту: 1821.

¹⁾ Польскій писатель, 1806—1878 г.г.

въ „Благонамѣренномъ“ за 1821 годъ, слѣдуетъ сообщить, что англійскаго языка онъ не зналъ, сочиненія же Байрона переводилъ съ французскихъ переводовъ, что видно изъ №-ра III-го журнала за тотъ же годъ, въ которомъ (стр. 122—126) находимъ сочиненіе *Мракъ* изъ сочиненій Байрона, съ припискою въ концѣ: „сз фр. О. Сомовъ“.

За 1822 г. нѣтъ ни одного произведенія нашего писателя въ „Благонамѣренномъ“. Въ 1823 въ №-рѣ I-мъ (стр. 9—11) напечатано одно только произведеніе его: *Чудаки*. Портретъ съ подлинника, весьма рѣдко встрѣчаемаго. Эта статья первоначально была прочитана въ Обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ 7 декабря 1822 года. Въ 1824 г. ничего не напечаталъ Сомовъ въ „Благонамѣренномъ“. Въ 1825 году напечатано одно только прозаическое сочиненіе Сомова, подъ заглавіемъ: *Анекдотъ объ одномъ несчастномъ семействѣ острова Хио*. (Изъ Записокъ полковника Вутъе. ч. 2 Русскаго перевода)¹⁾.

Все напечатанное въ „Благонамѣренномъ“ Сомовымъ даетъ право утверждать, что онъ былъ рекомендованъ А. Е. Измайловымъ въ члены Общества любителей словесности, наукъ и художествъ.

Болѣе энергичную и плодovitую дѣятельность обнаружилъ Орестъ Михайловичъ въ Вольномъ обществѣ любителей россійской словесности, органомъ котораго былъ журналъ „Соревнователь просвѣщенія и благотворенія“. Обратимся къ разсмотрѣнію того, что напечатано было имъ на страницахъ этого журнала.

Въ 1818 году здѣсь напечатаны: въ № 6-мъ (ч. II, стр. 314—336) *Алибекъ, или Благополучіе* (Повѣсть изъ сочиненій Г. Соаве)²⁾. Въ №-рѣ 10-мъ (ч. IV, стр. 17—56) прозаическая статья: „*О нравахъ и обычаяхъ Морлаковъ, или славянъ далматскихъ, соч. Аббата Фортиса*“. Эта статья переведена съ итальянскаго.

¹⁾ № VI, стр. 204—208. Подписано: Сомовъ.

²⁾ Подпись: Съ итальянск. Орестъ Сомовъ.

Кромѣ того, въ томъ же номерѣ находимъ два стихотворныхъ произведенія, именно:

Шаррада ¹⁾.

Въ чемъ живешь — слогъ первый мой;
Второе — милая увидѣвшись съ тобой
Душевно говорить, замѣтишь то изъ взгляда;
А цѣлое — Шаррада.

и

Къ ублажающей красавицѣ.

О, не бѣги такъ скоро отъ меня!
Смотри, бѣжить все вихремъ подъ луною;
Бѣгутъ часы, и день бѣжить отъ дня,
Бѣгутъ лѣта — и юность съ красотой.
Мигъ жизни быстръ — спѣши его ловить!
Цвѣтуція въ ланитахъ розы вянуть;
Годъ, два еще кто знаетъ? можетъ быть —
И отъ тебя всѣ также бѣгать стануть.

Въ *Смѣси* той же IV части (стр. 227) помѣщена историко-литературная замѣтка: *О Савари и его сочиненіяхъ*. Въ „Соревнователь“ за 1819 годъ напечатано нѣсколько произведеній.

Въ первой книжкѣ за этотъ годъ читаемъ стихотвореніе *Исторія* ²⁾.

На стр. 226 той же части ³⁾ находится — *Сова и Пѣтухъ*. *Басня*.

Со страницы 319 до 352 напечатанъ рядъ „*Писемъ Савара къ Гэжъ* *** *о Греціи*“. Всего шесть писемъ, причемъ первое письмо озаглавлено: „*Островъ Казосъ*“. Эти письма — переводъ — извлеченіе изъ французской книги „*Lettres sur la Grèce*“, написанной Клодомъ-Этьеномъ Савари, французскимъ путешественникомъ (1750—1788).

Въ VI-й части (стр. 135—164) напечатано, за подписью — „*Орестъ Сомовъ*“, *Извлеченіе изъ путешествія въ Южную Африку*. Д. Кемпбелля. Въ примѣчаніи переводчикъ говоритъ: „Изъ новой книги: *Travels in South Africa, etc.* т.-е. Путь-

¹⁾ Стр. 88, ч. IV. Подписано: С.

²⁾ Часть V, стр. 67—68.

³⁾ № 2-й.

шествіе въ Южную Африку, совершенное по предписанію Миссіонерскаго Общества Дж. Кемпбелемъ, Священникомъ Кингелендской церкви. Лондонъ, 1815 въ 4 долю, 582 стран. Сіе извлеченіе заимствовано мною изъ превосходнаго журнала, издаваемаго въ Женевѣ подъ названіемъ: *Bibliothèque universelle des sciences, Belle-Lettres et Arts. Genève. 1817*“.

Въ той же части (стр. 318 (напечатано двустистише Сомова: *Разумъ и сердце*.

Твердятъ: пусть разумъ въ насъ слѣпое сердце водить.

Какъ часто за слѣпцомъ вожатый этотъ бродить.

Въ VII части (стр. 215—216) находимъ „басню“ *Стекло и Алмазъ*.

На стр. 309—311 находимъ переводъ „Изъ второй пѣсни *Виргиліевой Энеиды*“, подъ заглавіемъ: *Казнь Лаокоона*.

Въ 1820 году на страницахъ того же журнала появилось немного сочиненій Сомова: въ части X-ой (стр. 357—370) *Извлеченіе изъ письма г. дѣйствительнаго члена О. М. Сомова къ дѣйствительному же члену князю Н. А. Цертелеву* изъ Парижа Генваря 6 (18) 1820. Въ части XI-й (стр. 190—198) находимъ: *Наставленіе модной матери*, заимствованное Орестомъ Сомовымъ изъ *Hermite de Londres*. Въ той же части (на стр. 370—375) напечатано: *Письмо. Къ Федору Николаю Глинкѣ* изъ Дрездена 5 (17) апрѣля 1820 г.

Въ XII части (45—63 стр.) извлечена изъ неуказаннаго французскаго источника статья, озаглавленная: „Темница Ньюгетъ, или Элиза Феннингъ“. И въ слѣдующемъ году Сомовъ далъ немного произведеній журналу. Такъ, въ XV части журнала (240—241 стр.) напечатана: *Пѣснь Скандинавскаго воина* (изъ Парни: Иснель и Аслега, пѣснь 11).

Въ XVII части (стр. 195—198) находимъ стихотвореніе *Греція*, представляющее „Подражаніе Ардану“. Эта элегія, какъ видно изъ примѣчанія, написана была еще въ 1812 году; за нее дали автору (Ardant'у) первую награду отъ Тулузской Академіи Словесности.

Въ XVIII части (стр. 190—200) напечатана, за подписью *Орестъ Сомовъ*, прозаическая переводная статья „*О скукѣ*“.

Въ 1823 году О. М. Сомовъ напечаталъ въ томъ же журналѣ три произведенія. Въ XXI части (174—202 стр.) помѣщена прозаическая статья, подъ заглавіемъ: „*Дѣва Орлеанская, трагедія Шиллерова*“, заимствованная „изъ сочиненія г-жи Сталь. De l'Allemagne“. Переводчикъ сопровождаетъ статью слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Славный нашъ поэтъ В. А. Жуковскій, переложилъ Трагедію: *Дѣва Орлеанская*, на Россійскій языкъ. Изъ помѣщенныхъ имъ отрывковъ, въ изданныхъ имъ книжкахъ: *Для немногихъ*, и въ *Полярной Звѣздѣ*, знатоки Нѣмецкаго языка съ удовольствіемъ видѣли, что Россійскій переводъ стихотворнымъ достоинствомъ и духомъ Поэзіи весьма близко подходитъ къ подлиннику. Мѣра стиховъ есть та самая, которую употребилъ Шиллеръ: пятистопные ямбы безъ рима, кромѣ мѣстъ лирическихъ, которыя и въ подлинникѣ, и въ Россійскомъ переводѣ написаны тѣмъ же размеромъ съ римами. Сказываютъ, что Трагедія *Дѣва Орлеанская* скоро будетъ напечатана. Мы надѣемся, что Любители Словесности съ удовольствіемъ прочтутъ сужденіе о сей Трагедіи умной Г-жи Сталь Голстеинъ, постигшей совершенно духъ Поэзіи Германской и отличавшейся тонкимъ, изящнымъ своимъ вкусомъ“.

Въ XXII-й части (стр. 86—103) находимъ также прозаическую переводную съ французскаго статью, подъ заглавіемъ: *Краткая Лѣтопись Эпира и Города Янина*.

Наконецъ, въ XXIV части (стр. 246—264) встрѣчаемъ переведенную съ французскаго повѣсть Станислава Буффлера (1737—1815): *Тамара или Озеро кающихся*, индѣйская повѣсть.

Въ „Соревнователѣ“ за 1824 г. въ №-рѣ I (ч. XXV, стр. 3—19 и стр. 20—41) напечатаны двѣ статьи Сомова. Одна озаглавлена *Вечеръ*; другая критико-библіографическая замѣтка: „*Полярная Звѣзда. Карманная книжка на 1824 годъ. С. П. Б. въ Типографіи Главнаго Штаба. Съ 5 уравновѣнными картинами*“.

Въ 1825 году напечатана одна статья: *Отрывокъ изъ Римскихъ писемъ* (ч. XXIX, стр. 243—256).

До 1825 года О. М. Сомовъ едва ли состоялъ на положе-

ни „литературнаго илота“. Мы видѣли, что въ это время онъ принималъ участіе въ литературныхъ обществахъ и кружкахъ, печатая свои прозаическія и стихотворныя произведенія на страницахъ такихъ журналовъ, въ которыхъ не платили никакого гонорара.

Безплатно, нѣтъ сомнѣнія, помѣщалъ онъ свои произведенія и на страницахъ „Украинскаго Вѣстника“. Кромѣ указанныхъ выше, необходимо отмѣтить еще нѣсколько пьесъ.

Въ декабрьской книжкѣ этого журнала за 1816 г. напечатаны два стихотворенія ¹⁾. Одно (стр. 342) называется „Пльсѣнка“. Вотъ ея начало:

Невинностью блистая
Въ пятнадцатой веснѣ,
Ты страсти злой не зная,
Родишь ее вполнѣ.

Другое (стр. 343) озаглавлено:

Державину.
(Сонетъ) ²⁾.

Или несется гласъ Амфіона?
Или героевъ древній пѣвецъ,
Вновь прославляя подвигъ Хирона,
Новый Ахиллу дарить вѣнецъ?

*

Арфа ли нѣжная Анакреона
Льетъ намъ усладу въ нѣдра сердець?
Иль ты Державинъ, другъ Аполлона,
Сладостныхъ -- звучныхъ пѣсней творецъ?

*

Грянешь побѣду въ громкія струны,—
Громы катятся, рѣютъ перуны,
Слышу вопль брани, топотъ коней...

*

Но перестроишь легкую лиру,—
Тихо и сладко нѣжишь Плѣниру
И воспѣваешь щастье людей!—

¹⁾ Оба подписаны: *О. Сомовъ*.

²⁾ Писано еще во время жизни сего поэта.

Въ апрѣльской книжкѣ того же журнала за 1817 годъ напечатано одно стихотворное произведеніе, за подписью: *Орестъ Сомовъ*, подъ заглавіемъ: *Прости*¹⁾. (На голосъ: *Ихавъ казакъ за Дунай*).

Милой ангель, другъ любезной,
Въ комъ я нову жизнь нашель!
Ахъ, прости, разлуки слезной
Чась мучительный пришелъ и т. д.

Въ той же книжкѣ Укр. Вѣстника (стр. 100) помѣщенъ отрывокъ „Изъ Дантовой поэмы Адъ“, переводъ съ итальянскаго (*L'Inferno, роема di Dante. Canto. III*). Отрывокъ озаглавленъ такъ: *Надпись на воротахъ адовыхъ*.

Въ майской книжкѣ журнала за тотъ же годъ (стр. 223—232) напечатаны: *Отрывки изъ Волтеровой трагедіи Орестъ*, переведенные съ французскаго. Всего напечатано три отрывка: первый заключаетъ 4 явленіе перваго дѣйствія, второй — 4 явленіе IV-го дѣйствія и третій — 8 явленіе пятаго дѣйствія.

Участіе О. М. Сомова въ литературныхъ кружкахъ не только упрочивало его положеніе, какъ переводчика и писателя, но и сближало его съ другими, болѣе видными дѣятелями того времени на литературномъ поприщѣ.

Какъ мы видѣли изъ заявленія нашего писателя, въ 1824 году онъ предполагалъ вторично поѣхать за границу, но поѣздка не состоялась вслѣдствіе затруднительныхъ финансовыхъ обстоятельствъ. Весьма возможно, что нужда въ деньгахъ заставила его искать занятій и службы. И онъ устроился помощникомъ правителя канцеляріи въ Россійско-Американской компаніи. Та же нужда въ деньгахъ вскорѣ заставила его стать въ ряды немногочисленныхъ тогда еще литературныхъ работниковъ. На этомъ посту застала его смерть.

¹⁾ Стр. 92—93.

4.

Какъ и для многихъ современниковъ — писателей, 1825 годъ не прошелъ безъ тревогъ и для О. М. Сомова.

Участіе въ Вольномъ обществѣ любит. росс. словесности, быть можетъ, свело Сомова съ К. Θ. Рылѣевымъ, А. Бестужевымъ и нѣкоторыми другими декабристами. Любовь къ словесности и доброе сердце Сомова расположили къ нему издателей альманаха „*Полярная Звѣзда*“, и въ первой книжкѣ послѣдняго (1823 г.) встрѣчаемъ прозаическую статью нашего писателя „*Французскіе чудачки*“ (Отрывокъ изъ письма къ А. Р. Ш-му, о нравахъ и обычаяхъ французовъ нашего времени)¹⁾. Въ предполагавшейся къ выходу книжкѣ того же альманаха на 1826 годъ, подъ заглавіемъ „*Звѣздочка*“ (стр. 47—80), помѣщена „*Малороссійская быль. Гайдамакъ*“ его же.

Съ 1824 года Сомовъ видался съ К. Θ. Рылѣевымъ ежедневно, такъ какъ служилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Россійско-Американской компаніи и жилъ въ одномъ съ нимъ компанійскомъ домѣ у Синяго моста²⁾. Съ сентября 1825 года А. Бестужевъ поселился въ квартирѣ Сомова. Эта близость къ двумъ глав-

¹⁾ *Полярная Звѣзда*. Карманная книжка для любителей и любителей русской словесности на 1823 годъ, издан. А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ. Санктпетербургъ. 295—303 стр.

²⁾ См. Гречъ. Записки о моей жизни. 1886 г., 375 стр.; Никитенко. Дневникъ. 1904 г., I т., стр. 125.

нымъ участникамъ декабрьскихъ событій и послужила поводомъ къ привлеченію Сомова къ слѣдственному дѣлу по поводу происшествія на Сенатской площади.

Многіе современники невѣрно передали причину привлеченія О. М. Сомова къ допросу по дѣлу декабристовъ, какъ вообще невѣрно представляется въ нашей литературѣ роль его на собраніяхъ у Рылѣва.

Не упоминая объ анекдотѣ насчетъ Булгарина ¹⁾, укажемъ на письмо А. Оленина о происшествіи 14 декабря 1825 г., въ которомъ вторымъ зачинщикомъ мятежа названъ „дворянинъ Орестъ Сомовъ“, поэтъ или сочинитель, а первымъ К. Θ. Рылѣвъ (см. Русскій Арх. 1869 г., № 4, стр. 051). М. Семевскій въ статьѣ объ альманахѣ „Звѣздочка“ далъ болѣе вѣрное объясненіе сходокъ у К. Θ. Рылѣва, но и онъ смѣшалъ характеръ этихъ собраній. „Кромѣ сходокъ у Греча, литературныя собранія бывали постоянно, каждую недѣлю, у К. Θ. Рылѣва. Сюда, между прочимъ, являлись Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, поэтъ и товарищъ Ивана Ивановича Цуцина, состоявшаго на службѣ въ Москвѣ, поэтъ Θ. Н. Глинка, критикъ Орестъ Сомовъ, Никита Михайловичъ Муравьевъ, князь Сергій Петровичъ Трубецкій, Евгенийъ Петровичъ Оболенскій, князь Александръ Ивановичъ Одоевскій и многіе другіе. Оживленная бесѣда была чисто литературная, но нерѣдко переходила въ живые, общественные вопросы того времени, по общему направленію большинства лицъ дружескаго собранія“ ²⁾.

Что у Рылѣва бывали дружескія собранія, на которыхъ говорили о планахъ общества, это вѣ сомнѣніи, но на этихъ собраніяхъ *никогда* не бывалъ Сомовъ. По слѣдственному дѣлу, извлеченному П. Е. Щеголевымъ изъ Государственнаго Архива (I В, № 164) ³⁾, вотъ въ какомъ видѣ рисуются его отношенія къ Рылѣву и А. Бестужеву и дѣлу декабристовъ.

¹⁾ Бурнашевъ. Памятники новой русской исторіи, 1872 г., т. II, стр. 60--102.

²⁾ Русскій Арх. 1869 г., № 4, стр. 053—060. Ст. Альманахъ „Звѣздочка“.

³⁾ Благодаря любезности П. Е. Щеголева, мы дѣлаемъ изъ этого документа нижеслѣдующія выписки.

„... Имѣю честь объяснить Тайному Комитету“, — заявил Сомовъ, — „что связь моя съ А. Бестужевымъ и Рылѣевымъ была съ самаго начала и до конца совершенно литературная, и совѣтовъ и сотрудничества отъ меня они требовали только по изданію „Полярной Звѣзды“; иногда же читали мнѣ литературныя свои произведенія. У меня былъ совершенно особый кругъ знакомыхъ и домовъ, которые я посѣщаль. Съ Рылѣевымъ, служа въ одномъ мѣстѣ, видался я почти каждое утро, но здѣсь разговоръ нашъ ограничивался дѣлами Россійско-Американской Компаніи. Съ Бестужевымъ же, хотя онъ и жилъ съ прошедшаго сентября мѣсяца въ моей квартирѣ; но по большей части мы были вмѣстѣ только тогда, когда вставали и ложились спать. Прочее время мы давали одинъ другому совершенную свободу быть тамъ, гдѣ кому заблагоразсудилось, даже и не разспрашивая о томъ послѣ“.

Рылѣевъ на допросѣ показаль о Сомовѣ слѣдующее: „...Сомова мы полагали вовсе неспособнымъ на подобное предпріятіе, какъ наше, и потому никогда ему не предлагали и не говорили“.

А. Бестужевъ заявилъ: „Дворянинъ Сомовъ къ обществу нашему никогда не принадлежалъ и мы отъ него всегда таились, кромѣ такъ сказать ходячаго либерализма. Иногда говорили кой-что и при немъ, но онъ очень тугъ на ухо — мы впрочемъ считали его вовсе бесполезнымъ какъ по слабости здоровья его, такъ и по слабости духа и неимѣнію званія. До послѣднихъ дней онъ ничего не зналь и только въ первый разъ говорили мы при немъ съ московскими офицерами открыто пивши чай (мы вмѣстѣ жили), объ обществѣ же не зналь онъ ничего и меня мучить совѣсть, что я вовлекъ его невиннаго въ бесѣду, тѣмъ что жилъ съ нимъ. Въ день 14 декабря не принималъ никакого участія“...

Подобнаго же рода отзывы дали о Сомовѣ кн. Трубецкой и Николай Бестужевъ. Но нѣкоторые называли Сомова участникомъ тайнаго общества, напр., Бриггенъ увѣряль, что передъ отъѣздомъ его общество составляли: Н. Муравьевъ, Рылѣевъ, Бестужевъ, Одоевскій, Оболенскій, Сомовъ и, кажется, Грибоѣдовъ.

На вопросъ объ участіи своемъ въ событіи 14 декабря 1825 г. Сомовъ сообщилъ слѣдующее: „Въ воскресенье 13 числа, бывъ по утру нездоровъ, не выходилъ я никуда до самого обѣда. Пообѣдавъ, легъ я отдохнуть и не велѣлъ никого пускать къ себѣ; ибо это былъ день моихъ именинъ. А какъ я боялся разстроить себя посѣщеніями, то и не хотѣлъ никого принимать. Вечеромъ, чувствуя себя лучше, въ девять часовъ пошелъ я къ издателю журнала Булгарину; съ которымъ, равно какъ и съ товарищемъ его Гречемъ, имѣлъ связи по журналамъ, ибо былъ ихъ сотрудникомъ, и доставлялъ имъ статьи. У Булгарина пробылъ я до 11 часовъ ночи, и возвратясь легъ спать. Слѣдовательно, что происходило у Рылѣева, не знаю и отчета о томъ не могу дать никакого. Самъ же я, не бывъ въ соучастіи съ ними, не получалъ никакого назначенія“.

„Во время происшествія находился въ домѣ американскаго общества, въ два часа пошелъ я къ издателямъ журнала Булгарину и Гречу. Перваго не засталъ я дома и, пройдя къ послѣднему, нашелъ ихъ вмѣстѣ, гдѣ получилъ всѣ свѣдѣнія о разныхъ приключеніяхъ случившихся. Оттолѣ пріѣхалъ я домой, гдѣ пробылъ до пріѣзда чиновниковъ для забранія бумагъ Г. Бестужева живущаго со мною, и чрезъ нѣсколько часовъ былъ взятъ полицейскимъ чиновникомъ и представленъ во дворецъ“.

Ночью 14 декабря пріѣзжалъ за Сомовымъ полицеймейстеръ Дершау, который разспрашивалъ у него о квартирахъ Каховскаго, Оболенскаго, Арбузова, Якубовича и другихъ участниковъ мятежа.

31 декабря давались послѣднія показанія участниковъ декабрьскихъ событій о Сомовѣ. На докладной запискѣ съ показаніями ихъ и самого Сомова государь императоръ Николай Павловичъ собственноручно карандашемъ написалъ: „полагаю выпустить“. Нѣтъ сомнѣнія, что воля государя была исполнена, и Сомову пришлось провести въ заключеніи немного болѣе полумѣсяца.

5.

Мы видѣли, что Сомовъ, кромѣ *Соревнователя* и *Благонамѣреннаго*, принималъ участіе въ *Полярной Звѣздѣ* и другихъ журналахъ. Въ этомъ отдѣлѣ укажемъ всѣ изданія, въ которыхъ принималъ участіе нашъ писатель.

Въ январьской книжкѣ „*Невскаго зрителя*“ за 1821 годъ напечатано „Письмо къ г. Марлинскому“ (ч. V, стр. 56—65), подписанное псевдонимомъ Сомова — „*Житель Галерной гавани*“. Въ этомъ письмѣ разбиралась „не новая по времени, но новая по внутреннему своему достоинству нѣмецко-русская баллада „Рыбакъ“, напечатанная въ 1818 году въ I-й книжкѣ журнала „*Для немногихъ*“. Статья, представляющая насмѣшку надъ языкомъ и стихомъ піесы Жуковского, вызвала полемику между ея авторомъ, Булгаринымъ, Воейковымъ и Марлинскимъ ¹⁾.

Успѣхъ „*Полярной Звѣзды*“ А. Бестужева и Рылѣва побудилъ многихъ литераторовъ и не-литераторовъ приняться за изданіе альманаховъ, выходившихъ въ свѣтъ послѣ 1825 г., т.-е. послѣ прекращенія альманаха Рылѣва и Бестужева.

Въ 1827 г. въ Москвѣ Алекс. Ширяевымъ изданъ составленный Владимиромъ Вас. Измайловымъ альманахъ, подъ заглавіемъ: „*Литературный Музеумъ на 1827 г.*“ ²⁾. Въ этомъ Музеумѣ (стр. 165—226) напечатана повѣсть О. Сомова „*Приказъ съ того свѣта*“. Какъ видно изъ примѣчанія автора, эта повѣсть зародилась во время путешествія за границу при проѣздѣ чрезъ Гельнгаузенъ, въ трактирѣ „Золотое Солнце“.

Въ 1828 г. въ С.-Петербургѣ вышелъ „*Альбомъ съверныхъ музъ. Альманахъ на 1828, изданный А. И.*“ Въ немъ (стр. 97—107) находимъ: „Мысли, замѣчанія, выписки и пр.“ О. Сомова.

Въ томъ же году также въ Петербургѣ появился: „*Невскій Альманахъ на 1829 годъ*, изданный Е. Аладынымъ. Съ

¹⁾ См. подробн. во II т. Примѣчаній къ Остафьевскому Архиву В. И. Саитова, 471 стр.

²⁾ Цензорская помѣта 28 декабря 1826 г.

портретомъ и шестью картинками. С.-Петербургъ. 1828). Здѣсь (стр. 92—94) напечатанъ рассказъ путешественника „*Вывѣска*“ (О. М. Сомова).

Въ „*Опытъ русской Анеологии*“ Мих. Яковлева“¹⁾ напечатано нѣсколько мелкихъ стихотвореній Сомова. На стр. 121 читаемъ: *Къ Клену (Подражаніе Парни)* (напечатано было въ *Благонамѣр.*, 1821 г., кн. IV, стр. 205).

На стр. 133 находится пьеса: *Признаніе* (б. напечатана въ *Благонамѣренномъ*, 1819 г., кн. IX, стр. 143).

На стр. 186 напечатано полемическое стихотвореніе: *Критику NN*.

Самсономъ ты меня зовешь —
Подспудный критикъ мой Трусимовъ,
Пускай по-твоему: Самсонъ я — ты не лжешь.
Дай челюсть мнѣ свою — пойду на Филистимовъ.

Въ альманахѣ *Подснежникъ*, вышедшемъ въ Петербургѣ въ 1829 году, за подписью *Порфирій Байскій* (псевдонимъ О. М. Сомовъ), напечатаны (59—82 стр.) „Малороссійское преданіе „*Русалка*“ и (189—225 стр.) рассказъ „*Оборотень*“.

М. Максимовичъ въ Москвѣ издалъ альманахъ „*Денница*“ на 1830 г. Сомовъ, бывший съ издателемъ въ дружескихъ отношеніяхъ, напечаталъ здѣсь (67—88 стр.) отрывокъ изъ малороссійской повѣсти „*Гайдамакъ*“, подъ заглавіемъ „*Ночлегъ гайдамаковъ*“. Отрывокъ подписанъ псевдонимомъ „*Порфирій Байскій*“ и сопровождается примѣчаніями.

Въ *Подснежникъ* на 1830 годъ съ именемъ О. Сомова находимъ: *Исполнѣ-ракъ. Анекдотъ*. (Изъ рассказовъ путешественника) — и въ исправленной и дополненной редакціи рассказъ путешественника: *Странный поединокъ*.

Н. Коншинъ и бар. Е. Розенъ въ 1830 г. издали въ Петербургѣ альманахъ *Царское Село*, въ которомъ находимъ слѣдующія произведенія съ подписью — О. Сомовъ: 1) *Сказка*

¹⁾ Опытъ русской анеологии, или избранныя эпиграммы, мадригалы, эпитафіи, надписи, апологи и нѣкоторыя другія мелкія стихотворенія. Собрано Мих. Яковлевымъ. Изд. Ив. Слѣнинымъ. Спб. 1828. (Цензорская помѣта 27 мая 1827 г.).

о медвѣдь костоломъ и объ Иванъ купецкомъ сынъ. (Посвящается Б. С. М. Д....гъ) и 2) *Все изъ ничего*. „Сказка“, написанная 17 сентября 1829 г., посвящена тому же лицу, т.-е. супругѣ бар. А. А. Дельвига, Софѣ Михайловнѣ, урожденной Салтыковой.

Въ *Невскомъ Альманахѣ* Е. Аладина на 1830 г. находимъ три произведенія нашего писателя: 1) „Сказка о кладахъ“ (1—149 стр.) за подписью: „*П. Б. Байскій*“, 2) „Сказаніе о храбромъ витязѣ, Укромѣ Табунщикѣ“ (168—199 стр.) и 3) стихотвореніе (341 стр.)

Усопшей.

(Мысли при гробѣ А. К. А....ой).

Отшедшая сестра! въ объятія Творца
Ты понеслась съ улыбкою прелестной!
Въ сей дивной бѣлизнѣ, въ спокойствіи лица
Сіяетъ вѣчный миръ души небесной.

Въ альманахѣ *Сиротка*, изданномъ въ Москвѣ въ 1831 г. въ пользу заведенія призрѣнія бѣдныхъ сиротъ, О. Сомовъ помѣстилъ (стр. 40—50): „Отрывки изъ писемъ изъ-за границы“ (Краковъ 30 Августа 1819).

Близкій Сомову писатель баронъ Е. О. Розенъ издалъ въ Петербургѣ альманахъ „*Альціона*“ на 1832 г. Въ этомъ альманахѣ (191 - 254 стр.) О. Сомовъ напечаталъ „Романъ въ двухъ письмахъ“. Къ этому произведенію издатель присоединилъ примѣчаніе, интересное, какъ выраженіе взгляда извѣстной части современниковъ на литературную дѣятельность нашего писателя. „Надѣмся, что читатели, пишетъ бар. Розенъ, вопреки мнѣнію Г-на Сомова, найдутъ сіи письма и полезными и занимательными. Вѣрно всякій любитель Русскаго слова желаетъ, чтобы два такихъ хозяина русскаго языка, какъ издатель *Повѣстей Бѣлкина* и *Орестъ Михайловичъ Сомовъ* продолжали учить насъ легкому разговорному слогу, котораго не имѣемъ“.

Это мнѣніе современника позволяетъ изслѣдовать, насколько имѣется „семейственнаго“ сходства между скромнымъ литературнымъ труженникомъ и великимъ поэтомъ, и возможно ли Сомова причислить къ „Пушкинской плеядѣ“.

В. Эртель и А. Глѣбовъ издали въ С.-Петербургѣ „*Рус-*
lib.pushkinskijdom.ru

скій Альманахъ на 1832 и 1833 годы“. Въ этомъ альманахѣ О. Сомовъ напечаталъ статью „Въ полѣ съѣзжаются, родомъ не считаются“ и „Сказку о Никитѣ Вдовиничѣ“.

Въ альманахѣ „*Комета Бѣлы*“ (С.-Петербургъ. 1833 г.) находимъ довольно большую прозаическую статью его „Эпиграфъ вмѣсто заглавія“ (44—152 стр.).

Наконецъ, въ I-й книжкѣ изданнаго въ Харьковѣ въ 1833 году альманаха „*Утренняя Звѣзда*“ напечатаны два произведенія Сомова, писанныя имъ незадолго до кончины. Одно (стр. 3—13) „Недобрый глазъ“ (малороссійское преданіе) подписано псевдонимомъ „*Порфирій Байскій*“, другое „Недосозданіе“— собственнымъ именемъ.

Болѣе постоянное и продолжительное участіе принималъ О. М. Сомовъ въ издаваемомъ бар. А. А. Дельвигомъ альманахѣ „*Сѣверные Цвѣты*“.

Трудно сказать, къ какому времени относится первое знакомство Сомова съ бар. Дельвигомъ. Весьма возможно, что Сомовъ узналъ бар. Дельвига въ 1819 г., когда послѣдній былъ избранъ въ дѣйствительные члены Вольнаго общества любителей Россійской словесности; можетъ быть, онъ встрѣчался съ барономъ Дельвигомъ въ гостиной Софіи Дмитріевны Пономаревой; но сотрудничество въ „*Сѣверныхъ Цвѣтахъ*“ и „*Литературной Газетѣ*“ сдѣлало Сомова „своимъ“ человѣкомъ въ домѣ Дельвига.

Въ первые два года изданія *Сѣверныхъ Цвѣтовъ*¹⁾ имя Сомова не встрѣчается въ числѣ лицъ, помѣстившихъ стихи и прозу. Онъ появился на страницахъ этого альманаха только въ 1827 г. съ рассказомъ „Юродивый“. (Малороссійская быль), подписаннымъ псевдонимомъ „*Порфирій Байскій*“ (стр. 159 217). Съ 1828 г. Сомовъ уже пишетъ, такъ сказать, редакціонную статью, подъ заглавіемъ „Обзоръ Россійской словесности за 1827 годъ“ и печатаетъ первыя три главы „малорос-

¹⁾ Въ 1825 и 1826 гг. альманахъ носилъ такое названіе: „Сѣверныя Цвѣты на 1825 годъ, собранныя Барономъ Дельвигомъ. Издан. Слѣпнинымъ. Санктпетербургъ“. Въ 1827 г. альманахъ озаглавленъ иначе: „Сѣверныя Цвѣты на 1827 годъ изданы Барономъ Дельвигомъ“, а съ 1828 г. нѣтъ указанія и на издательство бар. Дельвига.

сѣйской повѣсти“ „Гайдамакъ“, подѣ вышеуказаннымъ псевдонимомъ.

Съ такимъ же обзоромъ словесности за 1828 годъ появился онъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1829 г.; а въ 1830 г., кромѣ „Обозрѣнія Россійской словесности за первую половину 1829 г., помѣстилъ еще „разсказъ русскаго крестьянина на большой дорогѣ“ „Кикимора“.

Въ началѣ 1831 года умеръ бар. А. А. Дельвигъ, выпустившій еще *Сѣверные Цвѣты* на 1831 г. Въ этой книжкѣ за полною подписью Сомова напечатано „Обозрѣние Россійской словесности за вторую половину 1829 и первую 1830 года.

Сѣверные Цвѣты на 1832 годъ, послѣднюю книжку этого альманаха, издалъ О. М. Сомовъ, при содѣйствіи Пушкина. Въ „Дневникѣ“ Никитенка подѣ 23 сентября 1831 г. находится замѣтка такого содержанія: „Сомовъ... озабоченъ по случаю изданія „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“. Ѳ. Н. Глинка 28 ноября 1831 года пишетъ Пушкину: „...Въ первый разъ изъ письма вашего узнаю, что альманахъ составляется *въ пользу или въ память Дельвига*, милаго, добраго Дельвига! О. М. Сомовъ писалъ мнѣ неясно. Я однакожъ, еще до полученія вашего письма, выслалъ Сомову *одну* въ прозѣ и *пять* піесъ въ стихахъ. Теперь вамъ посылаю: *три* въ стихахъ и *одну* (пис. одинъ доскутокъ!) въ прозѣ...“¹⁾.

Занятый редакторствомъ альманаха, Сомовъ помѣстилъ въ немъ только одно свое произведеніе „Сватовство“ (Изъ воспоминаній старика о его молодости).

Не довольствуясь изданіемъ альманаха²⁾, бар. А. А. Дельвигъ сдѣлалъ попытку основать періодическое изданіе съ твердымъ и болѣе объективнымъ, чѣмъ существовавшія, направленіемъ. Результатомъ намѣренія явилась „*Литературная Га-*

¹⁾ Бартеневъ П. А. С. Пушкинъ. Москва. 1881 г. т. I. стр. 33.

²⁾ Въ статьѣ объ альманахѣ „*Радуга*“ бар. Дельвигъ писалъ: „Что такое альманахи въ новѣйшей Европѣ? Игрушки взрослыхъ дѣтей, подарки на новый годъ, книжки, которыхъ главное достоинство состоитъ въ картинкахъ и богатомъ изданіи. Хорошая статья прозаическая, стихотвореніе, носящее отпечатокъ таланта, — не необходимость въ подобномъ изданіи, а даже неожиданный подарокъ“. См. Сочиненія бар. Дельвига. С.-Петербургъ. 1895 г., стр. 122.

зета“, просуществовавшая два года (1830 и 1831). Издателемъ ея считался бар. Дельвигъ, но большую часть работы несъ О. М. Сомовъ. Кн. Вяземскій писалъ 26 апр. 1830 г., значить, вскорѣ по появленіи *Литературной Газеты*, Пушкину: „На „Литературную Газету“ надежды мало: Дельвигъ лѣнивъ и ничего не пишетъ, а выѣзжаетъ только sur sa bête de somme ou de Somoff“¹⁾.

Н. И. Гречъ въ своихъ „Запискахъ“ оставилъ подробный рассказъ о томъ, какимъ образомъ Сомовъ сдѣлался фактическимъ редакторомъ „*Литературной Газеты*“. До того времени года два Орестъ Михайловичъ сотрудничалъ въ „*Сѣверной Пчелѣ*“, получая по 4 тысячи руб. ассигн. въ годъ за составленіе фельетона, смѣси, объявленій о книгахъ, съ короткимъ обсужденіемъ ихъ и т. п. „Вдругъ“, говоритъ Гречъ, „въ концѣ 1829 года, Булгаринъ за что-то прогнѣвался на него и завопилъ: „Вонъ Сомова! вонъ его!“ и, дѣйствительно, объявилъ ему отставку. Лишившись такимъ образомъ средствъ къ существованію, Сомовъ предложилъ свои услуги бар. Дельвигу, который задумалъ издавать „*Литературную Газету*“. Но по лѣности и безпечности своей и по непривычкѣ къ мелочамъ редакціи, охотно принялъ его предложеніе. Вотъ Булгаринъ и струсилъ, видя, что на него поднимается невзгода. Встрѣясь съ Сомовымъ, въ декабрѣ 1829 г., на Невскомъ проспектѣ, спрашиваетъ: — Правда ли Сомовъ, что ты присталъ къ Дельвигу? — Правда! — И вы будете меня ругать? — Держись! И Булгаринъ сталъ еще до выхода бранить „*Литературную Газету*“²⁾.

Сообщеніе Н. И. Греча находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что Булгаринъ сильно полемизировалъ съ издателемъ „*Литературной Газеты*“. Кромѣ того, по убѣжденію нѣкоторыхъ современниковъ, онъ внушилъ Бенкендорфу сдѣлать выговоръ бар. Дельвигу за нанечатаніе въ „*Литер. Газетѣ*“ французскаго стихотворенія Делявина по случаю іюльской ре-

¹⁾ Игра словъ: на своемъ вьючномъ животномъ или Сомовѣ. Бар-теньевъ, т. II, стр. 45.

²⁾ Записки, 454—455 стр.

волюціи въ Парижѣ ¹⁾. „Публика“, пишетъ Никитенко, „въ ранней кончинѣ барона Дельвига обвиняетъ Бенкендорфа, который за помѣщеніе въ „Литературной Газетѣ“ четверостишія Казимира Делавиня назвалъ Дельвига въ глаза почти якобинцемъ и далъ ему почувствовать, что правительство слѣдитъ за нимъ“ ²⁾.

Послѣ смерти бар. Дельвига Сомовъ принялъ на себя изданіе „Литературной Газеты“, просуществовавшей до іюля 1831 г. Въ это время познакомился съ нимъ на вечерѣ у Плетнева Никитенко, который записалъ въ „Дневникѣ“ подъ 20 марта 1831 г.: „Вечеромъ былъ у Плетнева. Здѣсь познакомился съ издателемъ „Литературной Газеты“, [О. М.] Сомовымъ. Физиономія его неказиста. Разговоръ не обличаетъ ни пылкости, ни остроумія. Но я не нашелъ въ немъ и той заносчивости, какую отличаютъ инья изъ его журнальныхъ статей“ ³⁾.

Сомовъ, несомнѣнно, много статей помѣщалъ въ „Литер. Газетѣ“ безъ подписи, особенно въ 1831 г., но многія подписаны имъ. Перечислимъ послѣднія по времени ихъ напечатанія въ упомянутой газетѣ. Начнемъ съ 1830 года.

Въ №№ 4 и 5 напечатана повѣсть Абея Гюго ⁴⁾: *Мелекз Эль-Моды*, переведенная Сомовымъ съ французскаго. Эту повѣсть переводчикъ снабдилъ примѣчаніями. Такъ, о заглавіи повѣсти сказано: „*Мелекз* на Арабскомъ языкѣ значитъ *Ангелъ*. О существованіи жеобыкновеннаго человѣка, который подъ именемъ *Эль Моды* приводилъ въ опасность Французовъ, находившихся въ Нижнемъ Египтѣ, можно справиться въ книгѣ *Victoires et Conquêtes des Français etc.*, т. 10, стр. 297 и слѣд., также въ *Relation de l'expédition d'Egypte*, соч. Бертье, стр. 98 и слѣд.

Въ № 22 О. Сомовъ помѣстилъ самостоятельное произве-

¹⁾ См. Литер. Газ. 1830 г., № 61.

²⁾ Дневникъ 1904 г., т. I, стр. 217.

³⁾ Тамъ же, стр. 212.

⁴⁾ Изъ переводныхъ произведеній Сомова, какъ имѣющихъ мало значенія для сужденія о немъ, какъ русскомъ писателѣ, ниже будемъ отмѣчать только нѣкоторыя, главнѣйшія.

деніе „*Почтовый домъ въ Шато-Тьерри*“ (Изъ разсказовъ путешественника).

Въ № 36 находимъ оригинальное произведеніе Ореста Сомова *Четыре дня въ Финляндіи*. Письма въ Москву (Посвящ. М. А. Максимовичу). Письма IV, V и VI. Въ примѣчаніи сказано авторомъ: „Многіе изъ жителей Петербурга и пріѣзжихъ, пользуясь благопріятною погодой, конечно посѣтятъ нынѣшнимъ лѣтомъ окрестности сей столицы. Иные, можетъ быть, имѣютъ досугъ и средства для прогулокъ болѣе отдаленныхъ. Желая угодить имъ и указать на одну изъ пріятнѣйшихъ таковыхъ прогулокъ, препровождаю къ Издателю Л. Г. послѣднія мои письма о живописной Финляндіи, содержащія въ себѣ описанія чудесной Иматры и сада Барона Николаи, описанія, хотя несовершенныя, но по крайней мѣрѣ могущія дать понятія о сихъ предметахъ, вполне заслуживающихъ любопытное вниманіе Путешественниковъ. — Первыя три письма помѣщены были въ Сѣверной Пчелѣ 1829 года (№№ 110, 111, 112, 114 и 116)“.

Въ № 44 находится оригинальный „анекдотъ“ О. Сомова „*Страшный гость*“ (Изъ Разсказовъ путешественника).

Въ рядѣ №№ (52, 53, 54, 55, 56) напечатана, за подписью О. Сомовъ, „повѣсть“ *Самоубійца* (Изъ Разсказовъ путешественника).

Въ №№ 69, 70, 71 и 72 О. Сомовъ помѣстилъ новый „разсказъ путешественника“ „*Исполнскія горы*“.

Въ *Литературной Газетѣ* за 1831 годъ участіе Сомова еще болѣе дѣятельно. Не говоря о томъ, что съ № 3-го онъ ведетъ за подписью *Изд.* библиографію, ему принадлежитъ рядъ статей и замѣтокъ.

Въ №№ 3, 4 и 5 Сомовъ помѣстилъ статью: *Новые русскіе журналы*.

Въ № 4. *Библиографія*. Сонъ и смерть, сочиненіе Михаила Деларю. С.П.Б. 1831, статья подписана *Изд.*, которымъ былъ уже Сомовъ.

Въ №№ 6 и 7: *Библиографія*. Иностранная литература. De la Litterature Russe. — рѣчь произнесенная въ Марсельскомъ Атеней 26 іюля 1830 г. кн. Елимомъ Мещерскимъ. И эта

lib.pushkinskijdom.ru

статья подписана *Изд.* Эти двѣ статьи вышли и отдѣльною книгою, подъ заглавіемъ: Разборъ рѣчи о Россійской словесности, читанной въ Марсельскомъ Атенеѣ Княземъ Элимомъ Петровичемъ Мещерскимъ. С.-Петербургъ. 1831 г., стр. I—IV и 5—67. Въ предисловіи подписанъ *Орестъ Сомовъ*, какъ авторъ разбора, съ указаніемъ на его первоначальное появленіе въ *Литер. Газетъ*.

Въ № 8 замѣтка *Ученныя новости*, направленная противъ Полевого Н. за его статью въ №№ 17 и 18 Телеграфа за 1830 г. „Малороссія, ея обитатели и исторія“, писана тоже Сомовымъ, такъ какъ Кс. Полевой въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о Сомовѣ, какъ о нападавшемъ на его брата.

Въ № 23: *Купаловъ вечеръ*. (Изъ Малороссійскихъ былей и небылицъ); подписано: *Порфирій Байскій* (псевдонимъ Сомова); *Плѣнный турокъ* (Истинное событіе), подписано *О. С-въ* (Сомовъ).

По всей вѣроятности, Сомову принадлежатъ библиографическія замѣтки о пѣсняхъ и романахъ Мерзлякова (№ 26, стр. 210—214), о сочиненіяхъ Вельтмана „Странникъ“ и „Бѣглець“ (№ 30).

Еще до сотрудничества въ *Литературной Газетъ* Дельвига, Сомовъ, какъ сообщилъ Н. И. Гречъ въ „Запискахъ“, сотрудничалъ въ *Сѣверной Пчелѣ*. Н. И. Гречъ и Ѳ. В. Булгаринъ долгое время пользовались сотрудничествомъ Сомова, который искалъ средствъ къ жизни въ литературныхъ занятіяхъ.

Такъ какъ Сомовъ раньше началъ печататься въ *Сынъ Отечества*, то мы и назовемъ въ хронологическомъ порядкѣ все напечатанное нашимъ писателемъ въ названномъ журналѣ, а затѣмъ перейдемъ къ *Сѣверной Пчелѣ*.

Въ *Сынъ Отечества* Сомовъ появился впервые въ 1820 году (№ LI, ч. 66) со статьею: „*Новыя произведенія Изыщныхъ Искусствъ, выставленныя въ Лузръ*“ (1819 года). Письмо къ А. Р. Шидловскому. Парижъ, Декабря 16/28 1819 года.

Въ 1822 г. имя Сомова на страницахъ *Сына Отечества* встрѣчается чаще.

Въ 75 ч., № VI, за подписью — О. Сомовъ, напечатана театральная замѣтка: „Отецъ и Дочь, большая опера въ 3-хъ

дѣйствіяхъ, взятая изъ Итальянской оперы *Agnesse*, музыка Г. Пера (Раег); и Король Пастухъ или Сумасшедшій въ умѣ, Комедія-водевиль въ 1 дѣйстви, перев. съ франц. кн. А. А. Шаховскимъ, представленныя на Большомъ театрѣ въ пользу Г-жи Семеновою Меньшой, 30 января 1822 г.

Въ 77 ч., № XV находимъ такую же замѣтку о представленіи 10 апр., когда шли въ Большомъ театрѣ: трагедія Ифигенія въ Авлидѣ, Комедія Какаду, или Слѣдствіе урока кокеткамъ“.

Въ № XVI той же части напечатано „*Письмо къ Издателю С. О.* по поводу письма Катенина объ октавахъ“. Въ № XVII Катенинъ помѣстилъ „Отвѣтъ Г. Сомову“, а въ № XIX Сомовъ напечаталъ „*Отвѣтъ на отвѣтъ Г. Катенину*“.

Въ 77 ч., № XVII напечатано стихотвореніе:

Охотникъ до лакомаго стола.

(Подражаніе Дежозье).

Aussit tôt que la lumiere, etc.

Только солнышко проглянетъ
И освѣтитъ міръ кругомъ,
Ужь оно меня застанетъ
Не въ постелѣ — за столомъ:
Бросивъ сонъ, я поспѣшаю
Утолить мой аппетитъ,
И глазами пожираю,
Что желудокъ не вмѣститъ.

*

Страсти нѣтъ во мнѣ къ хмѣльному,
Я въ попойкѣ знаю честь:
Пить велятъ всегда больному, —
Кто здоровъ, тотъ долженъ ѣсть.
Не багровыхъ, а румяныхъ
Любитъ роскошь цвѣтъ лавитъ,
Бѣгаетъ она отъ пьяныхъ,
Съ нами за столомъ сидитъ.

*

Не завидую герою:
Кровь онъ любитъ на войнѣ;
Кровь и я люблю — не скрою —

Въ свѣжей, сочной дичинѣ,
Къ повару мое почтенье
Неизмѣнно будетъ ввѣкъ:
Онъ даетъ мнѣ наслажденье —
Онъ великій человѣкъ!

*

Коль умру, пускай заркоутъ
Подъ столовою мой прахъ,
Скатертью меня накроутъ
И помянутъ на пирахъ.
Надпись я надъ гробомъ скромнымъ
Самъ заранѣ написалъ:
„Онъ одинъ съ желудкомъ полнымъ
Изъ поэтовъ жизнь скончалъ!“

Въ 78 ч., № XXII, напечатана слѣдующая замѣтка: *Отзывъ г. Сомова.*

„Г. Сомовъ объявилъ намъ, что соглашаясь на просьбу г. Катенина (въ 21 кн. С. О.), онъ прекращаетъ всякіе съ нимъ споры, но крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока Г. Катенинъ самъ не начнетъ ихъ вновь. — Впрочемъ, Г. Сомовъ радуется, что теперь никто не думаетъ снова *переводить* Тасса, и благодарить Г. Катенина за сіе пріятное увѣдомленіе“¹⁾.

Въ ч. 79, № XXIX, напечатанъ, за подписью „О. Сомовъ“, *Разборъ поэмы: Шильонскій узникъ, соч. Лорда Байрона, пер. съ Англійскаго В. Жуковскимъ.*

Въ 80 части, № XL, О. Сомовъ напечаталъ въ отдѣлѣ „Критика“ *Письмо къ Издателю.* Это письмо вызвано статьею *Театръ*, напечатанною въ № 28 С. От. Въ этой статьѣ, между прочимъ, было сказано: „Водевиль“, введеніемъ котораго на Русскій театръ обязаны мы князю Александру Александровичу Шаховскому, занимаетъ пріятнымъ образомъ и стихотворцевъ нашихъ, и Авторовъ, и Публику“...

Въ виду такого благосклоннаго отзыва о водевилѣ, Сомовъ предполагалъ въ издателѣ *Сына Отечества* покровителя „сего новаго переселенца на нашу сцену, ожидалъ съ его сторо-

¹⁾ Подробности и суть этого спора см. въ книгѣ г. Бертенсона „Павель Александровичъ Катенинъ“. Спб. 1909 г., 29—30 стр.

ны одобренія хорошему и исправленія дурного; но вдругъ въ кн. 37 С. О. онъ, Сомовъ, увидѣлъ простое объявленіе о выходѣ изъ печати водевиля *Актеръ на родинѣ* вмѣсто обстоятельнаго разбора. Какъ бы восполняя пропущенное, Сомовъ подвергаетъ разбору водевиль кн. Шаховскаго, находя въ немъ крупныя недочеты со стороны построенія и языка.

Въ 82 ч., № XLVII, находимъ оригинальную статью „*Объ умѣ*“, подписанную: *О. Сомовъ*. Перебравъ и ученія философовъ и ходячія мнѣнія объ умѣ, авторъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Прекраснѣйшее, благороднѣйшее явленіе въ нравственномъ мірѣ — человѣкъ, въ которомъ *природный умъ* соединенъ съ ученостію и свѣтскимъ образованіемъ; ибо послѣднее условіе необходимо для человѣка, живущаго въ обществѣ“.

Въ 1823 году Сомовъ печатался въ *Сынъ Отечества* мало. Такъ въ 84 ч., № XI, находимъ стихотворное произведеніе: *Греки и Римляне*. Сатира. (Подражаніе Бершу).

Въ 89 ч., № XLVI, помѣщенъ похвальный отзывъ, за подписью *О. С(омовъ)*: „*Федра, трагедія Расина, переводъ М. Е. Лобанова, представленная въ первый разъ на С.-Петербургскомъ театрѣ, 9 ноября 1823*“.

Вотъ наиболѣе интересныя мѣста изъ этой рецензіи: „Превосходные стихи, превосходная игра главнаго дѣйствующаго лица, совершенное, по способностямъ и возможности каждаго, дѣйствіе многихъ лицъ второстепенныхъ и вспомогательныхъ, сцена, хорошо *составленная* и хорошо *обставленная*, безъ сомнѣнія даютъ сему спектаклю одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ лѣтописяхъ Русскаго театра“...

Послѣ выписки многихъ стиховъ изъ перевода Лобанова параллельно съ французскимъ текстомъ, авторъ говоритъ, что онъ это дѣлалъ съ цѣлью показать, „какъ счастливо Русскій перелagатель Феды состязался съ Расиномъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особливо въ разсказѣ Терамена... онъ даже *побѣждалъ непобѣдимаго*“... Это былъ уже одиннадцатый по счету переводъ трагедіи.

Въ № XX, за подписью *С...*, напечатана статья: *Господину Б, въ отвѣтъ на два его ко мнѣ посланія, помѣщенныя въ*

№№ 12 и 16 *Сына Отечества*. Г. β написал свои статьи по случаю того, что Сомовъ въ отзывѣ о *Полярной Звездѣ* за 1825 годъ напечаталъ краткую замѣтку о переводѣ Раича изъ Тассова Иерусалима. Статья Сомова служить отвѣтомъ г. β. Послѣдній въ 104 ч. *Сына Отечества*, № XXII, возразилъ Сомову статью: „*Мое послѣднее слово Господину С.*“

Послѣ появленія первой статьи г. β (№ 12 *Сына Отеч.*), Сомовъ отвѣтилъ ему краткою (въ ч. 102, № XIII) статью: *Короткій отвѣтъ на длинную Антикритику* ¹⁾. Эта полемика съ г. β, писавшимъ изъ Москвы, интересна для выясненія теоретическихъ взглядовъ. Такъ, г. β утверждалъ, что „художникъ творить безусловно свою идею красоты“. Сомовъ возражаетъ: „Я думалъ, повѣряя собственными своими чувствами и понятіями читанное и слышанное мною, что воображеніе человѣка имѣетъ свои границы, что если оно иногда и творитъ чудовища, несуществующія въ природѣ, то составляетъ ихъ изъ частей, или, если хотите, *формъ частныхъ*, дѣйствительно въ природѣ находящихся (химера, сфинксъ)“.

Въ 101 ч., №№ X и XI, напечатанъ переводъ „сз *фр. Сомова*“: *О трехъ греческихъ трагикахъ*. Сочиненіе С. С. Уварова, Президента Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ, иностраннаго общества Королевской Парижской Академіи Надписей и Словесности, и пр. (пом. въ X кн. Записокъ Академіи, а представлено 24 ноября 1820 г. въ Конференцію Академіи Наукъ).

Въ 102 ч., №№ XIII и XIV, за подписью: „сз *франц. С.*“, напечатано: *Предисловіе Г. Лемонтея къ Изданію Басень Крылова съ Французскими и Итальянскими переводами*. Это изданіе въ Парижѣ принадлежало гр. Г. Орлову.

Въ 101 ч., № X, О. Сомовъ напечаталъ очень интересныя „*Мои мысли о замѣчаніяхъ Г. Мих. Дмитріева на Комедію: Горю отъ ума, и о характеръ Чацкаго*“. Мих. Дмитріевъ въ Вѣстн. Евр. 1825 г. № 6 напечаталъ статью противъ *Горю отъ*

¹⁾ Ст. г. β, въ № XII С. О., называется: *Замѣчанія на отзывъ Г. С. объ отрывкѣ изъ Тассова Освобожденнаго Иерусалима, переведеннаго Г. Раичемъ*.

ума Грибоѣдова. Сомовъ, возражая ему, указываетъ достоинства комедіи. Эта статья дѣлаетъ честь Сомову, ибо она заключаетъ много мыслей, сходныхъ съ мыслями Гончарова въ „Миллонѣ терзаній“.

Въ 100 ч., № VI: *Письмо къ пріятелю, при отсылкѣ ему Поэмы Кальвона*. 28 января, 1825. Подписано: О. Сомовъ.

Въ 1826 г. Сомовъ мало печаталъ на страницахъ *Сына Отеч.*, именно: въ ч. 105, № III, находимъ статью *О сущности въ литературу*, подписанную: „Съ фр. О. Сомовъ“.

Точно такъ же всего одну статью помѣстилъ онъ и въ 1827 г.: въ ч. 113, № IX, находимъ статью: *Характеристика трагедій шекспировыхъ*, заимствованную изъ *Жизни Шекспира*, помѣщенной Г-мъ Гизо при его переводѣ твореній Британскаго Поэта.

Въ статьѣ, подписанной: „Съ франц. Сомовъ“, говорится о „единствѣ дѣйствія“.

Въ ч. 115 того же года, № XX, помѣщена рецензія на книгу: *Малороссійскія пѣсни, изданныя М. Максимовичемъ*. М. въ типогр. Ав. Семена. 1827 г.; подписана она: П. Б-ій (т. е. Порфирій Байскій, псевдонимъ Сомова).

Въ 116 ч., № XXI, находимъ рецензію на книгу: *Стихотворенія Евгенія Баратынскаго*. М. 1827, подписана С-въ.

Въ № VIII, С. О. за 1828 г.: *Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая*. Сочиненіе Ивана Козлова. *Паризина*. Историческая повѣсть лорда Байрона. Вольный переводъ В. Вердеревскаго. *Подражаніе Корану*. А. Ротчева. Всѣ три рецензіи подписаны: С-въ.

Въ *Сынъ Отеч.* за 1829 г. Сомовъ печаталъ много статей и рецензій.

Въ 126 ч. напечатанъ *Отрывокъ изъ Малороссійской Повѣсти: Гайдамакъ*, подписанный псевдонимомъ Сомова—*Порфирій Байскій*.

Въ № XXII той же части помѣщена ст. бар. Дельвига *На критикѣ Галатеи*, а на стр. 125—126 Сомовъ сдѣлалъ свое къ ней добавленіе.

Въ 123 ч., № V, находимъ отзывъ о *Двухъ повѣстяхъ*:
lib.pushkinskijdom.ru

Балъ, сочиненіе Баратынскаго, и Графъ Нулинъ, соч. А. Пушкина. С.-Пб. 1827.

Въ 1834 г., несмотря на смерть Сомова въ маѣ 1833 г., нѣкоторыя его произведенія и переводы появились въ *Сынъ Отеч.*, очевидно, изъ сохранившихся въ портфель редакціи. Такъ въ ХLI томѣ за 1834 г., № 8, стр. 529—531, находимъ оригинальное произведеніе Сомова: *Въ полѣ свѣзжаются, родомъ не считаются.*

Въ ХLIII томѣ, № 23, находимъ автобіографическую статью: *Картины дѣтства.* (Воспоминанія подъ старость).

Съ 1825 г. начинается сотрудничество и постоянное участіе О. М. Сомова въ *Сѣверной Пчелѣ* Греча и Булгарина. Съ этого времени нашъ писатель вступилъ въ область журналистики, съ которою не разставался до смерти. Преданнаго всю жизнь Музамъ и литературѣ, Сомова, очевидно, тяготило тернистое поприще журналиста. Быть можетъ, въ слѣдующихъ словахъ подражательной статьи его, подъ заглавіемъ: „*Что должно сдѣлать когда нибудь*“¹⁾, звучитъ автобіографическое признаніе: „Меня тяготятъ и роза лести и лоза критики: въ ремеслѣ журналиста больше шиновъ, нежели розъ! Вѣчно читай скучныя книги, чтобъ послѣ имѣть право сказать публикѣ: не читай ея! накликай на себя лай самолюбія; слыви *холодною душою* отъ тѣхъ, кого съ грѣхомъ пополамъ гладишь по головкѣ, а завистливымъ и злымъ отъ тѣхъ, про кого говоришь правду; каждый день запасайся свѣжимъ умомъ или чѣмъ-то похожимъ; въ потѣ лица печатай листки, которые или не читаются, или забываются, или идутъ на раскурку трубокъ; погоняй свою лѣнь, удерживай свое негодованіе, даже и тогда, какъ... Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду!... Когда-нибудь, я напишу послѣднюю свою статью и конецъ дѣлу!..“ Но Сомовъ такъ и не бросилъ поприща журналиста. Какъ видно изъ письма Н. И. Греча къ А. С. Пушкину отъ 14 декабря 1832 г., Сомовъ, по прекращеніи *Сѣверныхъ Цвѣтовъ* и *Литературной Газеты*,

¹⁾ Сѣв. Пч. 1825 г., № 89. Подписана буквою С., какъ подписывалъ свои статьи Сомовъ въ *Сѣв. Пчелѣ* за первый годъ сотрудничества.

снова принужденъ былъ сойтись съ Гречемъ и Булгаринымъ ¹⁾.

Перечислимъ теперь всё самостоятельныя статьи Сомова въ *Съверной Пчелѣ*, при чемъ сдѣлаемъ оговорку, что въ 1825 г. онъ ни подъ одною статьею не подписалъ своей полной фамиліи, а обозначалъ только инициалъ ея.

Впервые на страницахъ *Съв. Пч.* Сомовъ появился въ №№ 40 и 41 за 1825 г. съ рецензіей на *Полярную Звѣзду* Рылѣва и Бестужева на тотъ же 1825 г. Въ этой рецензіи онъ, между прочимъ, далъ краткій отзывъ о переводѣ Раича изъ Торкв. Тасса, упрекая переводчика за неподходящій для поэмы балладическій тонъ и размѣръ ²⁾.

Въ общемъ отзывъ объ альманахѣ благопріятный: „Вообще замѣтно было съ самаго появленія Полярной Звѣзды (въ 1823 г.), что въ ней преимущественно, и стихи и проза, говорили намъ о нашей отчизнѣ, или посвящены были ея воспоминаніямъ... Желательно, чтобы съ распространеніемъ охоты къ чтенію, Полярная Звѣзда пріобрѣла славу еще прочнѣйшую и блистательнѣйшую — заставила бы Русскихъ читателей, а особливо прелестныхъ читательницъ, полюбить все Русское: и великія наши воспоминанія, коренные обычаи, и языкъ звучный и благородный“.

Въ *Съв. Пчелѣ* за 1826 годъ статьи Сомова появляются чаще.

Въ № 49 напечатана оригинальная статья, подъ заглавіемъ *Забавникъ*. Подъ статьею стоитъ подпись: *С-въ*. Въ этой статейкѣ находимъ автобіографическое указаніе, насколько тяжелою работою обремененъ былъ Сомовъ въ качествѣ *платнаго сотрудника Съверной Пчелы*. Баловень Зубоскалинъ, герой разсказа, все дѣлаетъ въ шутку. Въ разсказѣ читаемъ: „Полно тебѣ коптиться надъ бумагами!“ сказалъ, входя въ мою комнату, молодой мой пріятель, Живчиковъ. „Всего, мой

¹⁾ Вотъ что писалъ Гречъ Пушкину: „...Что касается до оклада Сомова, то поелику сей окладъ слѣдуетъ ему съ 1-го Января 1833, а доходы начнутся съ того же числа, то я и не могу исполнить теперь вашего желанія; но по наступленіи срока дамъ ассигнацію на Смирдина.

²⁾ Этотъ отзывъ Сомова вызвалъ въ *Стѣнѣ Отеч.* полемику со стороны г. β , о чемъ было сказано выше.

другъ, не перепишешь, а только потеряешь здоровье: посмотри-ка на себя, и такъ ты больше похожъ на движущагося скелета, котораго теперь показываютъ въ Парижѣ, нежели на обыкновеннаго человѣка. Ну, ну! брось же перо свое, и ступай со мною подъ качели!...“ Этотъ вызовъ, весьма лестный для Украинской моей лѣни, былъ мною принятъ какъ будто нехотя“.

Въ №№ 128, 129, 130 и 131 напечатана обширная рецензія Сомова на книгу: *Опытъ Священной Поэзіи* Ѳедора Глинки. СПб. 1826. Рецензія обозначена инициалами *О. С.* Вотъ что писалъ нашъ рецензентъ въ своемъ отзывѣ: „Священная Поэзія пробуждаетъ въ душѣ чувство высокаго, возноситъ мысли наши къ Богу и, какъ сладостная, умиляющая гармонія, открываетъ намъ лучшій, неземной міръ, подавляя въ насъ всѣ помыслы чувственные. Ничто столько не сближаетъ съ Небомъ скудельнаго сына земли, какъ благоговѣйное созерцаніе величія творца, созерцаніе, дополняемое къ предметамъ міра видимаго пламеннымъ воображеніемъ чудесъ міра горняго.— Такова была цѣль сочинителя *Опытовъ Священной Поэзіи*“.

Указавъ оригинальныя стихотворенія Глинки и такія, тему которыхъ онъ взялъ изъ книгъ священнаго писанія, приведя обширныя выписки изъ тѣхъ и другихъ, Сомовъ въ заключеніе рецензіи говоритъ: „Какъ чтеніе назидательное и нравственное, *Опытъ Священной Поэзіи*, безъ сомнѣнія, найдутъ весьма многихъ читателей, благоговѣющихъ къ Богу и Вѣрѣ, и любящихъ чистоту нравовъ; какъ произведеніе изящнаго стихотворства, они понравятся любителямъ Поэзіи; какъ изданіе красивое и тщательное, напечатанное прекраснымъ шрифтомъ на лучшей любской бумагѣ, съ искусно выгравированною виньеткою — они займутъ не послѣднее мѣсто въ библіотекахъ“...

Въ №№ 139 и 140 въ отдѣлѣ „Некрологія“ напечатано „Нѣсколько словъ о недавно умершемъ Актерѣ Тальма“. Статья оригинальная, основанная на личномъ знакомствѣ автора съ французскимъ театромъ и актерами, подписана: *С-въ.*

Въ №№ 145, 146, 150 рецензія на „*Опытъ Аллегорій или иносказательныхъ описаній, въ стихахъ и прозѣ. Соч. Ѳедора Глинки. С.-Пб. 1826 г.*“, подъ которою подпись: *С.*

Въ началѣ рецензіи авторъ сообщаетъ понятіе объ аллегоріи. У жителей Востока — аллегорія почти обыкновенный способъ изъясненія. Въ новѣйшей европейской литературѣ и въ литературѣ романтической аллегорія получила другое болѣе обширное и возвышенное значеніе. „Область воображенія, распространяя свои предѣлы, — въ вещахъ видимыхъ, въ житейскомъ быту сего міра, посредствомъ Аллегоріи, открываетъ міръ лучшей, жизнь неувядающую“. Въ подобномъ смыслѣ принималъ аллегорію и Глинка. Выписками изъ предисловія къ „Опытамъ“, указавъ причину, побудившую автора собрать въ одну книгу 25 стихотворныхъ и 33 прозаическихъ аллегорій, Сомовъ говоритъ: „Ө. Н. Глинка есть одинъ изъ тѣхъ немногихъ Русскихъ Авторовъ, которые постигли тайну прекраснаго, благороднаго языка Русскаго; и за то проза ихъ... имѣетъ всю прелесть поэзіи, счастливымъ, вѣрнымъ и разборчивымъ выборомъ и размѣщеніемъ словъ“.

Для подтвержденія правильной мысли [„Въ минуты восторга, она (душа) не можетъ выдержать одна впечатлѣній и откровеній своихъ — и передаетъ ихъ другимъ, языкомъ необыкновеннымъ, возвышеннымъ: языкъ сей — есть Поэзія“] о происхожденіи и свойствахъ художественной рѣчи, рецензентъ производитъ разборъ нѣсколькихъ аллегорій.

Очень много писалъ для *Сѣверной Пчелы* Сомовъ и въ 1827 году.

Съ №-ра 1-го началась большая статья объ „*Альманахахъ на 1827 годъ*“, подписанная буквою С. (продолжалась въ №№ 2, 3, 4, 5, 7, 10, 12, 14 и 15). Въ этой рецензіи рассмотрѣны: Невскій Альманахъ, Сиріусъ, Дѣтскій цвѣтникъ, Незабудочка, Сѣверная муза, Памятникъ отечественныхъ музъ.

Въ № 16 рецензія на книгу: *Маолика* Лебида и *Темимьян-ка* Абулолы, поэмы, переведенныя съ Арабскаго языка Ивановомъ Ботьяновымъ. Спб. 1827. Подписана С-въ.

Въ № 20 снова находимъ рецензію, подписанную С., на книгу: Описаніе Тульскаго Оружейнаго Завода, въ историческомъ и техническомъ отношеніи. Сочиненіе Іосифа Гамалея. М. 1826.

Въ № 57 находимъ рецензію, подписанную С., на брошю-

ру: *Речь о пользе и необходимости водворенія и распространенія плодонеремѣннаго или усовершенствованнаго земледѣлія...* произнесенная въ собраніи Императорскаго С.-Петербургскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Января 22 дня 1827... Дмитріемъ Шелеховымъ. Спб. 1827.

Такою же буквою С. подписана рецензія въ № 61: *Подарокъ критику за статью, помѣщенную въ 5 номеръ Журнала: Сынъ Отечества 1827.*

За тою же подписью въ № 67 напечатана краткая замѣтка объ *Андромахъ*, Трагедіи въ 5 д. въ стихахъ Катенина. Спб. 1827 г.

Въ № 81 въ рецензіи на книгу: *Талисманъ или Ришардъ въ Палестинѣ*. Изъ исторіи временъ крестовыхъ походовъ, Вальтера-Скота. М. 1827. 3 части. — Сомовъ (подп. С.) указываетъ, что переводъ сдѣланъ не съ англійскаго подлинника, а съ французскаго перевода г. Дефокопире, — и переведено плохо.

Въ № 122, за подписью Смвз, помѣщено краткое извѣщеніе о сочиненіяхъ г-жи Кричевской: *Девъ повѣсти: Коринна и Эмма, Драма: Нѣтъ добра безъ награды; Избранные Историческіе Анекдоты*. Сочиненія изданы въ пользу матери сочинительницы. *Московскій Телеграфъ* сурово отнесся къ сочиненіямъ г-жи Кричевской, а Сомовъ обѣщаетъ въ послѣднихъ номерахъ *Съв. Пч.* рассмотреть порознь сочиненія писательницы, чтобы показать, что они заслуживаютъ вниманія и независимо отъ цѣли, съ какою изданы ¹⁾.

Въ № 133, за подписью С., напечатана краткая рецензія на *Сочиненія Владислава Александровича Озерова*. Четвертое изданіе. Въ 2 част. Спб. 1827.

Въ той же газетѣ за 1828 годъ находимъ снова довольно много статей и рецензій Сомова, не говоря о переводахъ, не подписанныхъ, а помѣченныхъ „Съ франц.“

Остальныя статьи Сомова такъ или иначе подписаны. Вотъ онѣ: въ № 25 находимъ рецензію, подписанную буквою С., на книгу: *Паризина*. Историческая повѣсть Лорда Байрона. Воль-

¹⁾ Обѣщаніе не было исполнено.

ный переводъ В. Вердеревскаго. Спб. 1827. Въ этой рецензiи, между прочимъ, сказано: „Стихи сего перевода хороши. Если въ нихъ иногда нѣтъ сжатости Байроновой, то въ замѣнъ ея, стихи ласкаютъ слухъ своей гармонiей“. Въ доказательство цитируются стихи.

Въ № 33 статья: *Разсмотрѣнiе альманаховъ на 1828*. Альбомъ Сѣверн. музъ на 1828 г. —, подписанная — *стѣ-въ* (Орестъ Сомовъ), опровергаетъ ходячее сѣтованiе на слишкомъ большое количество альманаховъ. Увеличенiе числа ихъ свидѣтельствуесть о большемъ количествѣ читателей, обозначаетъ распространенiе охоты читать, чему слѣдуетъ радоваться. Опровергаетъ рецензентъ и мнѣнiе о легковѣсности содержанiя альманаховъ. Лучшимъ опроверженiемъ является „Альбомъ Сѣв. музъ“, разнообразный по содержанiю въ стихахъ и прозѣ, при чемъ указываются лучшiя пьесы и статьи.

Въ № 41 напечатана рецензiя на повѣсть *Любовь въ тюрьмѣ* (Спб. 1828), за подписью *въ* (Сомовъ); рецензiя указываетъ подражательность повѣсти Кавказскому Плѣннику и Бахчисарайскому Фонтану Пушкина.

Въ № 43, за подписью — *стѣ-въ*, помѣщена рецензiя на книги: 1) Записки Москвича. 1828. и 2) Чувствительное путешествiе по Невскому проспекту. М. 1828. *Θ.* Булгаринъ въ примѣчанiи къ этой рецензiи говоритъ, что она написана однимъ изъ сотрудниковъ *Сѣв. Пч.* по его просьбѣ. Онъ прочиталъ въ № 3 *Сына Отечества* слишкомъ строгую рецензiю на упомянутыя книги. Сомовъ находитъ въ нихъ много неподдѣльныхъ цвѣтовъ остроумiя и замѣчанiй истинно забавныхъ, легкой слогъ и правильный языкъ ¹⁾). Возражая на замѣчанiе рецензента *Сына От.*, что произведенiя эти писаны не для людей высшаго класса, Сомовъ говоритъ: „Смѣшная придирка! Неужели должно сжечь всѣ трактиры и подобныя заведенiя, со всѣмъ что въ нихъ движется, ѣсть и пьеть, и даже всѣ простонародныя сказки, были и небылицы ²⁾); потому, что ни ихъ

¹⁾ Это замѣчанiе обнаруживаетъ авторство Сомова, любившаго указывать въ своихъ статьяхъ на языкъ и считавшагося хорошимъ стилистомъ.

²⁾ Любовь къ произведенiямъ народнымъ—второе доказательство

самихъ, ни ихъ героевъ не желаютъ люди вышшаго класса?— Въ Литературѣ, какъ въ Природѣ, все хорошо на своемъ мѣстѣ и для своей цѣли“.

Въ рецензіи на *Руслана и Людмилу* (Поэма Александра Пушкина. Изданіе 2. Спб. 1828), напечатанной въ № 45 за подписью С., указываются перемѣны въ текстѣ и присоединеніе *Пролога*. Этимъ прологомъ или *присказкою* поэмѣ придана болѣе оригинальная, болѣе русская форма. Эта форма должна примирить приверженцевъ классицизма съ поэмою: Пушкину нельзя было послѣ такого вступленія начать произведеніе словомъ *пою* и обращеніемъ къ *видимымъ* и *невидимымъ*. Можетъ быть, будутъ спорить о названіи *поэма*; можетъ быть, назовутъ ее *сказкою*... но это не обидно поэту.

Въ № 50: *Русскій театр*. Донъ Жуанъ. Пер. съ итальянскаго. Исполнено на Большомъ театрѣ 21 апрѣля. Отзывъ объ оперѣ и ея исполненіи подписанъ буквою С.

Такой же отзывъ за тою же подписью въ № 51 объ *Итальянскомъ театрѣ* и пьесѣ *La gatta ladra* (Сорока-воровка).

Въ №№ 56 и 57: *Вороны* изъ юмористическаго сочиненія Вашингтона Ирвинга „Замокъ Бресбриджъ“. Подписано: „Перев. С.“. Въ примѣчаніи переводчикъ говоритъ: „Отрывокъ сей (*Вороны*) имѣетъ одно неотъемлемое достоинство: удивительную живость описанія и поэтической взглядъ сочинителя на предметы, по общему понятію, самые прозаическіе! — По выраженію одного изъ лучшихъ поэтовъ, Вашингтонъ Ирвингъ отличный *мастеръ разболтаться*: онъ настраиваетъ воображеніе и свое и своихъ читателей до того, что вмѣстѣ съ нимъ видитъ въ стаѣ вороновъ нѣчто выше птицъ обыкновенныхъ“.

Въ № 59: *Русскій театр*. Весталка. Драма въ 2 д. Замѣтка о пьесѣ подписана С.

Въ № 66: *Красная шапочка*, комическая опера въ 3 д. Замѣтка о пьесѣ и игрѣ за тою же подписью.

Въ № 70 рецензія на книгу: *Цвѣница*. Стихотворенія А. Рѣдкина. М. 1828. — подписана буквою С.

Въ № 71: *Русскій театр*. Богатоновъ, или провинціалъ въ столицѣ, комедія въ 5 д. Загоскина и Посѣщеніе принца съ фр. Отзвъвъ объ актерахъ за подписью С.

Въ № 78: *Радость Молдаванъ*, или побѣда, театр. представл. въ 3 д. Замѣтка подписана С-вз.

За тою же подписью въ № 81 замѣтка о *Молодыхъ супругахъ*. Ком. въ 1 д. Грибоѣдова и балетъ *Дидона*, или Истребленіе Карагена.

Въ № 84: *Французскій театр*. Le jeu de l'amour et du hazard (Игра любви и случая), ком. въ 3 д. Мариво и La servante justifiée (оправданная служанка) вод. г. г. Братье, Картуша и Сусслень-де-ла-Саля. Замѣтка о пьесахъ и игрѣ актеровъ подписана С.

Въ № 85: *Русскій театр*. Монтенерскій замокъ, опера въ 3 д. Пастушка, старушка, волшебница, вод. въ 3 д. Замѣтка подписана С.

Въ № 86: *Русскій театр*. Первый дебютъ дѣвицы Самойловой въ р. *Лизы*, оперы: *Десять дней женитьбы*. — *Молодая Островитянка*, или Леонъ и Талида, бал. 2 д. соч. Дидло. Подписано С.

Въ № 97 напечатана безъ подписи статья: *Смерть Г. Хариса, нашего соотечественника*. Къ тому мѣсту статьи, гдѣ сказано, что искусство покойнаго художника Хариса дало ему возможность сопутствовать ботанику Барону Маршалу Биберштейну въ 1813 г. на Кавказскія горы, сказано въ примѣчаніи: „Кажется составленная Барономъ Биберштейномъ Flora Taucico-Caucasica издана была ранѣе того времени, которое означено Французскимъ Біографомъ. Сочинитель сего примѣчанія имѣлъ случай еще въ 1810 году видѣть отпечатанные листы текста и изображенія растений для сей Флоры, гравированныя въ Харьковѣ Г. Шейерлингомъ“. Примѣчаніе подписано: С-вз, который учился въ Харьковѣ. Вѣроятно, онъ же былъ и переводчикомъ этой статьи.

Въ № 101: *Русскій театр*. *Дипломатъ*. Ком.-вод. въ 2 д. Съ франц. *Оборотни*, или Споръ до слезъ, а объ закладъ бейся. Оп.-вод. въ 1 д. Замѣтка подписана С.

Въ № 105: *Итальянскій театръ. Otello, ossia l'Africano di Venezia.* Опера въ 3 д. Замѣтка помѣчена буквою С.

Въ №№ 108 и 109: *Русскій театръ. Три дѣла*, или Ефратскій Пеликанъ, Романтич. водевиль въ 3 д. *Меркурій на часахъ*, или парнасская застава. Комико-аллегорич. интермедия-дивертисментъ Шаховскаго. Обширная замѣтка о пьесѣ Шаховскаго подписана С.

Въ № 111: *Исправленіе*, или мужъ на случай, Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, соч. А. Ш. Спб. 1828 г.—рецензія съ указаніемъ нѣкоторыхъ несообразностей въ характерахъ лицъ, негладкости стиха и искусственности языка подписана С.

Въ № 119: *Французскій театръ.* Г. Сарте въ р. Фрончена въ комедіи *Мужъ и любовникъ*, *Просителя* и *Вертера* въ водевиляхъ тѣхъ же названій — отзывъ подписанъ буквою С.

Въ №№ 121 и 122: *Хіосскій Сирота.* Сочиненіе Платона Ободовскаго. Спб. 1828. Рецензія на сочиненіе, въ которомъ изображена Судьба Костаки Л. изъ Хіоса, разрушеннаго Турками въ 1822 г., благопріятная и подписана С. Доходъ отъ продажи сочиненія предназначался для выкупа изъ плѣна брата Костаки Ламбрине.

Въ № 124 похвальная рецензія, за подписью С., на книгу: *Коннетабль Четерскій или обрученныя* (Изъ временъ Крестовыхъ походовъ). Сочиненіе Сира Вальтеръ Скотта. Переводъ Н. Ш. Спб. 1828. 3 т.

Въ томъ же номерѣ и за тою же подписью помѣщены отзывы о пьесахъ и игрѣ актеровъ: *Французскій театръ. L'avocat, ou la cause célèbre*, ком.; *La marraine* и *Les mauvaites têtes*; тутъ же о г. Клозелѣ въ роляхъ *Аббата дел'Энѣ* и *Г-на Бьриса*.

Въ №№ 145, 146, 147 и 148, за подписью О. Сомовъ, въ отдѣлѣ: *Корреспонденція*, напечатано „*Письмо къ Издателямъ Сѣверной Пчелы*“, въ которомъ говорится по поводу статей Арцыбышева и Погодина противъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина. Сомовъ является защитникомъ Карамзина, указываетъ, съ какой точки зрѣнія надо оцѣнивать его ис-

торическій трудъ, упрекаетъ въ неуваженіи къ историку ¹⁾).

Въ 1829 году встрѣчаемъ меньше статей Сомова въ *Сѣверной Пчелѣ*. За этотъ годъ ему принадлежатъ слѣдующія статьи и рецензіи.

Въ № 21 рецензія на книгу: *Борскій*. Соч. А. Подолинскаго. Спб. 1829.

Въ рецензіи, подписанной буквою С, сказано такъ: „Г. Подолинскій въ новомъ своемъ произведеніи, оправдываетъ тѣ надежды, которыя подала намъ первая его поэма: *Дивъ и Пери*, и нѣкоторыя мелкія стихотворенія, помѣщенныя въ Альманахахъ. Стихотворная Повѣсть его: *Борскій*, богата трогаящими душу положеніями, чувствомъ, вѣрными, взятыми изъ природы картинами и прекрасными стихами“.

Въ № 26, за подписью С., напечатанъ сочувственный отзывъ „*О критикѣ Г. Арцыбашева на Исторію Государства Россійскаго*“, сочиненную П. М. Карамзинымъ. Изъ сочиненій С. Руссова. Спб. 1829.

Въ № 36 напечатана, за подписью С., рецензія на *Три стихотворенія Барона Г. Розена*. М. 1828. Въ этой статьѣ Сомовъ пишетъ, между прочимъ: „Баронъ Розенъ полюбилъ Русскій языкъ и Словесность нашу уже въ совершенныхъ лѣтахъ, во время служенія своего въ военной службѣ; но по чистотѣ Русскаго языка въ его стихотвореніяхъ, по счастливому выбору выраженій и по свободѣ поэтическихъ оборотовъ, читатель его произведеній никакъ бы сего не отгадалъ... Должно сказать, что произведенія Барона Розена на нѣмецкомъ яз. весьма похваляются знатоками. Таковы его переводы нѣкоторыхъ стихотвореній А. С. Пушкина и Барона Дельвига, помѣщенныя въ весьма хорошемъ литературномъ еженедѣльникѣ: *Эстона*, издаваемомъ на нѣм. яз. въ Ревелѣ, Г. Шейхеромъ. Отличительная черта всѣхъ его стихотвореній есть обиліе мыслей и поэтическихъ вымысловъ. Въ трехъ его стихотвореніяхъ, коихъ Сочинитель, изъ скромности, не назвалъ повѣстия-

¹⁾ Въ защиту Карамзина Сомовъ написалъ особую статью „Хладнокровныя замѣчанія на толки г. г. критиковъ И. Г. Рос. и ихъ сопричастниковъ“ въ Московскомъ телеграфѣ. 1829 г., ч. 25. См. Венгерова ред. Полнаго собранія сочиненій Бѣлинскаго, т. I, 433 стр.

ми, находимъ; въ 1-мъ, подъ заглавіемъ *Марина*, занимательныя приключенія одной бѣдной дѣвушки и живое описаніе военнаго гусарскаго быта; во 2-мъ: *Ссылный*, трогательное возвращеніе изъ ссылки одного несчастнаго, который беретъ дорогою бѣдную сироту, приводитъ ее къ себѣ въ домъ и воспитываетъ; и въ 3-мъ *Ксенія Годунова*, страданія сей горестной жертвы бѣдствій. — Поэзія чувства и занимательныя, умиляющія положенія нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ... искупаютъ простоту содержанія“...

Въ № 72 замѣтка о книгѣ: *Повѣсти и Литературныя отрывки, издаваемыя Н. Полевымъ. М. Ч. I, 1829*, — дружескаго характера подписана буквою С.

Въ № 76 рецензія на книгу: *Словарь Нѣмецкій и Французскій кунеческой юриспруденціи. Изд. 2. Спб. 1829.* — подписана буквою С. Отзывъ хвалебный. Рецензентъ совѣтуетъ издать терминологию и другихъ отраслей, что важно для переводчиковъ съ иностранныхъ языковъ.

Въ № 80 сочувственный отзывъ, за тою же подписью, о книгѣ: *Navarin, par M. S. Thomas, Lecteur à l'Université Imperiale de S.-Petersbourg. Спб. 1829.*

Такой же сочувственный отзывъ и въ № 90, за тою же подписью С., о *Карманной книжкѣ для любителей Русской Старины и Словесности на 1829 годъ.* Издана В. М. Олинымъ. Спб. 1829.

Въ № 105 напечатанъ отзывъ объ *Атласъ Историческомъ, Хронологическомъ и Географическомъ Россійскаго Государства, составленномъ на основаніи Исторіи Карамзина, Иваномъ Ахматовымъ. Ч. I. Спб. 1829* — подписанъ буквою С.

Въ №№ 110, 111, 112, 114 и 116, за подписью О. Сомовъ, напечатаны: *Четыре дня въ Финляндіи. Письма къ одному пріятелю въ Москву.*

Письма писаны къ Максимовичу, съ которымъ Сомовъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Поѣздка въ Финляндію къ водопаду Иматрѣ совершена въ іюнѣ 1829 г. въ сообществѣ Дельвига, его жены, А. П. Кернъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ.

Въ № 120 сочувственный отзывъ о книгѣ: *Вильгельмъ*
lib.pushkinskijdom.ru

Гель, Трагедія Шиллера. Перевелъ А. Ротчевъ. М. 1829. — подписанъ — С.

Въ № 135 краткая рецензія, за подписью *О. С-ва*, о книгѣ: *Крымскіе сонеты Адама Мицкевича.* Переводы и подражанія Ивана Козлова. Сиб. 1829. Всѣ замѣчанія рецензентъ взялъ изъ предисловія къ сонетамъ, написаннаго кн. Вяземскимъ.

Въ № 148 — рецензія на *Превращеніе Дафны.* Сельскую поэму, соч. М. Делярю. Спб. 1829, — подписанная — *О. С-ва*. Объ этомъ произведеніи молодого поэта, читанномъ на актѣ въ Царскосельскомъ лицей, Сомовъ отзывается благосклонно. О поэтѣ же говоритъ слѣдующее: „Вообще замѣтно, что молодой нашъ пѣвецъ напитанъ духомъ поэзіи древней, и одаренъ строгимъ, образованнымъ вкусомъ. Экзаметры его почти вездѣ правильны и благозвучны; и если онъ будетъ продолжать, какъ началъ, то мы радостно привѣтствуемъ въ немъ новаго, и весьма много обѣщающаго подражателя древнимъ“.

Въ концѣ 1829 г. Булгаринъ обидѣлъ Сомова, который и перешелъ сотрудничать въ *Литературную Газету* Дельвига, о чемъ было сказано выше. Вотъ почему съ 1830 года не попадается въ *Сѣверной Пчелы* статей, подписанныхъ его именемъ или инициалами.

Во время сотрудничества Сомова въ *Сынъ Отечества*, ему приходилось давать статьи для *Дѣтскаго Собесѣдника*. Этотъ журнальчикъ, составлявшій „безденежное приложеніе изъ 4-хъ книжекъ ежегодно для подписчиковъ Сына Отечества, Сѣвернаго Архива и Сѣверной Пчелы, выходилъ всего два года (въ 1826 и 1827 гг.). Въ немъ находимъ подписанныя именемъ Сомова нѣсколько статей. Такъ въ I кн. за 1826 г. (стр. 1—19) помѣщена повѣсть „*Катерина Флери*“, за подписью — „*Перевелъ съ Французскаго Сомовъ*“.

Въ III кн. за тотъ же годъ (стр. 185—216) находимъ „*Подарокъ въ именины*“ (Повѣсть Г-жи Сю-Беллокъ), за подписью: „*Съ Фр.—Сомовъ*“.

Въ четырехъ книжкахъ журнала за 1827 г. нѣтъ статей, подписанныхъ фамиліей нашего писателя, но, вѣроятно, ему принадлежатъ статьи: *Древняя Исторія. Гражданскія по-*

становленія и обычаи древнихъ Римлянъ (№ 1—2-й стр. 123—136) и *Исторія. Нравы, обычаи и постановленія древнихъ Грековъ* (№ 3 и 4, стр. 200—216). Подъ статьями стоитъ подпись: „Съ франц.“, которую часто употреблялъ Сомовъ въ изданіяхъ Булгарина и Греча. Кромѣ того, статьи снабжены примѣчаніями, которыя такъ любилъ Сомовъ. Вотъ признаки, по которымъ узнается авторство нашего писателя.

Въ 1831 году, когда иностранная печать посылала громы на Россію за подавленіе польскаго мятежа, когда А. С. Пушкинъ въ стихотвореніи „*Клеветникамъ Россіи*“ и „*Бородинская годовщина*“ давалъ отвѣдъ на эти вражескіе клики, въ этомъ году и Сомовъ не остался молчаливымъ. Онъ издалъ небольшую брошюрку, подъ заглавіемъ *Голосъ Украинца при вѣсти о взятіи Варшавы*. (Спбургъ. Въ типографіи Греча, 1831).

Въ брошюркѣ всего 16 страничекъ, на которыхъ напечатано одно русское, другое малорусское стихотвореніе и примѣчанія къ нимъ. Передъ первымъ стихотвореніемъ „*Пѣснь на усмиреніе Варшавы*“ (стр. 5—7) находимъ слѣдующее обращеніе къ императору Николаю I (стр. 3—4):

*Не потрясутъ въ насъ чувствъ живыхъ
Любви къ Тебѣ, о Царь Великій,
Мятежныхъ недруговъ Твоихъ
Крамольно-буйственные клики.
Въ насъ крѣпки Вѣра, вѣрность, честь;
Къ тебѣ усердіемъ пылая,
Готовы въ жертву мы принести
И жизнь и все за Николая!*

О. Сомовъ.

Вслѣдъ за посвященіемъ, послѣ вышеприведеннаго заглавія, напечатана „*Пѣснь*“:

*Ада злое порожденье,
Язва гордаго ума,
Разлила опустошенье
Какъ тлетворная чума.*

*

*Дерзкіе, шумливы скопы
Буйной вольности сыновъ*

Возмутили миръ Европы,
Миръ полей и городовъ;

*

И въ Россійскіе предѣлы
Свой излить мечтали ядъ:
Но мятежныя ихъ стрѣлы
Къ намъ уже не долетятъ.

*

Вѣрность праотцевъ живую,
Крѣпкій щитъ свой — Русскій взялъ
И отъ язвы Русь святую
Русской грудью отстоялъ.

*

Гдѣ жь, клеветы лже-свободы,
Ваши буйныя мечты?
Пали!... Славой въ родъ и роды
Вновь цвѣтешь, Россія, ты!

*

Витязь Карса, Эривана!
Надъ тобою нашъ Алкидъ,
Тѣнь великаго Богдана
Соплеменная летить... и т. д.

На стр. 9—11 напечатано малороссійское стихотвореніе
подъ заглавіемъ: *Листъ од Украинця до ляхивъ*:

Чи се таки пащиковати ¹⁾
Йще не обрыдло вамъ, Ляхи?
Изновъ якась вража мати
Васъ нацюкнула на грѣхи?

*

Изновъ застрыбали цапами:
„А ну-мо вольности шукать,
„Ходимо у Царя шаблями
„Украйну, Кіевъ одибрать.

*

„Се щира, бачь, маетность наша:
„Ось мы ей заберемо!
„Тай Москалямъ вже буде каша,
„Якъ вольность Козакамъ дамо“.

*

¹⁾ Крамольничать,
lib.pushkinskiydom.ru

Нехай же бъ вы тому казали,
 Кто зъ роду васъ, Ляхи, незнавъ:
 Чи той вы вольности бажали,
 Яку намъ Жигимонтъ дававъ?

*

Якъ муками замордовали
 Гетмана Наливайку вы,
 Та якъ въ аренду отдавали
 Жидамъ вы Божіи церквы?

*

Та цуръ вамъ, пекъ!... Ось вы сказились
 И на Царя пійшли войной,
 Базикали, брехали, бились —
 Ажъ гулькь... Варшава пидъ пятой!

*

И панъ Паскевичъ-Эриванскій
 Вже въ неи зъ таборомъ стоить,
 И корогвы его Гетманьски
 Тамъ витеръ тихо шавелить.

*

Винъ любый сынъ козацькой славы,
 Якъ за Хмельницкаго була;
 Винъ Царьскій Лицаръ вѣрный, бравый:
 Іому и честь и похвала!

Порфирій Байскій.

6.

Въ началѣ 50-хъ годовъ XIX-го столѣтія г. А. Грень, посѣтивъ могилу О. М. Сомова, писалъ: „Могилы Сомова напомнили мнѣ то время нашей литературы, когда на горизонтѣ ея горѣло яркою звѣздой имя Пушкина и блестяли имена Баратынскаго, Языкова, барона Дельвига, Туманскаго и другихъ поэтовъ. Тогда были еще живы: безсмертный Н. М. Карамзинъ и незабвенный В. А. Жуковскій; дѣдушка Крыловъ писалъ свои безсмертныя басни. Н. И. Гречъ только что напечаталъ свою Грамматику и вмѣстѣ съ Ѳ. В. Булгаринымъ начали издавать „Сѣверную Пчелу“. А. Ѳ. Воейковъ издавалъ журналъ „Новости Литературы“, и потомъ „Военно-Литературный журналъ „Славянинъ“, а добродушный А. Е. Измайловъ печаталъ свой журналъ „Благонамѣренный“ ¹⁾...

По словамъ того же автора, гр. Д. И. Хвостовъ, извѣстный меценатъ русскихъ литераторовъ и стихотворцевъ того времени, по средамъ устраивалъ литературные вечера, на которые собирались всѣ извѣстные литераторы и стихотворцы. „У него можно было найти, кромѣ извѣстныхъ

¹⁾ См. Русскій Инвалидъ, 1854 г. № 5 статью: „Нѣсколько словъ о русскомъ литераторѣ Сомовѣ“.

именъ нашей литературы двадцатыхъ годовъ, А. Ѳ. Воейкова, А. Е. Измайлова, Б. М. Ѳедорова, О. М. Сомова и многихъ другихъ, также рядъ вновь возникающихъ юныхъ писателей и стихотворцевъ: Сіянова, Ставелова, Романовича, Слѣпушкина, Глѣбова и проч.”...

Въ кружкѣ К. Ѳ Рылѣва на его литературныхъ собраніяхъ бывали В. К. Кюхельбекеръ, Ѳ. Н. Глинка, критикъ О. М. Сомовъ, Н. М. Муравьевъ, кн. С. П. Трубецкой, Е. П. Оболенскій, кн. А. И. Одоевскій ¹⁾).

Приведенныхъ указаній вполне достаточно, чтобы очертить кругъ современныхъ литераторовъ и поэтовъ, съ которыми обстоятельства сталкивали О. М. Сомова. Но имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы даютъ нѣкоторую возможность коснуться подробно отношеній его къ отдѣльнымъ писателямъ современникамъ.

Необходимо допустить, что обстоятельства ранѣе другихъ сблизили Сомова съ К. Ѳ. Рылѣвымъ и Александромъ Бестужевымъ. Съ 1824 г. началась совмѣстная служба Рылѣва съ Сомовымъ въ Россійско-Американской компаніи. Они жили у Синяго моста въ домѣ, занимаемомъ этою компаніей. Лучше всего отношенія Рылѣва и Сомова рисуются двумя извѣстными доселѣ письмами послѣдняго къ первому. Письма писаны въ ноябрѣ 1824 г., когда Петербургъ постигло наводненіе, воспѣтое Пушкинымъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ“, и когда Рылѣвъ проводилъ время въ имѣніи жены въ Воронежской губерніи. Приводимъ здѣсь письма. Первое (Ноября, 11 дня, 1824 г. С.-Петербургъ):

„Успѣваю только сказать тебѣ, почтенный и любезнѣйшій другъ, Кондратій Ѳедоровичъ, нѣсколько словъ о случившемся всеобщемъ бѣдствіи. Александръ ²⁾ взялся извѣстить тебя о собственно твоихъ потеряхъ; я буду молчать о моихъ, а скажу тебѣ вообще, что галерная гавань почти не существуетъ. По Петергофской дорогѣ деревни: Емельяновка, Екатерингофъ, Афтова и пр. разрушены; селеніе линейно-чугуннаго завода также. Вообще по той дорогѣ считаютъ до 600 человѣкъ утопшими, а въ городѣ донинѣ уже отыскано болѣе 1500 тѣлъ.

¹⁾ См. Русскій Архивъ. 1869 г., № 4-й, 053—063 стр.

²⁾ Бестужевъ.

Невскіе острова и прилежащія къ нимъ деревни перековерканы; Кронштадтъ также ужасно пострадалъ. Вода такъ быстро прибывала, что, пока мой человекъ успѣлъ добѣжать изъ комнатъ въ главное управленіе и спросилъ у меня: что дѣлать? то по возвращеніи насилу могъ войти въ комнаты и кое-что положить на шкафы, какъ уже вода поднялась до оконъ. За то книги, книги... Но я очень спокойно сносилъ бѣду и страдалъ не за себя. Александръ насилу вырвался изъ твоихъ комнатъ, гдѣ все убиралъ, и прибѣжалъ ко мнѣ на верхъ почти по колѣна въ водѣ. Кампанія сама по себѣ очень мало потеряла.. Бѣдный нашъ Корниловичъ пострадалъ съ своей „Стариной“, печатаемой у Гюста, за то и „Сѣверные Цвѣты“ подмокли въ луковицахъ и, вѣроятно, не скоро расцвѣтутъ. Александръ говоритъ, что они, вѣроятно, были прежде очень сухи, а теперь слишкомъ водяны. На сей же недѣлѣ получишь ты свои книги и тетради, которыя только что въ воскресенье получены отъ Корниловича. Онъ, какъ кажется, отдавалъ кому-то читать. Не можешь вообразить себѣ общаго бѣдствія, запустѣнія, неопрятности, беспорядка и зловонія: *Cela soulevait le coeur*, какъ сказалъ-бы французъ. Первый вечеръ городъ не былъ освѣщенъ; вездѣ разбило и сбросило фонари. Мы пріютились всѣ въ главномъ правленіи.. Всѣ жившіе въ нижнихъ этажахъ очень пострадали.

Второе (Ноября 25 дня, 1824 г. С.-Петербургъ):

„По общему совѣту съ Александромъ мы положили, что если и пошлемъ къ тебѣ Исторію Малороссіи и Войнаровскаго, то вѣроятно они не могутъ дойти прежде твоего отъѣзда изъ Воронежа, а потому *опредѣлили*: означенныхъ книгъ къ тебѣ не посылать, а нетерпѣливо ждать твоего сюда пріѣзда. Онъ по многимъ отношеніямъ необходимъ для Компаніи, по сближающемуся времени отправленія депешъ и промышленниковъ въ Америку; а для насъ, чтобы ты самъ распорядился нужными въ квартирѣ твоей поправками послѣ наводненія. Нѣкоторыя уже сдѣланы: печи исправлены, нѣкоторыя мебели по возможности приведены въ порядокъ; а за книгами имѣетъ хожденіе самъ Александръ. Я до сихъ поръ живу подъ гостепрійнымъ твоимъ кровомъ... Книги мои всѣ прѣются у печей; кромѣ шести, плававшихъ на столѣ и потому не подмокшихъ, всѣ прочія, кажется, вышли изъ библіотеки наядь... М. Кюхельбекеръ возвратился на „Аполлонъ“ изъ колоній нашихъ и до нельзя хвалить Муравьева, Хлѣбникова и др. Наши кутузъ въ горѣ: Ѳ. П. Уваровъ умеръ, и онъ не знаетъ еще останется ли при мѣстѣ... Оба наши директоры, а также и Кусовъ, когда бываетъ, безпрестанно о тебѣ спрашиваютъ и ждутъ нетерпѣливо твоего возврата. Александръ тебѣ кланяется. Онъ теперь ополчается на Воейкова всею силою драгунской своей полемики за переводъ „Осады Коринфа“ Байрона. Съ И. В. Прокофьевымъ мы очень дружны: я и Александръ обѣ-

даемъ у него довольно часто, и находимъ тамъ Булгарина, Греча, Батенькова и проч. и проч., вообще довольно много напихъ знакомыхъ“ 1).

Приведенныя письма подтверждаютъ, повидимому, признаніе Сомова на допросѣ 29 декабря 1825 г., что связи его съ Рылѣевымъ и Бестужевымъ А. были чисто литературныя.

Весьма отдаленно былъ знакомъ Сомовъ съ поэтомъ Е. А. Баратынскимъ, къ которому сохранилось одно слѣдующее письмо. (С.-Петербургъ, 15 января 1831 года):

„Съ чего начну я письмо мое, почтеннѣйшій Евгенийъ Абрамовичъ? Какими словами выражу вамъ жестокую истину, когда самъ едва могу собрать нѣсколько разсѣянныхъ, несвязныхъ идей: милый нашъ Дельвигъ—нашъ только въ сердцахъ друзей и въ памятникахъ талантовъ: остальное у Бога! Жестокая десятидневная гнилая горячка унесла у насъ нашего друга! Бѣдная вдова—да подкрѣпитъ ее Богъ! пока мѣсть сносить ужасную свою потерю съ геройскимъ самоотверженіемъ: видитъ, постигаетъ роковое событіе, но все еще хочетъ себя увѣрить обманчивою надеждой, помня и выражая святыя обязанности матери. Ударъ этотъ рушился надъ нами вчера, въ среду 14-го янв. въ 8-мъ часовъ вечера. Ради Бога! постарайтесь видѣться съ Михаиломъ Александровичемъ Салтыковымъ, если онъ по письму своего сына (о крайне опасномъ положеніи Барона) не отправился изъ Москвы; предупредите его: ибо сія смерть не можетъ не сдѣлаться гласною и въ Москвѣ, чрезъ газеты или чрезъ письма. Право, мысли мои и всѣ душевныя силы растерялись: не знаю, что пишу и что писать. Приготовьте Пушкина, который вѣрно теперь и не чааетъ, что радость его возмутится такою горестью. Скажите кн. Вяземскому, И. И. Дмитріеву и Михаилу Александровичу Максимовичу—и всѣмъ, всѣмъ, кто зналъ и любилъ покойника нашего незабвеннаго друга, что они болѣе не увидятъ его, что Соловей нашъ умолкъ на вѣчность.

Баронесса сама приказала мнѣ писать къ вамъ и къ Сергѣю Абрамовичу. Она тверда, но твердость эта неутѣшительна: боюсь, чтобъ она не слишкомъ круто переламывала себя. Вчерась она плакала, и ей было легче. Малютка здорова; но не спокойна, вѣроятно изъ испорченнаго молока своей кормилицы-матери. Въ субботу (17-го въ день именинъ покойника) мы отдали ему послѣдній братскій поцѣлуй на этомъ свѣтѣ. Утрата сія для меня горьче, нежели утрата ближня-

1) Письма заимствованы изъ Собранія сочиненій и переписки К. Ф. Рылѣева С.-Петербургъ, 1906 г, стр. 364—366.

го роднаго. Сердце мое сжато и слезы не даютъ дышать. (Весь вашъ О. Сомовъ) ¹⁾.

Авторъ статьи „Эпиграммы и пародіи на Е. А. Баратынскаго“ (Русск. Арх. 1901 г. № 2, 347—349 стр. ст. В. Б.) приписываетъ Сомову сатиру „Пѣвцы 15-го класса“ и эпигramму: Надпись къ портрету Баратынскаго“:

Онъ щедро награжденъ судьбой;
Ряемачъ безграмотный, но Дельвигомъ прославленъ!
Онъ унтеръ-офицеръ, но отъ побой
Дворянской грамотой избавленъ.

Въ кружкахъ С. Д. Пономаревой, Греча и Дельвига Сомовъ познакомился со многими поэтами своего времени. Сохранились слѣды особенной пріязни его къ поэту Ѡ. Н. Глинкѣ. Сохранился рядъ писемъ его къ послѣднему, находящихся въ архивѣ Общества Любителей Памятниковъ Древней Письменности ²⁾.

Эти письма имѣютъ важное значеніе для біографіи корреспондента и для объясненія многихъ литературныхъ явленій того времени.

Во 1-хъ, письма къ Ѡ. Н. Глинкѣ указываютъ намъ, что альманахъ „Подснежникъ“ въ 1829 году издавался Сомовымъ, вопреки заявленію г. В. Щастнаго въ № 48 *Сѣв. Пчелы* ³⁾, „Въ Альманахѣ *Подснежникъ*, изданномъ недавно нѣсколькими литераторами (а не Барономъ А. А. Дельвигомъ и О. М. Сомовымъ, ибо послѣдній принялъ на себя только трудъ редакціи), въ примѣчаніи къ переводу Фарша (стр. 17) вкралась опечатка“... Во 2-хъ, эти письма рисуютъ въ правильномъ свѣтѣ отношеніе О. М. Сомова къ „Литературной Газетѣ“ и къ бар. А. А. Дельвигу. Наконецъ, въ 3-хъ, эти письма свидѣтельствуютъ о сочиненіяхъ Сомова, изданныхъ отдѣльно, напр. „Разказы путешественника, „Книжка для дѣтей“.

¹⁾ Взято изъ книги г. Шляпкина: „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“ СПб. 1903, 134—135 стр.

²⁾ Мы узнали объ этихъ письмахъ, благодаря любезности А. І. Лященко, которому приносимъ сердечную благодарность.

³⁾ 1829 г.

Послѣ прочтенія писемъ легко понять, почему Н. Θ. Глинка напечаталъ въ *Сѣв. Пчелѣ* 1827 года (№№ 68 и 69) *Письмо изъ Петрозаводска къ О. М. Сомову*. Упоминаемый въ одномъ изъ писемъ Сибиряковъ есть крестьянинъ, освобожденный изъ крѣпостничества, благодаря усиліямъ и хлопотамъ Θ. Н. Глинка въ бытность его предсѣдателемъ правленія Общества Любителей Россійской словесности ¹⁾.

Сотрудничество съ бар. А. А. Дельвигомъ ввело Сомова въ большой кругъ знакомствъ. Кромѣ того, бывая на литературныхъ вечерахъ у Плетнева, Грена, Пономаревой С. Д., гр. Хвостова, онъ невольно знакомился съ различными лицами, прикосновенными къ литературѣ и искусству.

По дѣламъ „Литературной Газеты“ ему пришлось вести переписку съ очень извѣстнымъ въ свое время писателемъ и свѣтскимъ челоувѣкомъ, собиравшимъ вокругъ себя большой кругъ литераторовъ, кн. В. Θ. Одоевскимъ. Въ Императорской Публичной библиотекѣ сохранилось двѣнадцать писемъ Сомова къ этому князю, писанныхъ въ 1829—1831 г.г. ²⁾. Хотя эти письма касаются чисто личныхъ интересовъ князя, тѣмъ не менѣе они представляютъ и біографическій и историко-литературный интересъ.

Письма О. М. Сомова къ кн. Одоевскому свидѣтельствуютъ, во 1-хъ, о близкомъ участіи кн. В. Θ. Одоевскаго въ изданіи *Литер. Газеты*. Онъ не только самъ снабжаетъ газету своими статьями, но и указываетъ статьи Сомову для перевода и снабжаетъ его книгами журнала, сотрудничаетъ въ переводѣ.

Во 2-хъ, эта переписка раскрываетъ автора нѣкоторыхъ статей, напечатанныхъ въ *Литер. Газетѣ*. Такъ, въ № 13 ея за 1830 г. напечатана индѣйская сказка изъ книги *Ran-tchatatra*, подъ заглавіемъ *Глухіе*.

¹⁾ Объ этомъ подробности будутъ изложены въ монографіи моей посвященной упомянутому обществу.

²⁾ Приносимъ благодарность И. А. Бычкову за возможность ознакомиться съ ними.

Сказка напечатана безъ подниси переводчика, но имъ былъ кн. В. Θ. Одоевскій, какъ видно изъ письма отъ 28 февраля 1830 года. Въ письмѣ отъ 12 марта того же года упоминается статья Велланскаго, которая напечатана въ 16 №-рѣ *Литературной Газеты* за 1830 годъ, подъ заглавіемъ: „Замѣчанія на статью литературно-французскаго журнала: *Le Figet* — и подписью „Академикъ Д. Велланскій“.

Въ № 17 *Газеты* за тотъ же 1830 г. напечатана только одна статья: „Отрывки изъ журнала Доктора“, подписанная буквами *Гр.*, а изъ письма отъ 2 марта 1830 г. ясно, что эта статья принадлежитъ кн. В. Θ. Одоевскому.

Статья „О физическомъ дѣйствии музыки“, за подписью „Съ фр. Сомовъ“, появилась въ № 12 и 13 *Лит. Газеты* за 1830 г.; эту статью указалъ для перевода кн. Одоевскій въ упомянутыхъ письмахъ.

Необходимо упомянуть о дружескихъ отношеніяхъ О. М. Сомова къ своему земляку Михаилу Александровичу Максимовичу, извѣстному профессору-писателю. Нѣтъ сомнѣнія, что между земляками существовала въ концѣ 20 и началѣ 30-хъ годовъ XIX ст. оживленная переписка, но изъ нея пока удалось отыскать очень интересное письмо, сохранившееся въ „Матеріалахъ Кулиша“ и находящееся нынѣ въ рукописномъ отдѣленіи Импер. Академіи Наукъ (34. 7. 34). Вотъ оно (С.-Петербургъ, ноября 9-го дня 1831): ✓

„Виновать, сто разъ виновать передъ моимъ бездѣльнымъ землякомъ и за сомнѣнія, и за неумѣстные (хотя дружескіе) укоры послѣдняго моего письма ¹⁾. Пушкинъ и я челомъ вамъ бьемъ за столь живую жизнь *растений*, которая служитъ прелестнымъ *pendent* нѣкогда столь ярко блеснувшему *цветку*. Здѣсь столько же поэзіи, и еще больше разнообразной, хотя предметъ заключаетъ въ себѣ болѣе глубины философической. Я перечитывалъ нѣсколько разъ еще до печати — и не могу довольно начитаться. Аллегорія *Царевны* такъ мила, такъ ловко вставлена, что цѣлое кажется полною, прекрасною поэмой. Поцѣ-

¹⁾ Послѣднія слова прямо указываютъ, что въ архивѣ Максимовича должны храниться и другія письма О. М. Сомова. Г. В. Данилову удалось отыскать архивъ Максимовича и онъ на стр. Р. Ф. В. за 1908 г. напечаталъ нѣсколько писемъ Сомова къ профессору-литератору.

луйте за меня ручки вашимъ *уголовнымъ стихотворцамъ*; онѣ съ честію мною приняты и непременно всѣ ихъ пьесы будутъ помещены въ цвѣтахъ.. О *Ботаническомъ насестѣ* я здѣсь буду хлопотать и кажется, Богъ услышитъ мольбы мои. При Университетѣ здѣсь находится нѣкто Бонгардъ, ботаникъ Омте-Турнефортіанскій, т. е. изъ варварскихъ временъ науки; но онъ родня Ректора Дегурова (бывшаго (Дидоги?), отмѣннаго плута интриганта и проч.). Съ Лангеромъ я еще не видѣлся; но увижусь скоро, ибо сіе необходимо и для нашего дѣла. Газета точно *ужнула*; но въ будущемъ году я издамъ 6 книжекъ: литературы, критики, библиографіи и пр.; кто изъ подписчиковъ моихъ пожелаетъ ими замѣнить недоданные полгода газеты—тому и книги въ руки. Для прочихъ же будутъ они продаваться въ разбродъ по 5 р., а оптомъ, то есть за всѣ 6 книгъ, по 20 р., съ пересылкой по 25 руб.— О Сергіи Чудотворцѣ и чудесахъ его и Софіи Премудрости Божіей, я зналъ уже прежде, и недавно получилъ отъ нихъ письмо изъ Кирсанова. *Картинное* вамъ непременно доставлю при Сѣв. Цвѣтахъ; т. е. портреты Дельвига, Тумкина и Карамзина, также лишній экз. Цвѣтовъ и 10 экз. особыхъ оттисковъ статьи вашей. Статья о Мерзляковѣ—вашего усердновѣрнаго слуги и земляка; она есть, можно сказать, прелюдія къ моему предисловію собранія Русскихъ народныхъ пѣсень, коихъ знаю я, никому почти неизвѣстныхъ многое множество. Кстати, прилагаю при семъ давно вами желанную пѣсню о Богданѣ Хмѣльницкомъ.—Да читалиль вы *Украинскій Альманахъ*?—Тамъ есть нѣсколько малороссійскихъ пѣсень. Я познакомилъ бы васъ хотя заочно, если вы желаете того, съ однимъ очень интереснымъ землякомъ *Пасъчникомъ Панькомъ Рудымъ*, издавшимъ *вечера на хуторѣ*, т. е. Гоголемъ Яновскимъ, которому дуралей и литературный невѣжда и уродъ Полевой, рѣшилъ сказать: „Вы сударь москаль, да еще и горожанинъ, и пр. и пр.; не правда ли что Полевой совершенно оправдалъ Басню Крылова: *Оселъ и Соловей*? Но въ Лит. приб. къ Инвалиду, нѣкто *Никита Луговой*, высказываетъ, подъ личиною похвалы, самыя рѣзкія истины Полевому и его свѣдѣнія о Малороссіи выводитъ на чистую воду.—У Гоголя есть много Малороссійскихъ пѣсень, побасенокъ, сказокъ и пр. и пр., коихъ я еще ни отъ кого не слыхивалъ, и онъ не откажется поступиться пѣснями доброму своему земляку, котораго заочно уважаетъ. Онъ человекъ съ отличными дарованіями, и знаетъ Малороссію какъ пять пальцевъ; въ ней воспитывался, а сюда пріѣхалъ не болѣе какъ года три тому назадъ. Въ прошлогднихъ или лучше, нынѣшнихъ Цвѣтахъ былъ его отрывокъ изъ романа, въ газетѣ моей было то же нѣсколько статей его. Землячка ваша и маленькой землячекъ благодарятъ васъ за поклонъ—и низенько вамъ откланиваются. Землячекъ знаютъ и любятъ меня столько, сколько дивный инстинктъ родственныи допускаетъ сіе въ крошкѣ, коей исполнилось едва три мѣ-

сяца надняхъ; пробудясь ночью и увидѣвъ меня соннаго онъ вдругъ потянулся ко мнѣ съ какимъ-то душевно-радостнымъ: *axx! al!* Онъ смѣется очень мало, и всѣ посторонніе любятъся имъ, Я боюсь только, чтобъ онъ не былъ ребенкомъ слишкомъ раннимъ: такіа дѣти ни въ чемъ не надежны.

Благодарю васъ такъ же, милый землякъ, и за доставленіе стиховъ Языкова; мы и отъ него еще получили 3 пьесы! Всѣ очень милы, а эпиграма—такая правда, какъ нельзя больше. Не худо бы послать ее отсюда Н. А. Полевому для помѣщенія въ Телеграфѣ?

Прощайте, милый землякъ, и не здивуйте, что я такъ съ вами широковшателенъ. Я васъ люблю, досуга у меня довольно; *A bella cosa far niente* не моя добродѣтель. Прощайте: душевно преданный вамъ землякъ О. Сомовъ“.

„Въ этомъ пакетѣ милый мой землякъ найдетъ стихотворенія Байскаго Иванова. Прошу любить и жаловать“.

Письмо это представляетъ выдающійся интересъ. Во-1-хъ, мы узнаемъ нѣсколько новыхъ фактовъ изъ біографіи О. М. Сомова. Послѣ прекращенія „Литературной газеты“ въ 1831 году, онъ замышлялъ издать новый журналъ въ 6 книгахъ. Насколько извѣстно, этотъ литературный замыселъ остался безъ исполненія, чему причиною было, очевидно, болѣзненное состояніе нашего писателя, который умеръ въ маѣ 1833 г. Въ августѣ приблизительно мѣсяцѣ 1830 года онъ женился и черезъ годъ имѣлъ сына, о которомъ съ любовью говорить въ письмѣ къ Максимовичу.

Во-2-хъ, это письмо интересно потому, что подтверждаетъ псевдонимъ Сомова въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду *Никита Луговой*. Этотъ псевдонимъ Сомовъ избралъ для своей полемики съ Н. Полевымъ. Въ 3-хъ, оно интересно по свѣдѣніямъ о *Н. В. Гоголь*, который только что выбился на дорогу. О. М. Сомовъ, вѣроятно, познакомился съ Гоголемъ, когда послѣдній сдѣлался сотрудникомъ „Литературной Газеты“ бар. Дельвига. Какъ можно видѣть изъ „Писемъ Н. В. Гоголя“ (въ изданіи Маркса, подъ редакціей В. И. Шенрока), съ легкой руки Сомова у Гоголя завязалось тѣсное знакомство съ М. А. Максимовичемъ, перешедшее потомъ въ дружбу. Лѣтомъ 1832 года проѣздомъ черезъ Москву онъ познакомился съ профессоромъ-

ботаникомъ и сильно помогаль послѣднему въ изданіи сборника украинскихъ пѣсень ¹⁾.

Наконецъ, упоминаніе О. М. Сомова о статьѣ по поводу пѣсень Мерзлякова интересно для показанія того, насколько серьезно увлекался нашъ писатель этнографіей. Библиографическая замѣтка Сомова напечатана въ № 26 *Лит. Газетъ* за 1831 г., стр. 210—214 безъ подписи. Признаніемъ Сомова, что статья эта, вызванная изданіемъ Селивановскаго: „Пѣсни и романсы А. Мерзлякова“ (Москва 1830), принадлежитъ ему, подтверждается высказанное выше нами мнѣніе, что перу Сомова принадлежатъ и многія другія анонимныя статьи и статейки въ „*Лит. Газетъ*“. Библиографическая замѣтка Сомова интересна нѣсколькими мыслями о пѣсняхъ Дельвига и преимуществѣ ихъ предъ пѣснями Мерзлякова и Нелединскаго-Мелецкаго. По нашему мнѣнію, Сомовъ едва ли не первый изъ критиковъ установилъ правильную точку зрѣнія на означенныхъ подражателей народнымъ пѣснямъ.

Въ указанныхъ письмахъ Сомова не разъ упоминается имя Пушкина. Съ послѣднимъ нашъ писатель былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ. Особенно сблизило Сомова съ великимъ поэтомъ сотрудничество въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* и *Лит. Газетъ* бар. Дельвига. О близости Сомова къ Пушкину имѣемъ множество указаній. Такъ въ замѣткѣ своей по поводу альманаха Б. М. Федорова „Памятникъ отечественныхъ музъ“ (*Сѣверные Цвѣты* 1829 годъ, 35 — 36 стр.) О. М. Сомовъ пишетъ: „въ „Памятникъ музъ“ напечатаны отрывки изъ стихотворенія Пушкина *Фавнъ и Пастушка*, стихотворенія, отъ котораго поэтъ нашъ самъ отказывается и поручилъ намъ засвидѣтельствовать сіе передъ публикой“. Подъ 7 ноября 1831 годъ Никитенко занесъ въ свой „Дневникъ“ замѣтку такого содержанія: Вчера былъ на литературномъ обѣдѣ у Василя Николаевича Семёнова... Сомовъ принесъ мнѣ отъ А. С. Пушкина поклонъ и сожалеяніе, что въ послѣдній разъ у Плетнева (23 сентября)

¹⁾ Подробно объ отношеніи Сомова къ Н. В. Гоголю см. въ упомянутыхъ выше ст. г. В. Давилова Р. Ф. В. 1908. № 3.

не сошелся со мной”¹⁾. Мы имѣемъ указаніе, что Сомовъ пользовался покровительствомъ Пушкина задолго до сотрудничества у Дельвига. Такъ, въ письмѣ къ Дельвигу отъ 16 ноября 1823 г. онъ защищаетъ Сомова, названнаго въ одной сатирѣ безмундирнымъ за то, что послѣдній существовалъ исключительно литературнымъ трудомъ. „Сомовъ безмундирный,—пишетъ А. С. Пушкинъ,—непростительно. Провсѣщенному ли челоуѣку, Русскому ли сатирику пристало смѣяться надъ независимостью писателя”²⁾).

При такой близости Сомова къ Пушкину слѣдуетъ удивляться, что доселѣ не отыскано много писемъ перваго къ послѣднему. Въ письмѣ А. С. Пушкина къ Плетневу отъ 11 апрѣля 1831 г. изъ Москвы находимъ упоминаніе о длинномъ письмѣ Сомова къ поэту. Его доселѣ не отыскали въ бумагахъ. Только И. А. Шляпкинъ не такъ давно въ своей книгѣ: „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“ (Спб. 1903 г.) напечаталъ письмо Сомова къ Пушкину. Помѣщаемъ его здѣсь.

Спб. 20 ноября 1829 года.

„Возлюбленному о Христвѣ Брату радоватися! Послахъ азъ отрока моего (иже не отрочати подобно, паче-же мужеобразно сложеніе имать), да абіе принесетъ ти книги твоя, еже во спасеніе души и на потребу, отъ святыхъ отецъ начертана суть. Тѣмъ же молю тя, да усладиши слухъ твой духовный отъ словесъ Богодухновенныхъ, и да будетъ мысленнымъ воздремъ твоимъ въ воню аромата душеспасительное муро чудесъ, ихъ же Гдѣ Бгъ показа на угодныхъ своихъ. Обаче да некакоже преидеши молчаніемъ таковая, но да воспоеши пѣснь о тѣхъ отъ силетеній риторскихъ, ими же всещедрый Бгъ ущедри тя веліе, и сицевымъ же поганыи язычницы хитрестію шитійскою глаголють быти, злочестивіи же латиняне Роësis нарекоша. Паче же всѣхъ да воспоеши красноглаголивую пѣснь о житіи преподобнаго Іоанна Новгородскаго, иже на хребтѣ бѣсовѣ, ами на сѣдалищи констѣмъ, возсѣдѣ и во сѣый градъ Іерусалимъ потече спѣшно, утренивати утрениую глубокую въ день пасхи Гдѣни. Не точію же о томъ, но и о свѣтѣмъ угодници печерствѣмъ Іереміи Прозорливѣмъ, иже зрѣ бѣса, предъ ут-

¹⁾ Никитенко, Дневникъ. 1904 г., стр. 217.

²⁾ Переписка. 1906 г., т. I, 87 стр. изд. Академіи Наукъ

ренней на свиіи гонзающа и на спящихъ въ храмъ Бжіи молеельцевъ вѣтвіемъ иѣкимъ отъ былии тмы кромѣшныя метающа. Сія убо повѣждь намъ во стіхирахъ [иже грѣхъ нашихъ ради Баллады днесъ и присно нарицаются] гласомъ сладкопѣнія, ликовъ авѣлскихъ достойнымъ; но да не выну оскверниши устнѣ твоя, воспѣвая пѣснь дѣвамъ и блудницамъ языческимъ ниже кумиромъ ихъ: якоже Киѳиріи скверную похоть плотскую на блудъ разжизающей, ни Кинѳіи студная своя обнажающей и со псами на ловитву гонзающей, ни Евфросиніи, юже нечестивіи Еллины Харѳес, сирѣчь *льгота* нещуютъ быти.

„Сиде преклоняя колѣна, молю сердцевѣдца всѣхъ Бѣа да дастъ ти разумѣніе охотно и слышаніе бодрствено, во еже внити словесомъ моимъ во ушю твою, и да послеть ти ревнованіе и хотѣніе тепло во еже сотворити, о нихъ же рѣхъ азъ многогрѣшный. Тѣмъ же цѣлуя тя любовнѣ, емь и пребуду выну смиренный грѣшникъ и богомолецъ схимникъ Орестъ. Мѣсяца ноембрія въ ѣ день лѣта сотворенія зѣлдъ отъ рождества во плоти Гѣа Бога и Спаса нашего І. Х. раѣке

„Еще же молю да начертаеши словеса сія тростію памяти твоя на скрижалѣхъ сердца твоего, и да сокрыеши я въ тайбницѣ души твоея; абіе же, раздравъ рукописаніе сіе, да потребиши е на потребу студную: но да не како вдаси оное кощуномъ и богоотступнымъ чадомъ міра сего, глумленія (ради) надъ святыею и скверныхъ словесъ изbleванія ради. Писано бо есть: не мещите бисера передъ свиіями, да не убо поперуть его ногами. Обаче вѣмъ вѣліе благочестіе твое, и упование твердо на тя возлагаю.

„Здѣ же обрящеши и комедію отъ сложенія твоего: о міхаилѣ Трандафилѣ, о Николаи, рекомомъ Полевой, о Сергіи Скудельничіи (Глинкѣ), и о прочихъ, въ ней же первая персона Франтастей, сирѣчь Михайл Трандафилосъ, иже тобою заушенный, злѣ пострада. Сіе же посланіе да вручится благолѣпне честному Брату Александру, иже во схимницѣхъ Аполлонъ нарицается“.

Приведенное письмо интересно не только какъ указаніе дружескихъ отношеній Сомова къ А. С. Пушкину, но и какъ свидѣтельство о большой начитанности Ореста Михайловича въ памятникахъ древней письменности.

Приведенныя и упомянутыя здѣсь письма составляютъ только очень незначительную часть той обширной и разнообразной корреспонденціи, какую велъ Сомовъ, о чемъ можно догадываться, во-1-хъ, по кругу его знакомствъ, во-2-хъ, по должности редактора и ближайшаго сотрудника *Сверныхъ Цвѣтовъ* и *Литературной Газеты*. Можемъ догадываться, что Сомовъ переписывался съ Карлгофомъ, бар. Е. Ѳ.

Розеномъ, В. И. Туманскимъ и другими поэтами своего времени, но уцѣлѣла ли эта переписка, покажетъ время.

Какъ присяжный литераторъ и критикъ, Сомовъ въ свое время былъ довольно замѣтною величиною. Поэтому современная журналистика не могла не сохранить на своихъ страницахъ слѣдовъ его литературно-критической дѣятельности. И эта журналистика даетъ намъ обширный матеріалъ для сужденія, насколько Сомовъ въ свое время интересовалъ ближайшую братію, писателей, а черезъ нихъ и публику.

Въ то время, когда дѣйствовалъ, какъ журналистъ, Сомовъ, очень немногіе изъ писателей руководились при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній строго выработанными воззрѣніями. Субъективность воззрѣній и партійное пристрастіе— вотъ наиболѣе характерные признаки критики того времени. Даже наиболѣе видные представители русской критики за указанное время (20-е годы XIX ст.)—Шогадинъ, Н. Полевой, Булгаринъ, Шевыревъ—не чужды были, въ большей или меньшей степени, только что упомянутыхъ недостатковъ. Несмотря однако на недостатки, критическія статьи того времени, при всѣхъ колебаніяхъ и противорѣчіяхъ своихъ авторовъ, имѣли и имѣютъ свое значеніе. „Онѣ знакомили,—говорить г. Весинъ,—современную публику съ лучшими современными поэтами, показывали ихъ значеніе, объясняли, насколько было умѣнья, сущность ихъ поэзіи. Съ другой стороны, онѣ вырабатывали взглядъ на названныхъ поэтовъ и способствовали указанію мѣста, занимаемаго ими въ исторіи литературы. Нѣтъ сомнѣнія, что въ ихъ отзывахъ было много невѣрнаго, пристрастнаго, неяснаго, недосказаннаго...; тѣмъ не менѣе, была въ нихъ и значительная доля правды, которая была принята послѣдующими критиками и способствовала уясненію взгляда на... писателей“¹⁾.

Цитированное мѣсто вполне примѣнимо и къ дѣятельности Сомова: въ его статьяхъ много пристрастнаго, субъективнаго, неосновательнаго и голословнаго, но его статьи о

¹⁾ С. Весинъ, Очерки исторіи русской журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Спб. 1881 г., стр. 94.

Гоголь, о Горѣ отъ ума Грибоѣдова, о пѣсняхъ Мерзлякова, о романтизмѣ заключаютъ много вѣрнаго и принятаго послѣдующею критикою. Какъ и всегда бываетъ, современники иначе смотрѣли на дѣятельность Сомова: партійныя отношенія, случайныя обстоятельства поднимали подчасъ цѣлую бурю нападокъ на Сомова. Въ виду того, что эти нападки являются детальнымъ матеріаломъ литературныхъ нравовъ 20-хъ годовъ прошлаго вѣка, мы соберемъ здѣсь эти мелочныя данныя.

Прежде всего рассмотримъ отношеніе къ О. М. Сомову *Сына Отечества* и *Сѣверной Пчелы*, тѣхъ журналовъ, въ которыхъ онъ усиленно и постоянно сотрудничалъ довольно продолжительное время.

Ө. В. Булгаринъ, издатель *Сѣв. Пчелы*, достаточно полно охарактеризованъ Бѣлинскимъ, и потому о его пристрастіи и самохвальствѣ не будемъ распространяться. Сомовъ не избѣжалъ обычной литературной тактики Булгарина. Сперва, пока Сомовъ не высказывалъ о сочиненіяхъ его своего мнѣнія, не говорилъ о нихъ ничего невыгоднаго, издатель *Сѣв. Пч.* не нападалъ на него. Въ № 52 *Сѣв. Пч.* за 1825 годъ находимъ объявленіе о выходѣ въ свѣтъ отдѣльною книгою Записокъ Вутье въ переводѣ Сомова. „Дополнительныя статьи и азбучный указатель лицъ и предметовъ въ цѣломъ сочиненіи сдѣланы перев. О. М. Сомовымъ”.

Въ 1828 г. въ томъ же журналѣ (№ 1, 2, 3 и 4) Булгаринъ (подписано буквами *Ө. В.*) помѣстилъ статью: „Разсмотрѣніе Русокихъ Альманаховъ на 1828 годъ“. Въ этой статьѣ, разбирая *Сѣверныя Цвѣты*, онъ коснулся и Сомова. Назвавъ послѣдняго „ближайшимъ челоѣкомъ и сотрудникомъ”, онъ слегка журить его во-1-хъ, за то, что въ своемъ „Обозрѣніи словесности” за 1827 годъ, онъ не представилъ достаточныхъ доказательствъ въ подтвержденіе мысли о скудости нашей словесности; во-2-хъ, за неосновательность мысли о скудости другихъ литературъ; въ-3-хъ, за то, что онъ не называлъ журнала „*Дятскій Собесѣдникъ*“, который давался, какъ приложение, къ *Сыну Отечества*. Но Булгаринъ въ той же статьѣ еще больше наговорилъ похвалъ Со-

мову. Такъ, онъ находитъ много дѣльнаго въ изложеніи— „почему у насъ такъ мало книгъ“; лучшею частью „обозрѣнія“ считаетъ разсужденіе о состояніи нашей поэзіи, о стремленіи молодыхъ людей на поприще словесности и о причинахъ, замедляющихъ успѣхи словесности. А вотъ что говорить Булгаринъ о сочиненіи Сомова „*Гайдамаки*“. „Слогъ прекрасный и вездѣ выдержанный, языкъ правильный; мѣстности соблюдены въ точности; малороссійскіе обряды и житебыте списаны съ натуры. Въ этомъ отношеніи сей отрывокъ имѣетъ неопцѣненное достоинство“.

Въ № 5 за подписью: „*Издатель Сѣверной Пчелы*“ напечатана статья: *Опять отвѣтъ Г. Воейкову*. Въ ней Булгаринъ говоритъ, между прочимъ: „Совѣтуемъ Г. Воейкову не чуждаться Г. Сомова, а читать и перечитывать его переводъ *Записокъ Вутье о Греціи*, и другіе переводы и сочиненія, украшающіе разные журналы. Въ сочиненіяхъ и переводахъ Г. Сомова можно научиться Грамматикѣ, Логикѣ, правильному образу мыслей, истинно благородному—и словомъ многому. Вы много кое-чего не знаете, но Г. Сомова знаете!“.

Въ № 43 *Сѣв. Пч.* въ примѣчаніи къ рецензіи Сомова на книги *Записки Москвича* и *Чувствительное путешествіе по Невскому проспекту* Булгаринъ признается, что, прочитавъ въ № 3 *Сына Отеч.* отзывъ объ упомянутыхъ книгахъ, онъ нашелъ его слишкомъ строгимъ и просилъ „одного просвѣщеннаго литератора“ высказать свое безпристрастное мнѣніе, каковое и печатаетъ на страницахъ своей газеты.

Въ № 44, разбирая „*Подснѣжникъ*“ (Спб. 1829 г.), авторъ статьи безъ подписи (но, вѣроятно Булгаринъ) говоритъ: „Книжка не названа Альманахомъ, издатели не объявили именъ своихъ на заглавномъ листкѣ; однакожь мы можемъ увѣдомить любителей легкаго и занимательнаго чтенія, что это Альманахъ, изданный Г.г. Барономъ Дельвигомъ и Сомовымъ въ прибавокъ къ *Сѣвернымъ Цвѣтамъ*. Похваливъ затѣмъ *Оборотень* Сомова и *Русалку* Байскаго, онъ удивляется, зачѣмъ Сомовъ скрывается подъ псевдонимомъ. Совѣтуетъ ему писать сказки. „Кажется, что онъ (т. е. Со-

мовъ) поналъ на свое“. „Только мы совѣтовали бы Г. Сомову + Байскому неслишкомъ востриться, и рассказывать простымъ просто“.

Но вотъ съ начала 1830 года Сомовъ разошелся съ Булгаринымъ и перешелъ работать къ бар. Дельвигу, къ тому же онъ позволилъ себѣ не похвалить романъ Булгарина *Выжигинъ*,—и въ №№ 4 и 5 *Съв. Пчелы* за 1830 г., за подписью А. В. С., напечатанъ разборъ *Съверныхъ Цвѣтовъ* за 1830 годъ, полный нападокъ на Сомова, уже „не нашего сотрудника“.

А въ *Сынъ Отечества* за 1831 г. (ч. 140, XVI, стр. 313—319) появилась большая статья, направленная прямо противъ Сомова и озаглавленная: „*Бѣлое и черное, или семь пятницъ на недѣль*“. Эпиграфомъ къ этой статьѣ взяты слѣдующія слова народной пѣсни: „Цвѣли, цвѣли цвѣточки, да поблекли; любилъ меня милый другъ, да покинулъ!“ выражающія идею ея. Въ статьѣ подъ заглавiемъ: *Что сказано Г. Сомовымъ въ похвалу сочиненiй Ѳ. Булгарина, когда почтенный О. М. Сомовъ былъ сотрудникомъ периодическихъ изданiй Н. И. Греча и Ѳ. Булгарина*,—приводятся изъ „*Съв. Цвѣтовъ*“ на 1828 г., на 1829 и 1830 г.г. цитаты изъ статей Сомова съ благосклонными отзывами о сочиненiяхъ издателя *Съв. Пчелы*. Въ другой части той же статьи, подъ заглавiемъ: „*Что сказано Г. Сомовымъ въ порицанiе сочиненiй Ѳ. Булгарина, когда почтенный О. М. Сомовъ пересталъ быть сотрудникомъ периодическихъ изданiй Н. И. Греча и Ѳ. Булгарина*“,—приводится отзывъ Сомова о сочиненiяхъ Булгарина изъ *Съв. Цвѣтовъ* за 1831 г. Въ заключенiе сказано: „мы удерживаемся отъ всякихъ разсужденiй, не намѣрены говорить ни остротъ, ни колкостей... при разсмотрѣнiи сего литературнаго дѣла: оно... убѣждаетъ читателя, какую степень вѣроятiя должно имѣть къ нѣкоторымъ нашимъ критикамъ ¹⁾... Большимъ противникомъ Сомова съ 1828 г. заявилъ себя Воейковъ. Въ № I *Славянина*, издаваемого имъ, за 1828 г. (стр. 34 Смѣсь) появилась замѣт-

¹⁾ Ст. подписана буквою ъ.

ка: *Поправка опечатки въ № 153 Сѣверной Пчелы*. Въ ней читаемъ: „Слѣшимъ исправить важную опечатку, найденную нами въ № 153 *Сѣв. Пчелы*. Тамъ напечатано, будто бы Альманахъ *Сѣверныя Цвѣты*, издаетъ Баронъ Дельвицъ вмѣстѣ съ Г. Сомовымъ. Ни въ объявленіяхъ, ни въ заголовномъ листѣ сей книжки, нѣтъ этаго и быть не можетъ: ибо, между извѣстными отечественными писателями, нѣтъ Литератора сего имени, а Дельвигу, славному поэту, издателю лучшаго Русскаго Альманаха, другу *Пушкина* и *Баратынскаго*, неприлично товарищество писателя неизвѣстнаго. Каждый изъ отличныхъ Русскихъ прозаиковъ: *Плстневъ*, *Булгаринъ*, *Карлофъ*, Б. М. Федоровъ, почелъ бы себѣ за честь быть издателемъ *Сѣверныхъ Цвѣтовъ*.

„Покорнѣйше просимъ Г.г. издателей С. Ц... (почтить) увѣдомленіемъ... 2) дѣйствительно ли существуетъ на святой Руси Литераторъ *Сомовъ*? 3) Помнится, что въ 1820 году явился въ *Благонамѣренномъ* писатель сего имени, съ критикою на одно прелестнѣйшее стихотвореніе... Жуковскаго; но *Ө. В. Булгаринъ* сильною, основательною антикритикою въ С. О. тогда же уничтожилъ ее”.

Въ № V того же журнала, въ отдѣлѣ „Смѣсь“ (стр. 177—181) за подписью *Тароновъ-Бьлозеровъ*, появилась новая выходка противъ Сомова, подъ заглавіемъ: *Письмо къ Издателю Славянина, въ которомъ доказывается, что не только существуетъ на святой Руси Литтераторъ Г. Сомовъ, но что онъ знаменитый Прозаикъ и Пламенный Поэтъ*.

Вотъ что говорилось въ „Письмѣ“ о Сомовѣ: М. Г! „На послѣдней страницѣ № I *Славянина* вы изъявляете сомнѣніе о дѣйствительномъ существованіи *О. М. Сомова*: странно! чудно! — Положимъ, что вы могли забыть *Записки Вутъе о Греціи*, преложенныя Г. Сомовымъ: въ наше время, переводъ французской книжки не даетъ право на имя Литтератора, какъ это водилось предъ симъ лѣтъ за тридцать. — Положимъ, будто вы не помните, что сочиненія Г. Сомова удостоивались чести быть помѣщаемы въ *Благонамѣренномъ*, но возможно ли, но простительно ли человѣку, издававшему

два года *Сынъ Отец.*, пять лѣтъ *Новости Литературы*, шесть лѣтъ *Газету Русской Инвалидъ* и теперь издающему уже другой годъ Военно-Литературный Журналъ *Славянинъ*, незнать о блистательномъ лирическомъ твореніи *Ореста Михайловича*, которое напечатано подъ смиреннымъ названіемъ: *Vibi, или пьяный Латинистъ?*. Это бриллиантъ Россійской Поэзіи, озаряющій блескомъ своимъ свѣтлое Литтературное имя, немерцающими лучами сіяющее... Сіе стихотвореніе, въ родѣ *Анacreона*, *Горація* и *Державина*, есть конечно прелестная *бездѣлка*, обдѣланная руками Грацій, Музъ и Аполлона; но и *Душенька* есть бездѣлка, а Богдановичъ увѣнчанъ за нее лаврами; мелкія стихотворенія *А. С. Пушкина*, *Баратынскаго*, *И. И. Козлова*, также бездѣлки; но вы ихъ не забываете, а печатаете и перепечатываете въ своемъ *Славянинѣ*. Отъ чего же вы, *М. Г.*, не хотите отдать должнаго, великому поэтическому дарованію *Г. Сомова*? Но, можетъ быть, что вы, въ самомъ дѣлѣ, забыли о семъ *Диаврамбѣ*?”...

Приведа полностью стихотвореніе и подпись: „*Genuit Armand Gouffé „Reproduxit Orestes Somow”* г. Тароповъ-Бѣлозеровъ продолжаетъ: „Замѣтите, *Г. Издатель Славянина!* скромность Поэта; онъ выдаетъ сію пьесу за сочиненіе Французскаго Стихотворца Армана Гюфе, но я точно знаю, что это, собственное твореніе *Г. Сомова*: а вы хотѣли затмить свѣтлое Литтературное имя его, а вы дерзнули сомнѣваться въ его существованіи“.

Въ № VII ¹⁾ и VIII ²⁾ въ отдѣлѣ „Критики“ Воейковъ разбираетъ двѣ оригинальныя повѣсти *Василій Воинко* и *Гайдамакъ*. Первая повѣсть напечатана была въ *Невскомъ Альманахѣ* Аладына, а вторая—въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* Дельвига. Въ № 7 *Сѣв. Пчелы* *Н. Г. (Н. Гречъ)* „похвалилъ вторую, но похулилъ первую“. Воейковъ возражаетъ. По его мнѣнію, „оба сіи незрѣлые плоды малолѣтней Музы, сходны какъ двѣ капли воды. Разбирая повѣсть *Сомова Гайдамакъ*, Воейковъ приводитъ изъ замѣчаній *Булга-*

¹⁾ 267—270 стр.

²⁾ 302, 306 стр.

рина (№ 3 Сѣв. Пч.) шесть пунктовъ: 1) Гаркуша неизвѣстно почему отдастъ незнакому офицеру шкатулку съ брилліантами; 2) невѣроятно, чтобы Гаркуша разсылалъ въ ту же ночь своихъ слугъ; 3) польскіе обычаи и костелы описаны невѣрно Байскимъ и т. п. Отъ себя Воейковъ приводитъ два замѣчанія: 1) Богатый панъ Гриценко не позволилъ бы пріѣзжему поляку угощать своихъ гостей его дорожными винами и 2) Квѣтчинскаго гусарскаго полка тогда не было.

Возражаетъ придирчивый критикъ и противъ похвалъ Булгарина слогу *Гайдамака*. „Неужели, говоритъ онъ, десятковъ пять Малороссійскихъ словъ заставили Ѳ. В. Булгарина утверждать, что *Г. Байскій* хорошо изучилъ нравы и обычаи сего любопытнаго края?“

Указавъ нѣсколько отдѣльныхъ невѣрныхъ выраженій ¹⁾, Воейковъ спрашиваетъ: „Такимъ ли слогомъ написаны *Карамзина Бѣдная Лиза, Наталья Боярская дочь, Марѳа Посадница?* Укажите мнѣ въ *Гайдамакѣ*, хотя одно такое живописное описаніе, одно такое трогательное положеніе дѣйствующихъ лицъ, какія на каждой страницѣ встрѣчаются намъ въ *Марьиной рошѣ Жуковскаго?*“... „За что же О. М. Сомовъ, ядовито заключаетъ Воейковъ свою замѣтку, такъ расхвалилъ въ *Сѣв. Пчелѣ* сіе сочиненіе *Г. Порфирія Байскаго?* О литературная совѣсть!“

Въ № X (387—88 стр.) въ отдѣлѣ *Смѣсь* напечатана статья *Хамелеонистика*, принадлежащая, очевидно, Воейкову. Въ ней указываются противорѣчія Сомова самому себѣ Въ 11-мъ *Сѣверной Пчелы*, на 1827 годъ изданной, сказано: „*Волшебный садъ*, стихотворная фантазія А. Глѣбова, въ замысловатыхъ стихахъ изображаетъ чародѣйство Искусствъ-часы, находящіеся въ Эрмитажѣ Императорскаго Зимняго Дворца“... О пьесѣ далѣе сказано: „сія стихотворная пьеса служитъ истиннымъ украшеніемъ того Альманаха, въ котормъ помѣщена она“.

„*Примѣчаніе*. Сіе сочиненіе А. Н. Глѣбова напеча-

¹⁾ У Байскаго: „Убирали жатву“ Воейковъ замѣчаетъ: „Говорятъ: убираютъ хлѣбъ, жнутъ пшеницу, жатва поспѣла“. Ясно изъ этого примѣра, какъ несправедлива была критика Воейкова.

танó въ *Съверныхъ Цѣптахъ*. Вышеприведенную похвалу сему Поэту написалъ *О. М. Сомовъ*“.

Въ „Обзорѣ Россійской Словесности“ за 1827 г. увѣряютъ, по Литтературной Совѣсти, что „статья о „*Памятникахъ Отечественныхъ*, соч. тѣмъ же *А. Н. Глбовымъ*, писана на какомъ-то неизвѣстномъ нарѣчїи Славянскаго языка, только не по Русски“.

Кто же далъ такой, совершенно противоположный первому приговоръ объ одномъ и томъ же Писателѣ? Тотъ же самый *О. М. Сомовъ*.

„*Примѣчаніе*. Статья объ *Отечественныхъ Памятникахъ* была помѣщена въ *Славянинъ*; издателемъ *Славянина*—Воейковъ. Теперь, безпристрастные читатели, вы можете сами вывести заключеніе”.

Несмотря на выше приведенные отзывы о произведенїяхъ Сомова, Воейковъ напечаталъ въ отдѣлѣ: *Библиографія*, подь № 13, (Слав. № XVII, 157 стр.): *Записки полковника Вутѣ о нынѣшней войнѣ Грековъ. Переводъ съ франц. Ореста Сомова. СПб. 1825*. Въ этомъ же отдѣлѣ, по заявленію издателя,—„будутъ печататься только заглавія такихъ книгъ, которыя чистотою языка, прелестью слога, полезнымъ или прїятнымъ содержаніемъ, достойны благоволенія Любителей Наукъ и Отечественной словесности”.

Продолжая выискивать промахи Сомова, Воейковъ въ № XXXII (стр. 224—225) *Славянина* напечаталъ замѣтку, подь заглавіемъ: *Находка*. Вотъ въ чемъ она состояла: „С. О. 1820, 1821 и 1822 годовъ блистала стихотворенїими *Жуковскаго*, *А. С. Пушкина*, *Баратынскаго*, но и при нихъ, какъ Сиріусъ между звѣздами, замѣтно было лучезарное сіяніе стихотворенїа: *Охотникъ до лакомаго стола*, переведеннаго изъ *Дежозѣ великимъ Сомовымъ*. „Между прочими достоинствами сей пьесы, поставляемъ на видъ смачное свое нравїе Поэта, по единой прихоти переносащаго ударенїа съ одного слога на другой и тѣмъ поражающаго и ухо, и умъ читателя; но всего болѣе Грамматику. На примѣръ:

Бѣгаётъ онъ отъ пьяныхъ.

Къ повару мое почтенье.

Скѣтертью меня навроютъ; и проч.

Два стиха, коими оканчивается сіе стихотвореніе, могутъ служить для преподающихъ юношамъ Пѣтику, образцомъ чудной перестановки словъ (inversion). Вотъ они:

Онъ одинъ съ желудкомъ полнымъ

Изъ Поатовъ жизнь скончадъ,

Въ № V *Славянна* за 1829 г. (213 стр.) появилась новая, уже совершенно неприличная выходка Воейкова противъ Сомова: „Яша дурачекъ, подражаніе *Ореста Михайловича Сомова* французскому Jacques l'ediot (Съв. Пч. 1828 г. № 135) весьма естественцо. *Г. Сомовъ* совершенно вошелъ въ характеръ французскаго дурака. Глуное чванство, высокое мнѣніе о своемъ умѣ, болтовство, которое этотъ сумасбродъ почиталъ за краснорѣчіе, — точь въ точь переданы *Г. Сомовымъ* Русскимъ его читателямъ. Хвала и честь подражателю!”

Въ № IX и X (стр. 346—348) Воейковъ, приведя отзывъ ¹⁾ Галатеи (№ 8) о Сомовѣ и соглашаясь съ нимъ, недоумѣваетъ, какими блистательными красотами заслужила похвалу издателя—Раича поѣстъ О, М, Сомова—*Вывѣска*. Ему кажется, что это *Вывѣска*, какъ вывѣска!

Въ №№ XXXVIII и XXXIX (439 — 452) въ статьѣ *Двойная хамелеонистика* Воейковъ не могъ не уязвить Сомова. „Конечно, *Г. Завѣтный* несправедливо оскорбилъ почтеннаго *П. А. Плетнева*, поэта и прозаика весьма хорошаго, и обидно отозвался о Баронѣ *Дельвицъ*, котораго справедливо можно упрекнуть только излишнимъ мягкосердіемъ, заставившимъ его изъ жалости впустить въ его превосходный альманахъ безталанныя произведенія *Ореста Михайловича Сомова*. Тускъ *Сомова* вредитъ блеску Сѣверныхъ Цвѣтовъ и, сколько намъ извѣстно, читатели весьма негодуютъ за то, что они, платя за нихъ 10 руб., покупаютъ, вмѣсто ожидаемаго удовольствія, по крайней мѣрѣ на 5 р. скуки. Они говорятъ, что альманахъ не богадѣльня и не кабинетъ уродовъ”.

Въ №№ II и III (стр. 150—154) въ своей *Хамелеони-*

¹⁾ Онъ приводится ниже,

стихи Воейковъ возражаетъ на упомянутую уже нами статью Булгарина въ № 5 *Съв. Пчелы* за 1828, въ которой совѣтовалось Воейкову поучиться у Сомова грамматикѣ, логикѣ, правильному образу мыслей. Издатель *Славянина* говоритъ, что въ 1828 г. Сомовъ былъ сотрудникомъ Булгарина и Греча и молчалъ объ ихъ литературныхъ промахахъ изъ уваженія къ хозяевамъ своимъ. Но слѣдуетъ развернуть *Съв. Пчелу* нынѣшняго (т. е. 1830) года и въ № 4-мъ прочтемъ: „*Съверные Цвѣты* на 1830 г. Почти всѣ прозаическія статьи и стихи прекрасны; но издатели... развели составъ на водѣ, подмѣшавъ въ книжку ровно третью часть знаменитаго обзорѣнія... Русской словесности *Ореста Мих. Сомова*“. Увѣдомивъ читателей, что Сомовъ не состоитъ уже сотрудникомъ Булгарина и Греча, Воейковъ продолжаетъ: „Могутъ ли наши журналы итти хорошо безъ сотрудничества О. М. Сомова? Слышно уже, что издатели *Съверной Пчелы* и *Сына Отечества* въ крайнемъ отчаяніи“. Приведа указаніе Булгарина и Греча: „При семъ долгомъ поставляемъ опровергнуть самую несправедливую выходку издателя *Славянина* противу *О. М. Сомова*. Г. Воейковъ сомнѣвался, что на Руси существуетъ писатель сего названія. Подтверждаемъ его существованіе на поприщѣ литературы стихами изъ *Горя отъ ума*:

Въ журналахъ можетъ однако отыскать,
Его *отрывокъ*, *взглядъ* и *нѣчто*
Объ чемъ бишь нѣчто?—Обо всемъ!—

приведа это указаніе, Воейковъ упрекаетъ Булгарина и Греча въ противорѣчьи этого отзыва о Сомовѣ съ тѣмъ, какой давался въ 1828 г. „Прежде Сомовъ ратовалъ съ *Погодинымъ* и *Арицабашевымъ* въ ящикъ *Сына Отечества*, а нынѣ разразился въ своемъ Обзорѣніи. Сужденія *Г. Сомова* объ исторіи таковы, что при мысли о нихъ, у насъ невольно родилось восклицаніе стихами:

Чтобъ Карамзинъ сказалъ, когдабъ теперъ онъ ожилъ?
Кто защищалъ его, кто прахъ его тревожил!

Еще болѣе рѣзкимъ нападкамъ подвергался Сомовъ со

стороны издателя и довольно плодовитого писателя М. Бестужева-Рюмина въ литературной газетѣ „*Съверный Меркурій*“. Эта газета, невыходившая аккуратнo, можетъ считаться помощницею Воейкова въ походѣ противъ нашего писателя. Первые шаги *Съвернаго Меркурія* по выходѣ въ свѣтъ (1830-й годъ) связаны съ именемъ Сомова. Въ „Смѣси“ № 3 (9 – 12 стр.) въ статьѣ объ альманахѣ *Съверные Цветы*, нападая на Сомова за его „Обозрѣніе“ русской словесности за первую половину 1829, Бестужевъ-Рюминъ проситъ его сдѣлать двойную сбавку въ слѣдующихъ своихъ обозрѣніяхъ. Эту просьбу онъ выражаетъ въ стихахъ, передѣлавъ эпиграмму Вяземскаго:

Орестъ услужливый въ душѣ,
 Съ двухъ полугодій намъ одно (спасибо!) сбавиль:
 Читатели теперь конечно въ барышѣ;
 Но для чего же онъ послѣднее оставиль?..

А вотъ реплика противъ Сомова: „Неужели Г. Сомовъ не чувствуетъ, что онъ противосовѣстными сужденіями въ своихъ Обзорахъ и Обозрѣніяхъ, возбуждаетъ негодованіе всѣхъ благомыслящихъ и просвѣщенныхъ людей, а рѣзкими образцами безвкусіа и неудалого авторства—всѣхъ смѣшить?... Написавъ нѣсколько сказочекъ, изъ коихъ двѣ, или три удачно сошли у него съ рукъ, Г. Сомовъ угорѣлъ въ чаду авторскаго самолюбіа, и возмечталъ о себѣ, что онъ Русскій Вальтеръ-Скоттъ. Не взирая ни на какія преграды, изъ коихъ главная поставлена самою даже природою, (ибо для оцѣнки произведеній Словесности и дарованій хорошихъ Писателей, требуется, чтобъ Критикъ самъ былъ одаренъ собственными Преимуществами ума и вкуса, въ коихъ нашъ Вальтеръ-Скоттъ очевидно ограниченъ), Г. Сомовъ силится пробить себѣ тропу къ несвойственному для него поприщу, но тщетно: ни общій голосъ просвѣщенной публики, ни торжественныя оглашенія Журналистовъ, ни *печатныя* увѣщанія Ѳ. В. Булгарина (Сѣв. Пч. № 1, 2 1828 г., № 6 1829)...

Ничто не тронуло души его холодной!..

и онъ, Г. Сомовъ, къ негодованію всего читающаго человѣче-

скаго рода, по прежнему явился въ нынѣшней книжкѣ Сѣверныхъ Цвѣтовъ съ толкованіями своими объ отечественной Словесности. Въ нынѣшней статьѣ, какъ и въ прежнихъ... онъ жуетъ тупыми зубами произведенія нашихъ Писателей, и изумляетъ отличительными признаками своего безвкусія. Въ ней, какъ и въ тѣхъ, онъ... имѣлъ цѣлю одно: разхвалить *do nec plus ultra* пріятелей своихъ, поддерживающихъ его литературное имя, и разбранить *do nec plus ultra* противниковъ своихъ, обязанныхъ, по долгу совѣсти, говорить ему правду. Но что всего забавнѣе: въ нынѣшнемъ своемъ Обзорѣни Словесности, Г. Сомовъ принялся разсуждать.. о тонѣ высшаго круга обществъ обѣихъ Столицъ!.. Гдѣ Г. Сомовъ подсмотрѣлъ или подслухалъ этотъ *тонъ*”...

Въ № 9 нѣкто *Аристархъ Зав(вѣтныи)* ¹⁾ помѣстилъ статью (35—36 стр.), направленную противъ Сомова и озаглавленную: „*Ничто о новомъ литературномъ поприщѣ, на которое поступаетъ знаменитый Писатель, О. М. Сомовъ*“...

Выишемъ здѣсь сущность этой статьи. „Какъ рады мы случаю принести должную дань хвалы почтенному Оресту Михайловичу, и превознести великія его дарованія передъ всѣмъ просвѣщеннымъ свѣтомъ!.. Наконецъ-то попалъ почтеннѣйшій Орестъ Михайловичъ на стезю, по которой онъ быстрыми шагами дойдетъ до Храма Славы и увѣнчается въ немъ на хвалу и удивленіе внимательнаго потомства вѣчно цвѣтущимъ лавромъ безсмертія! — Какой благодатный Геній внушилъ ему сочинять Русскія сказки, т. е. передѣлывать старую погудку на новый ладъ! — До сего времени на этомъ блистательномъ поприщѣ подвизались только брадатые продавцы книжнаго издѣлія, разгуливающіе по обширной Россіи съ любопытными повѣствованіями о неимовѣрной и неслыханной силѣ знаменитаго рыц. Францыля Венеціанскаго... отнынѣ же, къ общему горю сихъ брадатыхъ любителей просвѣщенія, и къ общему удовольствію всѣхъ друзей отечественной Словесности... будетъ заниматься въ семь родѣ нашъ

¹⁾ Псевдонимъ Б.-Рюмина.

Вальтеръ-Скоттъ Орестъ Михайловичъ Сомовъ, ученѣйшій, трудолюбивѣйшій и знаменитѣйшій изъ всѣхъ Русскихъ Писателей... Несомнѣнно, что онъ, сдѣлавъ блистательные успѣхи на семъ новомъ поприщѣ, увеличитъ знаменитость свою въ литературномъ свѣтѣ, подвинетъ впередъ нашу словесность по крайней мѣрѣ на полвѣка... Мы предрекаемъ Оресту Михайловичу многихъ усердныхъ послѣдователей, которые примутся перекладывать стихотворную его прозу на свои прозаическія вирши!..

Но въ томъ же *Сѣверномъ Меркуріи* (№ 23, 89 — 92 стр.) встрѣчаются и похвальные отзывы о Сомовѣ. Такъ, разбирая альманахъ *Денница* на 1830 г., изданный М. Максимовичемъ, останавливаются на повѣсти Сомова: „Лучшее въ прозѣ сего Альманаха есть: *Ночлея Гайдамаковъ*, отрывокъ изъ Малороссійской повѣсти: *Гайдамаки*, давно уже сочиняемой О. М. Сомовымъ. Мы съ удовольствіемъ прочитали эту статью: хорошій слогъ и занимательность содержанія, два существенныя въ ней достоинства“. Впрочемъ „Сказки“ Сомова всегда подвергаются нападкамъ. Напр. въ № 46, стр. 181—184 и въ № 47, стр. 185—187 нѣкто подписавшійся К. Н. Т — ой, разбирая *Невскій Альманахъ* на 1830 г., останавливается на „*Сказкахъ о кладахъ П. Б. Байскаго*“ и на *Сказаніи о храбромъ Витязѣ, Укромѣ Табуницкитъ, О. М. Сомова*.

О первомъ произведеніи говорится слѣдующее: „П. Б. Байскій прекрасный человекъ и хорошій Писатель: это я всегда скажу, хотя бы онъ былъ заклятымъ мнѣ врагомъ. Только скажу и то, что онъ часто въ твореніяхъ своихъ весьма словоохотень. . Въ этихъ *Сказкахъ о кладахъ* есть дѣйствительно много хорошаго, но это хорошее надобно отрывать въ нихъ, какъ кладъ. Вѣрите ли, что эту статью я насилу одолѣлъ въ шесть приемовъ? Возьму, прочту страничекъ 15 и засну: такъ усыпительно, какъ нельзя болѣе“.

„Сказаніе“ побудило рецензента повторить то, что Бестужевъ-Рюминъ высказалъ по поводу писанія Сомовымъ сказокъ вообще, и что обнаруживаетъ непониманіе со стороны рецензента того здороваго направленія русской литературы, которое вы-

разилось въ обращеніи къ народнымъ источникамъ. „Чудесное произведеніе!... говоритъ рецензентъ. Жаль, что оно напечатано не въ своемъ мѣстѣ. Эти вещи для Альманаховъ совсѣмъ не годятся: ихъ надобно печатать особливо, ибо онѣ усердно раскупаются тою частью читающей нашей публики, которая занимается повѣствованіями о знаменитыхъ подвигахъ славныхъ Витязей: Еруслана Лазаревича, Бовы Королевича, и другихъ“. Неразборчивый въ средствахъ борьбы, Бестужевъ-Рюминъ часто касался нѣкоторыхъ событій личной жизни О. М. Сомова, освѣщая ихъ съ своей точки зрѣнія. Если что и можетъ служить ему оправданіемъ въ такого рода пріемахъ полемики, то единственно заглавіе статьи „Сплетница“ (№ 50, 198—199 стр.), указывающее истинный характеръ свѣдѣній, въ статьѣ сообщаемыхъ.

Въ этой статьѣ, вообще интересной для характеристики нравовъ журналистики того времени, авторъ выводитъ Дельвига подъ видомъ Аделаиды Антоновны Габенихтиной, Сомова—Василисы Михайловны Китовой, Греча М. И. Крупиной, Булгарина—Э. В. Критиковской.

Вотъ что написано о Сомовѣ въ „Сплетницу“: „Хотя и есть при Аделаидѣ Антоновнѣ одна смышленная мастерица, по имени Василиса Михайловна Китова, которую она нанимаетъ для соблюденія всегдашней исправности въ своемъ магазинѣ; которою она во всемъ руководствуется, и считаетъ за благо слѣдовать просвѣщеннымъ ея совѣтамъ, совершенно надѣясь на ея смѣтливость и якобы отличное знаніе своего дѣла—но и на Вас. Мих. часомъ находитъ, какъ говорится, столбнякъ. Эта Вас. Мих., за нѣсколько предъ симъ временемъ, жила въ магазинѣ М. И. Крупиной и Э. В. Критиковской также въ званіи мастерицы, но за чрезмѣрное требованіе себѣ жалованья (за такіе труды, которыхъ не творила, и за такія способности, которыхъ не имѣетъ,) за великое хвастовство о своихъ знаніяхъ и за нѣкоторыя несправедливыя дѣла,—получила отъ нихъ увольненіе съ не весьма одобрительнымъ аттестатомъ, и поступила во вновь открывшійся магазинъ Адел. Ант., которая... имѣла въ ней необходимость. Вас. Мих. востребовалась для нея, какъ такая особа, кото-

рая можетъ замѣнить собою нѣчто въ родѣ Секретаря, подобнаго тому Секретарю, о коемъ гласить извѣстная басня знаменитаго нашего И. А. Крылова, подъ названіемъ „*Оракулъ*“...

Въ № 75 (297—298 стр.) *Сѣв. Мерк.* находимъ загадку нерасположенія г. Бестужева-Рюмина къ О. М. Сомову. „Какой-то Аристархъ Завѣтный ¹⁾... говорится въ „Смѣси“ упомянутаго номера, вздумалъ напечатать въ Сѣв. Звѣздѣ мысли и замѣчанія свои объ отечественной Словесности. Въ этой статьѣ онъ обнаружилъ такія истины, которыя, до того времени, хотѣли скрыть отъ общаго вниманія. Аргусъ нашей Словесности, всевидящій Г. Сомовъ, такъ внимательно обозрѣвающій наши журналы, и бывший тогда старшимъ Смотрителемъ при библиографической статьѣ Сѣверной Пчелы ²⁾,—по свойственному ему сердоболію, вошелъ въ положеніе нѣкоторыхъ своихъ пріятелей.... Онъ, всевидящій Г. Сомовъ, торжественно укорялъ въ то время означеннаго Аристарха Завѣтнаго литературною близорукостью, и совѣтовалъ ему положить на себя завѣтъ, не быть ни Аристархомъ, ни Писателемъ. Такая любовь къ ближнему въ Г. Сомовѣ достойна всякой похвалы“... Личные счеты побуждали Бестужева-Рюмина постоянно слѣдить за произведеніями Сомова и выставлать ихъ передъ читателями Сѣверн. Меркурія въ дурномъ освѣщеніи. Такъ въ статьѣ „*Смотрѣ Журналамъ*“ (№ 97, стр. 75), помѣченной какъ сообщеніе Мавр. Вл. Томской, читаемъ. Въ № 44 *Лит. Газ.* печатается *Страшный Гость* Г. Сомова, гдѣ описывается сонъ одного литов. пана Венжевича. „Нынѣ въ Авторахъ слишкомъ мало изобрѣтательности, и отъ того, вѣроятно, мы часто встрѣчаемся съ описаніями сновъ въ стихахъ и прозѣ. Прочитавъ „*Страшнаго гостя*, невольно вздумаешь спросить у Г. Сомова: на яву-ли написана имъ эта статья?..

¹⁾ Псевдонимъ Бестужева-Рюмина.

²⁾ Вотъ свидѣтельство современника, подтверждающее высказанное выше мнѣніе о томъ, что многія статьи въ Сѣв. Пчелѣ, подписанныя буквою С, принадлежатъ Сомову.

Даже не литературные труды Сомова давали Бестужеву-Рюмину поводъ изощряться въ нападкахъ. Въ № 111 *Ств. Меркурія* (стр. 131—132) помѣщена слѣдующая замѣтка по поводу книги: *Abrégé de la Grammaire française*. Par. E. Lefranc (Краткая Французская Грамматика, Соч. Е. Де-франка) СПб., въ Типографіи Гинце, 1830.

„О. М. Сомовъ, хорошо знающій Французскій языкъ, перевелъ сію Грамматику на Русскій языкъ, и за сей общенольный трудъ свой заслуживаетъ совершенную признательность отъ всѣхъ благомыслящихъ соотечественниковъ, а особенно отъ наставниковъ, преподающихъ нашему юношеству Французскій языкъ”. Похваливъ Сомова за трудолюбіе, рецензентъ продолжаетъ: . . . „Не смотря на великія занятія, которыми обремененъ по званію Главноуправляющаго грамматическою частию Литературной Газеты, онъ находитъ время и для другихъ литературныхъ упражненій, которыхъ у него такъ много, что не перечестъ въ добрыя полчаса. Бывъ самымъ ревностнѣйшимъ участникомъ въ изданіи Лит. Газеты, онъ въ то же время исполняетъ обязанности свои по званію Издателя *Сѣв. Цвѣтовъ*, для украшенія коихъ готовитъ Обзорніе Русской Словесности за 12 мѣсяцевъ, въ которомъ достаетъ всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, и въ которомъ онъ тщательно обглядитъ каждого Литератора съ ногъ до головы и каждое произведеніе съ начала до конца. Сверхъ всей многотрудной и разнообразной работы по Журналу и Альманаху, почтеннѣйшій Орестъ Михайловичъ находитъ время для прочтенія почти всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на Русскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ, Испанскомъ, Польскомъ и Шведскомъ языкахъ, пишетъ на нихъ рецензіи и многое переводитъ изъ нихъ; кромѣ того, Орестъ Михайловичъ создаетъ въ своемъ воображеніи многія любопытныя вещи и передаетъ ихъ читателямъ своимъ въ видѣ разсказовъ путешественника... Кромѣ того, Орестъ Михайловичъ пишетъ большой романъ: *Гайдамаки*; пишетъ нравоучительныя дѣтскія повѣсти; пишетъ Русскія сказки; пишетъ многія повѣсти въ разныхъ родахъ, и даже (говоримъ за тайну!), даже и стишки иногда пописываетъ! Кромѣ того, Орестъ Михай-

ловичъ находить время для составленія критическихъ статей, помѣщаемыхъ въ Лит. Газетѣ”...

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что Бестужевъ-Рюминъ, постоянно нападавая на Сомова, перепечатывалъ его переводы, напр., въ № 49, стр. 193—196, напечатано переведенное Сомовымъ англійское сказаніе „*Невѣста Роберта*“.

Журналы, редакторы-издатели которыхъ не имѣли личныхъ счетовъ съ Сомовымъ, давали болѣе объективные и безпристрастные отзывы. Въ дальнѣйшемъ изложимъ, для полученія болѣе правдивой картины результатовъ дѣятельности Ореста Михайловича, эти отзывы.

Въ *Московскомъ Вѣстникѣ* Погодина (ч. II, 1827, № V, стр. 83) критикъ *из* (= Кирѣевскій?), разбирая альманахи на 1827 г., говоритъ о *Гайдамакахъ* Сомова ¹⁾ такъ: „Гайдамакъ... переносить насъ въ край Мало-Россіи и довольно живо изображаетъ прежній бытъ тамошнихъ баръ, простолюдиновъ, жидовъ, тамошнія ярмарки, тамошнихъ разбойниковъ. Но для этой картины, довольно обширной, сочинитель боялся, кажется, истощить запасъ своихъ красокъ, и скупъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Его повѣсть написана хорошимъ слогомъ, но самый вымыселъ не удовлетворяетъ чувству, съ которымъ принимаешься за романъ или повѣсть; и сочинитель, какъ нарочно, очень коротко познакомилъ читателей съ корыстолюбивымъ жидомъ для того, чтобъ вскорѣ... сбросить его со сцены происшествія въ воду съ тяжелымъ жерновомъ...“

Въ замѣткѣ о повѣсти *Байскаго* „Юродивый“ (М. В. 1827, № XII, 379 стр.) сказано: „Ежели случай съ *Юродивымъ* есть точно Малороссійская быль, то читателямъ занимательно будетъ встрѣтить въ дѣйствительности сцены романовъ Вальтера Скотта: они вѣрно вспомнятъ подобныя въ *Антикваріѣ* и *Таинственномъ Карлѣ*“ (подп. *инз*).

Въ 1828 г. *Моск. Вѣстникъ* также далъ нѣсколько отзывовъ о произведеніяхъ Сомова. Въ № 2-мъ (185—201) въ

¹⁾ Ошибочно приписаны Карлгофу.

статьѣ „*Русскія книги*” самъ Погодинъ, говоря о *Съв. Цвѣтахъ*, замѣчаетъ: „Лучшая изъ всѣхъ прозаическихъ піесъ... есть *Гайдамакъ*, отрывокъ изъ малоросійской повѣсти Г. Байсаго. Вѣрное и подробное изображеніе Малоросійскихъ нравовъ составляетъ главное достоинство сего романа.. Настоящій отрывокъ имѣетъ въ себѣ болѣе цѣлости, чѣмъ первый, напечатанный въ *Невскомъ Альманахъ* прошедшаго года. Въ немъ яснѣе обозначается характеръ Гайдамака: мы догадываемся, что Авторъ хочетъ изобразить въ немъ великодушнаго разбойника.. Замѣтно однако, что нѣкоторыя не совсѣмъ объясненныя мѣста разсказа показываютъ еще недостатокъ искусства въ Авторѣ”.

„Худшая изъ всѣхъ піесъ въ прозѣ есть *Обзоръ Россійской Словесности* Г. Сомова. Это каталогъ книгъ вышедшихъ въ 1827 г., сшитый на живую нитку. Прочитавши сію утомительную статью, чувствуешь какую-то непріятную пустоту въ душѣ. Не знаешь, съ какой точки зрѣнія смотритъ Авторъ на произведеніе Словесности. Онъ основывается на какомъ-то внутреннемъ убѣжденіи и хвалитъ Сына Отечества, Сѣверный Архивъ и Московскій Телеграфъ безъ всякаго разбора... У Автора все или хорошо и соотвѣтствуетъ цѣли, или дурно, или посредственно... Кромѣ замѣтнаго пристрастія въ сужденіяхъ, ни на чемъ положительномъ неоснованныхъ, недостаетъ логическаго расчета въ этой статьѣ... Неопредѣленность сужденій и частое употребленіе общихъ мѣстъ проистекаютъ отъ того, что Авторъ принялся за перо, не опредѣливъ точки зрѣнія, или лучше сказать, не предположивъ основательно—что онъ напишетъ ¹⁾“.

Стихотвореніе Сомова, написанное въ подражаніе Парни и напечатанное М. Яковлевымъ въ книгѣ „Опытъ Русской Анеологіи”, не нашло одобренія на страницахъ *Моск. Вѣстника* (№ X, 181—186; № XI, 338--339 стр.).

¹⁾ Издатель М. Погодинъ говоритъ, что въ № 5 Моск. В. за 1827 годъ онъ ввелъ переписку съ цѣлью обратить вниманіе на нѣкоторыя стороны въ наукахъ; съ этою цѣлью иногда писались парадоксы, а г. Сомовъ эту цѣль одной статьи приписываетъ всѣмъ статьямъ.

Благопріятно отозвалась объ одномъ произведеніи Сомова *Гирлянда*, журналъ Словесности, музыки, моды и театровъ, 1832 г. Въ № 2 (37—45 стр.), разбирая альманахъ *Альціону*, изданную бар. Розеномъ на 1832 г. неподписавшійся рецензентъ говоритъ: „О. М. Сомовъ снабдилъ Альціону лучшею статьею... которую мы признаемъ лучшимъ изъ всѣхъ донныне намъ извѣстныхъ произведеній его. *Романъ въ двухъ письмахъ* смѣло можно промѣнять на многіе многотомные Романы, за сочиненіе коихъ принялись съ такимъ примѣрнымъ... трудолюбіемъ нѣкоторые изъ Русскихъ Литераторовъ: по кр. мѣрѣ, онъ, въ сравненіи съ ними, принесетъ гораздо болѣе пользы Отечественнѣй Словесности, а читателямъ своимъ несравненно болѣе удовольствія. Присшествіе, описываемое въ сихъ двухъ письмахъ, не только любопытно, даже увлекательно своею занимательностію—и близко къ природѣ. Что касается до разсказа, то и самъ Издатель Альманаха, Баронъ Розенъ, въ примѣчаніи, сдѣланномъ въ концѣ сей статьи, поставляетъ Автора въ числѣ *хозяевъ* Русскаго языка, съ чѣмъ намъ въ этомъ случаѣ весьма пріятно согласиться“.

Кромѣ того, удостоились похвалы слѣдующія произведенія Сомова: *Борода Богдана Бѣльскаго*, *Алкидъ въ колыбели* и *Бродящій огонь*.

Слѣдуетъ сказать, что на страницахъ *Гирлянды* появились произведенія Сомова. Въ № 1, 1831 г. (21—22) напечатана его замѣтка о „Пѣсняхъ и романсахъ А. Мерзлякова“ (Москва 1820) ¹⁾; въ № 4 (93—103 — *Видѣніе на яву* (Импровизація одного весельчака въ свѣтскомъ кругу) ²⁾.

Безпристрастно относился къ Сомову и *Телескопъ* Н. Надеждина. Въ № 2 за 1831 г. (стр. 226—233) объ обзорѣ словесности Сомова въ *Сѣв. Цвѣтахъ* за 1831 г. сказано: „Оно показываетъ въ обзорѣвателѣ вниманіе къ софтамъ, на которые для него доселѣ не скупились. Онъ отступился отъ прежнихъ претензій на высшіе философическіе

¹⁾ Подписано С.-овъ.

²⁾ Подпись: О. Сомовъ.

взгляды, возбуждавшіе бывало смѣхъ и горѣ—даже въ *Московскомъ Телеграфѣ*; и ограничился, по просту безъ затѣй, историческою переченью замѣчательныхъ произведеній Русской литературы за *вторую половину 1829 и первую 1830 года*.. При оцѣнкѣ исчисляемыхъ произведеній, почтенный обозрѣватель слѣдуетъ своимъ собственнымъ началамъ, которыя оспаривать и совѣтно и бесполезно: ибо онѣ опредѣляются его домашними отношеніями къ Русскимъ Литераторамъ, а не къ Русской Литературѣ“...

Объ *Отрывкѣ изъ писемъ изъ-за-границы Сомова* (альм. *Сиротка*, 1831 г.) сказано (№ 3, 575 стр.): „можно прочесть безъ скуки“. Въ № 10, 239—240 стр., рецензируя сочиненіе Мока, переведенное въ Петербургѣ Сомовымъ (Наваринская битва или ренегатъ, историческій романъ, сочиненіе Г. Мока. Перевелъ съ французскаго Орестъ Сомовъ. Спб. 1831) и въ Москвѣ неизвѣстнымъ (Битва при Наваринѣ или отступникъ Мока. Москва. 1831), авторъ говоритъ о превосходствѣ Петербургскаго перевода надъ Московскимъ. „Г. Сомовъ извѣстенъ, какъ переводчикъ владѣющій языкомъ и знающій дѣло: слѣдовательно, проиграть въ состязаніи съ нимъ не стыдно. Да и въ самомъ дѣлѣ, настоящій переводъ его таковъ, какъ нельзя желать лучше“.

Выше говорилось о нападкахъ Воейкова на Сомова. Но Воейковъ очень часто мѣнялъ свои симпатіи, которыя у него не вытекали изъ какихъ-нибудь положительныхъ принципіальныхъ воззрѣній, а зависѣли, какъ у Булгарина, Бестужева-Рюмина и другихъ современныхъ критиковъ, отъ случайныхъ столкновеній. Незадолго до своей кончины Орестъ Михайловичъ случайно сошелся съ Воейковымъ въ одинаковомъ взглядѣ на Н. Полевого и его литературную дѣятельность.

А. С. Пушкинъ въ письмѣ къ А. А. Орлову (отъ 9 янв. 1832 г.) ¹⁾ говоритъ: „Кажется, теперъ г. Полевой нападаетъ на васъ и меня; собираюсь на него разсердиться; пока-

¹⁾ Соч. Пушкина, 1887 г., т. VII, стр. 300.

мѣсть съ нимъ возятся Воейковъ и Сомовъ подѣ псевдонимомъ *Н. Лугового*—мое дѣло сторона“. Кс. Ал. Полевой въ своихъ „Запискахъ“ ¹⁾ подтверждаетъ, что Сомовъ нападалъ на его брата, при этомъ даетъ слѣдующій отзывъ о нашемъ писателѣ: „добрый малый и образованный словесникъ, но перемѣтная сума по мнѣніямъ. Онъ былъ попеременно другомъ почти всѣхъ враждовавшихъ между собою партій“. Поводомъ къ нападкамъ О. М. Сомова на Н. А. Полевого послужило критическое отношеніе послѣдняго въ Московскомъ Телеграфѣ къ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина. Выше уже указаны были статьи Сомова въ защиту Карамзина, напечатанныя въ другихъ журналахъ. Теперь укажемъ статьи его, напечатанныя въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“ Воейкова. Но предварительно слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи редактора „Литер. Приб. къ Р. Инв.“ къ Сомову. Замѣчанія о сочиненіяхъ Сомова начали появляться съ перваго же года изданія „Лит. Прибавленій“. Въ № 8-мъ 1831 г. (стр. 59—60) находимъ статейку подѣ заглавіемъ: „Литературная новость“. Статья подписана буквою Р и, вѣроятно, принадлежитъ редактору Воейкову. „Сомовъ, читаемъ въ этой статьѣ,—недавно издалъ *Разказы Путешественника*, въ двухъ томахъ. Русскіе до сихъ поръ имѣютъ мало, или почти ничего не имѣютъ оригинальнаго въ этомъ родѣ. Малороссійскій романъ *Байскаго: Гайдамакъ*, изъ котораго отрывки и образчики были помѣщены въ разныхъ періодическихъ сочиненіяхъ, теперь изданъ *вполнѣ и говорятъ*, что онъ весьма занимателенъ описаніемъ Малороссійскихъ нравовъ“. Истинно-поразительная новость! ужели въ Берлинѣ печатаются Русскія книги! Мы уже готовы были воспылать патристическимъ восторгомъ при радостной мысли, что Русскій языкъ распространяется въ ученѣйшей странѣ Европы, въ Германіи, но одно замѣчаніе *осторожнаго* Нѣмецкаго рецензента обдало насъ смертельнымъ холодомъ: „*говорятъ*, что

¹⁾ СПБ., 1888 г., стр. 316—317.

Гайдамакъ занимателенъ и пр.”. *Говорятъ!* Стало быть и въ Берлинѣ нѣтъ этихъ оригинальныхъ произведеній Г.г. *Сомова* и *Байскаго*? гдѣжь они находятся и гдѣ же печатаны, въ какой подлунной, волшебной типографіи? отъ чего ихъ нѣтъ ни у насъ въ С.-Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ниже въ Архангалскѣ и Одессѣ? Между тѣмъ, какъ эти произведенія—или правильнѣе сказать *виднѣя* нашего Парнаса вѣроятно, въ *шапкахъ невидимкахъ* гуляютъ по бѣлу свѣту; мы, съ похвальнымъ терпѣніемъ, ожидая ихъ *явленія* нашимъ смертнымъ, очамъ позволяемъ себѣ судить объ этихъ *невидимкахъ* по *зримымъ* отрывкамъ ихъ чудеснаго существованія. Кто изъ насъ не желаетъ пить медъ устами Нѣмецкаго рецензента? Кто не желаетъ, чтобъ наша Литература не имѣла *ничего* оригинальнаго въ родѣ *Разказовъ Путешественника*? — Мы истинно уважаемъ Г-на *Сомова* за его трудолюбіе; за совершенное знаніе Русскаго языка (въ семь его произведенія могутъ служить образцами), но почтенный *Орестъ Михайловичъ* самъ согласится, что исчисленныя нами похвальные качества еще не даютъ права на славу хорошаго Литератора. О *Байскомъ* же скажемъ, что онъ дѣйствительно занимался составленіемъ Малороссійскаго романа *Гайдамакъ*, изъ коего много отрывковъ извѣстно Публикѣ, но не думаемъ, чтобъ онъ успѣлъ кончить (не говорю уже напечатать сей *оригинальный* трудъ): ибо по предмету малороссійскихъ нравовъ и обычаевъ, онъ все еще находится въ затруднительной перепискѣ съ однимъ *дальнимъ*, почтеннѣйшимъ Литераторомъ, совершенно знающимъ всѣ обряды и повѣрья и преданія своей родины—поэтической Малороссіи. Хотя сія благословенная страна есть также родина Г. *Байскаго*, но онъ вѣроятно въ *первой* юности,

Какъ трепетный Асканій

Отторженъ былъ отъ матери своей!

и потому не могъ узнать ее коротко и слѣдственно: пишетъ о томъ, чего *самъ* не знаетъ. Не смотря на сіе неудобство, мы все таки думаемъ, что Г. Байскому удастся сдѣлать свой романъ занимательнымъ.

„Мы очень желали бы отдать отчетъ и себѣ и читателямъ нашимъ въ томъ, почему *Берлинская Газета Freimüthige* могла судить о книгахъ, еще ненаписанныхъ въ *С.-Петербурѣ*? и сколько ни приложили ума и ученія, но изъ сего отвлеченнаго предмета не могли вывести никакого другаго заключенія, кромѣ нижеслѣдующаго, конечно не совсѣмъ удовлетворительнаго: какой нибудь почитатель Г.г. *Сомова* и *Байскаго*, желая ихъ обрадовать *неожиданнымъ* подаркомъ на Новый годъ, или думая, что къ этому времени выйдутъ упомянутыя сочиненія, или, что преждевременная похвала въ иностранной газетѣ побудитъ Г.г. сочинителей къ скорѣйшей выдачѣ сихъ книгъ, вздумалъ сыграть надъ нашими скромными Литераторами и надъ легковѣрнымъ Газетчикомъ Берлинскимъ, такую непозволительную шутку, за которую Г.г. *Сомовъ* и *Байскій* не преминутъ воздать ему порядочнымъ головомытіемъ -- и по дѣломъ!“.

Въ *Лит. Приб. къ Русск. Инв.* за 1832 г. (№ 15, стр. 118—119) въ отзывѣ о *Свѣ. Цвѣт.*, подписанномъ з—ъ—ъ, о произведеніи Сомова „*Сватовство*“ сказано: „Оригинальность, наблюдательный умъ и чистый слогъ—вотъ что отличаетъ, какъ сіе, такъ и всѣ другія сочиненія Г. Сомова; въ другой его статьѣ: *Живой въ обителѣ блаженства вѣчнаго* мы съ удовольствіемъ замѣтили ту отчетливость въ развитіи основныхъ идей, которую напрасно будемъ искать въ аллегоріи: *Важный споръ* (Глинки)“...

Въ № 71 за 1833 г., въ ст. *Плакса. И мои мысли о книгѣ Новоселье*, подписанной *НН*, читаемъ: „Къ числу занимательныхъ статей въ *Новоселье* можно причислить еще *Кіевскихъ вѣдмъ*, Порфирія *Байскаго*,—повѣсть, написанную чистымъ пріятнымъ слогомъ“. Въ примѣчаніи къ фамиліи „*Байскаго*“ Воейковъ прибавилъ: „Покойнаго Ореста Мих. Сомова, котораго потеря весьма чувствительна для любителей легкой прозы“.

Въ №№-ахъ 11, 12, 13, 14 и 15 *Лит. Приб. къ Русск. Инв.* за 1835 годъ Воейковъ напечаталъ повѣсть Сомова *Самоубійца* (Изъ рассказовъ путешественниковъ).

Такимъ образомъ, Воейковъ къ началу 30-хъ годовъ XIX ст. перемѣнилъ свой взглядъ на Сомова, какъ писателя, и пользовался его услугами. Къ чести нашего писателя слѣдуетъ отнести то, что онъ, очевидно, сознавалъ неловкость сотрудничать у человѣка, который нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ забрасывалъ его грязью. Говоримъ „сознавалъ неловкость” на основаніи того, что свои статьи въ *Лит. Приб. къ Р. Инв.* онъ не подписывалъ своею фамиліею, а псевдонимомъ *Никита Луговой*. Нельзя объяснить этотъ псевдонимъ нежеланіемъ выдавать себя передъ Н. А. Полевымъ: Сомовъ до того не разъ подъ своею фамиліею полемизировалъ съ издателемъ „*Московскаго Телеграфа*”. Нужда въ деньгахъ и природная мягкость, слабохарактерность, очевидно, побудили Сомова писать въ органѣ Воейкова.

Въ первый же годъ изданія *Лит. Приб. къ Русск. Инв.* (№ 94, 1831 г.) въ особомъ отдѣлѣ „*Пересмѣшникъ*” появилось „*Письмо къ Издателю литературныхъ прибавленій, о Вечерахъ на хуторъ близъ Диканьки, о критикѣ на нихъ Г. Полевого и о прочемъ*”, подписанное *Никита Луговой*. Вотъ что писалъ Сомовъ въ своемъ письмѣ. „Прочитавъ въ 79-мъ №-рѣ вашихъ Литературныхъ Прибавленій статью о книгѣ *Вечера на хуторъ близъ Диканьки*, мы, ваши усердные читатели, повѣрили на слово *А. С. Пушкину*, изъ письма коего помѣщена рецензентомъ выписка, и со всею охотою принялись читать помянутую книгу. Въ самомъ дѣлѣ, съ перваго раза мы увлеклись живостью и богатствомъ воображенія, непритворною веселостью Автора, яркою живописью картинъ природы, часто обаятельною новостью выраженія и вѣрностью, какъ намъ казалось, нравовъ и быта Малороссійскихъ поселянъ, выведенныхъ на сцену пасичникомъ Панькомъ Рудымъ”... Но вотъ появился № 17 *Московскаго Телеграфа* (черезъ 1½ мѣсяца послѣ срока), и въ немъ напечатано четыре страницы о *Вечерахъ на хуторъ*. Г. Полевой, проѣхавшій Малороссію до Азовскаго моря и знающій Малороссійскіхъ поселянъ, поколебалъ эту вѣру. „И мы вѣримъ *Г. Полевому*, котораго этнографическія свѣдѣнія столь же не подвержены сомнѣнію, какъ и его познанія въ языкахъ Санскритскомъ,

Еврейскомъ, Греческомъ и Римскомъ... Насъ не убѣдило даже и то, что намъ толковалъ одинъ Малороссіянинъ,... будто бы 3-е лицо единств. числа настоящаго времени изъяснит. наклоненія глагола *шумѣть*, Малороссіянами выговаривается не *шуме*, а *шумѣть*, будто бы Г. Полевой слышалъ эту пѣсню не въ Малороссіи, а въ какомъ-нибудь *дивертисментѣ*, данномъ на Московскомъ театрѣ... Все это говорилъ намъ малороссіянинъ, конечно, съ досады за своего земляка, или изъ зависти къ Г. *Полевому*, знающему Малороссію лучше туземцевъ онаго края”...

Въ 1832 году на страницахъ *Лит. Приб. къ Русскому Инв.* появилось нѣсколько статей, направленныхъ противъ Н. А. Полевого, изъ которыхъ двѣ подписаны именемъ *Никиты Лугового*.

Въ №-рѣ 1-мъ напечатано: „*Письмо 2-е къ Издателю литературныхъ прибавленій, объ Исторіи Русскаго человѣка, съ отрывкомъ изъ предисловія къ оной*”.

Въ этой статьѣ находимъ рядъ удачныхъ выходокъ противъ Н. Полевого, при чемъ Сомовъ обнаружилъ способность вчитываться въ чужія произведенія и схватывать манеру выраженія. Какъ въ приведенномъ выше письмѣ къ А. С. Пушкину Сомовъ обнаружилъ свою вчитанность въ древнія посланія и книги, такъ во 2-мъ письмѣ къ Воейкову онъ доказалъ полное знакомство съ стилемъ и литературною манерою и приемами Н. А. Полевого.

Въ этомъ письмѣ Сомовъ жалуется на нѣкоего *Ивана Откровенина*, который въ № 52 *Лит. Приб.* за 1831 годъ присвоилъ себѣ его произведеніе „*Исторія Русскаго человѣка*”.

„Еще въ 1829 году,—пишетъ Сомовъ,—родилась во мнѣ мысль, написать *Исторію Русскаго человѣка отъ пеленъ до гробовой доски*. Я перечиталъ многое множество книгъ, выбиралъ изъ нихъ, переписывалъ и наконецъ приступилъ къ геніальному труду моему: написалъ на первомъ листѣ заглавіе, которое выше вы изволили видѣть, и подписалъ подъ нимъ эпиграфъ: *Русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ*... Потомъ наполнилъ я слишкомъ 80 страницъ предисловіемъ,

которое могу смѣло назвать образцомъ ясности, точности и краснорѣчія... Наконецъ я написалъ даже до семи страницъ самаго романа... Я хотѣлъ разложить сіе твореніе на 12 томовъ, издавать его по крайней мѣрѣ 24 года, собрать деньги съ подписчиковъ впередъ, и пр. и пр... Я не прилагаю здѣсь особаго объявленія о моемъ великомъ трудѣ. Скажу только, что въ промежуткахъ, отъ изданія одного тома *Исторіи Русскаго человѣка* до другаго, намѣренъ я издать другой романъ, подъ заглавіемъ: *Клятва при гробѣ Магометовомъ*...

Желая познакомить читателей съ своимъ воззрѣніемъ на предметы, съ образомъ мыслей и выраженіемъ ихъ, Сомовъ приводитъ отрывокъ изъ *Предисловія* къ *Исторіи Русскаго человѣка*. Вотъ онъ: „Есть различіе между простымъ, естественнымъ побужденіемъ *смотреть на предметы*, и тѣмъ всеобъемлющимъ, *вышимъ взглядомъ* внутренней, духовной нашей созерцательности, который поставилъ въ ряду другихъ созданий искусства *романъ*, какъ вѣрное отраженіе человѣка, въ себѣ самомъ сжатаго, изъ себя източающагося, на себя разлагающагося. Вотъ вся разница между геніемъ и разиней. Всѣ искусства образовательныя и описательныя зажили въ зародышѣ вѣковъ вмѣстѣ съ жизнію человѣка: въ первомъ грубомъ и, можетъ быть, дырявомъ горшкѣ перваго горшечника, мы видимъ начатки ваянія, подозрѣваемъ формы Венеры Медицейской и Аполлона Бельведерскаго... Но всѣ искусства, благородныя и простонародныя, высокія и низкія, блестящія и темныя, таятся въ первоначальныхъ дѣйствіяхъ вообразительной нашей силы, какъ ядро въ скорлупѣ орѣха.. Мы ошибемся, если будемъ смѣшивать первый отблескъ воображенія съ тѣмъ обширнымъ и яркимъ сѣвернымъ сіяніемъ произведенія геніальнаго, которымъ оно, возрастное, блеститъ, отливается и озаряетъ темные закоулки природы внѣшней и внутренней... Съ самаго перваго прыжка воображенія, все есть уже у человѣка, все, чѣмъ можетъ онъ обнять и притиснуть къ своему сердцу міръ фантазіи, въ себѣ самомъ, надъ собою, подъ собою, за собою и впереди себя. Созер-

цательное чутье, коимъ одаренъ человѣкъ, совпадая со всѣмъ, всему сочетается“...

„Замѣтите, М. Г., что я съ намѣреніемъ останавливаюсь на сихъ строкахъ, и не продолжаю моего предисловія, дабы по совѣту Французскаго мудреца, не всѣ истины разомъ выпустить изъ горсти...

„Если найдутся маловѣры и раскольники литературные, которые захотятъ видѣть въ этомъ предисловіи только пусто-словіе и бессмыслицу, — то вы, М. Г., смѣло утверждайте, что сіи люди не стоятъ на той высотѣ идей, на которой я нахожусь, что они люди темные, очень темные; но что я съ моимъ высшимъ постиженіемъ, гораздо опередилъ свой вѣкъ и живу такимъ образомъ въ XXXII столѣтіи по Р. Х.

„Подозрительное наше поколѣніе, толпа Скептиковъ, вѣроятно станетъ мнѣ приписывать шарлатанство, желаніе бросать пыль въ глаза и ложную глубину мыслей, въ коихъ, будто бы, ничего нельзя добиться: вы отражайте рѣшительно сіи дерзкія нападенія, твердите... о ясности моихъ идей, о моихъ познаніяхъ, истинно глубокихъ; болѣе же всего о моей *усобной* философіи, къ которой только до нынѣ не при-скано ключа...

...Во всякомъ случаѣ... вамъ не худо зажать ихъ болт-ливыя уста, бросивъ имъ въ зубы названія невѣждъ, неучей, гонителей просвѣщенія, щенетильныхъ критиковъ, квасныхъ патриотовъ и пр. и пр.

Вторично выступилъ въ томъ же году на страницахъ *Лит. Приб. къ Русск. Инв.* Никита Луговой со статьею „*Совѣтъ за совѣтъ*“ (№ 18). Написанная въ другомъ тонѣ, эта статья указываетъ на справедливый фактъ: на мелочныя и несправедливыя придирки Н. А. Полевого къ Исторіи Государства Россійскаго Карамзина. „Г. *Полевой*, читаемъ здѣсь, съ извѣстнымъ его безпристрастіемъ, разбирая вышедшія къ нынѣшнему году альманахи: *Альціону* и *Сѣверные Цвѣты* находитъ страннымъ, что Г. *Сомовъ*, по желанію друзей сво-ихъ, пишетъ для ихъ альманаховъ повѣсти и другія статьи.

Въ самомъ дѣлѣ, подобная импровизація даже непрости-тельна. Для чего бы, вмѣсто повѣстей и легкихъ статейекъ,

Г. Сомову не импровизировать напр. какойнибудь *Исторіи Народа*? Можетъ быть онъ боится многолѣтняго труда, тяжелой отвѣтственности передъ читателями, или тому подобнаго? — Напрасно: мы видимъ, какъ смѣло и легко люди принимаютъ за подобное предпріятіе. Дѣло въ началѣ, а объ исполненіи нечего заботиться; подписчики же люди снисходительные: пошумятъ, покричатъ, да и замолчатъ. Притомъ и самый трудъ не такъ то головоломенъ. Стоитъ только взять какуюнибудь печатную Исторію, напр.: хотя *Исторію Государства Россійскаго*, переиначить и по своему исказить факты, побранивать почаще Автора оной, вклеить двѣ-три пошлыя и незаслуживающія вниманія догадки; потомъ кстати (а больше всего не кстати) выписывать по цѣлымъ страницамъ изъ *Робертсона, Гизо, Тьерзли, Баранта, Нибура, Аста* и пр. и пр., все это распестрить варварскимъ, шереховатымъ слогомъ, смѣсю надутаго съ площаднымъ, и унизать такими безтолковыми фразами, которыхъ никто, даже самъ Авторъ не понимаетъ. Далѣе: обѣщать весь этотъ хаосъ пустить на свѣтъ въ теченіе года, и вмѣсто того, разложивъ оный въ нескончаемыя лѣта, жаловать подписчикамъ (за ихъ же деньги) черезъ два года по книжкѣ; а между тѣмъ пользоваться на привольѣ собранною за подписку суммою и кропать какойнибудь вздорный романъ, подъ заглавіемъ, списаннымъ съ бенефисныхъ афишъ. Вотъ трудъ, достойный Литератора, который не надѣляется даромъ своими статьями пріятелей-альманачниковъ, а твердо помнитъ благоразумное правило, *que la charité bien ordonnée est celle qui commence par soi-même*“.

Воейковъ подъ различными фамиліями (псевдонимами) на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ *Лит. Приб къ Русск. Инв.* преслѣдовалъ Н. А. Полевого; Сомовъ же ограничился двумя указанными статьями. Впрочемъ, можетъ быть, ему же принадлежитъ статья, подъ заглавіемъ „*Ничто о литературномъ предпріятіи г. фонъ-Кіорринга* (№ 17, 1832 г.), подписанная *Ксенократъ Луговой* и намекающая, очевидно, на брата Н. А. Полевого Ксенофонта Алексѣевича. *Ксенократъ Луговой* рекомендуется въ *P. S.* статьи такъ:... Я родной

братъ *Никиты Луговаго*, знаменитаго сочинителя *Исторіи Русскаго челоука*. Слава брата встревожила меня, и я рѣшился быть тоже писателемъ. Съ неукротимою самонадѣянностью, какъ Н. А. *Полевой*, выступаю на новое поприще съ критическимъ хлыстикомъ. Говорять, это не хорошо, а мнѣ какое дѣло? Я подражаю Г. *Полевому*, и его же избираю въ достойные противники"... Въ статьѣ достается Н. А. *Полевому* за то, что онъ въ *Моск. Телеграфѣ* „протрубилъ своему переводчику (т. е. Кноррингу) многолѣтнюю хвалебную пѣсню и требоваль, чтобы и другіе Журналисты, въ угодность ему, сдѣлали тоже”.

Разсмотрѣнная въ этой главѣ полемическая дѣятельность О. М. *Сомова*, равно переписка его съ другими болѣе мирно настроенными къ нему литераторами-современниками не сохранили слѣдовъ горячей привязанности къ нашему писателю кого-либо изъ послѣднихъ. Повидимому, оправдываются слова Кс. А. *Полеваго*, что *Сомовъ* „переметная сума“, старался ладить и дружить со всѣми литераторами — и потому не могъ приобрѣсти ни смертельныхъ враговъ, ни пламенныхъ друзей. Этимъ объясняется, что смерть его прошла почти незамѣченною въ современной журналистикѣ.

Онъ умеръ 27 мая 1833 г. въ Петербургѣ въ своей квартирѣ, на Знаменской улицѣ, въ домѣ купчихи Балахановой, № 712. Онъ умеръ на 40-мъ году, оставивъ послѣ себя жену и сына.

Изъ писателей-современниковъ одинъ бар. Е. Θ. *Розенъ*, авторъ многихъ стихотвореній, драмъ и либрето къ „Жизни за Царя” М. И. *Глинки*, принималъ участіе въ его похоронахъ. 29 мая 1833 г. онъ писалъ А. С. *Пушкину*, что *Сомовъ* умеръ, что его похороны состоятся 30 мая въ 10 час. Онъ приглашалъ *Пушкина* присутствовать на похоронахъ ¹⁾. Но никто изъ писателей не явился отдать послѣдній долгъ литератору. „*Сомова*”, — писалъ 14 іюня 1833 г. бар. Е. Θ. *Розенъ* къ С. *Шевыреву*, — „я одинъ сопровождалъ въ мо-

¹⁾ См. *Письма Пушкина и къ Пушкину* изд. „Скорпионъ“. 1903 г. М., стр. 109.

гилу; стыдно нашимъ здѣшнимъ литераторамъ! ¹⁾. Изъ современныхъ журналистовъ въ № 49 *Литер. Приб. къ Русск. Инв.* посвятилъ памяти Сомова нѣсколько строкъ только Л. Якубовичъ, авторъ стихотвореній, печатавшихся во многихъ Петербургскихъ журналахъ 20 и 30-хъ годовъ.

Послѣ извѣщенія о времени кончины и похоронахъ, Л. Якубовичъ писалъ: „Въ покойномъ О. М. Сомовъ соединялись два отличительные качества: наблюдательный умъ и отлично доброе сердце. Душа его, до самаго конца своего пребыванія на землѣ, сохранила живую воспримчивость для всего прекраснаго, и сія благородная потребность внутренней жизни не гибла въ немъ среди непрерывныхъ житейскихъ нуждъ, утомительныхъ бденій и неблагодарныхъ литературныхъ трудовъ. Покойный Сомовъ не искалъ ни почестей, ни богатства: онъ былъ истинный жрецъ *Музъ*, посвятившій всю жизнь свою *единственно* литературѣ”. Прошло болѣе 20 лѣтъ. Скромный мраморный памятникъ на могилѣ его на Смоленскомъ кладбищѣ сильно пострадалъ отъ безпощаднаго времени и заросъ травой. Казалось всё забыли о существованіи на Руси литератора О. М. Сомова. Но вотъ вспомнилось одно дѣло, подвигъ „отлично добраго сердца” Сомова,—и въ журналѣ „*Русскій Инвалидъ* 1854 года (№ 5, стр. 15—16) писатель А. Гренъ, лично знавшій Ореста Михайловича, напечаталъ статью „*Нѣсколько словъ о русскомъ литераторѣ, О. М. Сомовъ*, съ эпиграфомъ: „Онъ жилъ и умеръ благородно!“ А. Гренъ впервые встрѣтился съ О. М. Сомовымъ въ 1825 году на одной изъ средъ въ домѣ гр. Д. И. Хвостова. „Сомовъ,—передаетъ современ-

¹⁾ Письма бар. Е. Э. Розена хранятся въ Императорской Публичной Библиотекѣ въ Петербургѣ. Отсутствие Пушкина на похоронахъ Сомова слѣдуетъ, вѣроятно, поставить въ связь съ охлажденіемъ, какое произошло между великимъ поэтомъ и Сомовымъ въ 1832 г. По словамъ Кововскаго, Пушкинъ „разладилъ съ Сомовымъ за благоразумное присвоеніе почтеннымъ Орестомъ Михайловичемъ денегъ, которыя выручилъ отъ изданія „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ (См. Ист. Вѣстн. 1883 г. № 12, ст. Садовникова: „Отзывы современниковъ о Пушкинѣ“. Ср. Н. Пиксановъ. Несостоявшаяся газета Пушкина „Дневникъ“ (1831—32). СПБ. 1907 года, стр. 28 и д.

никъ свое впечатлѣніе,—при благородной наружности, имѣлъ рѣдкую и прекрасную душу. Онъ былъ человѣкъ честный, добрый и прямодушный”.

Въ одну изъ средъ, „20 декабря 1826 года, на литературномъ вечерѣ у Графа Хвостова, Сомовъ былъ весьма скученъ и печаленъ; онъ ни съ кѣмъ не говорилъ и сидѣлъ молча у камина, задумавшись. Всѣ знавшіе его съ участіемъ спрашивали о причинѣ его печали. Сомовъ молчалъ; но когда гр. Хвостовъ сказалъ: Молодой человѣкъ! о чемъ печалишься—твоя жизнь еще впереди; брось грусть свою и развеселись”. Сомовъ сказалъ; Ваше Сіятельство! мнѣ нечего печалиться, я доволенъ судьбою; но грѣясь у камина я думалъ объ одномъ страдальческомъ семействѣ, ему необходима помощь. Вызвались докторъ В., гр. Хвостовъ, молодой поэтъ С. и А. Е. Измайловъ поѣхать изъ Сергіевской въ Госпитальную, въ Семеновскій полкъ. Въ нижнемъ этажѣ небольшого полуразвалившагося домика нашли семью К***. Помощь и христіанскія заботы Сомова спасли семью. Черезъ 20 лѣтъ дочь К*** Надежда Васильевна С—ая изъ Малороссіи написала А. Грену о поступкѣ Сомова, который выше рассказанъ нами, по сообщенію въ Русскомъ Инвалидѣ 1854 года.

